ТЕРРИ
ПРАТЧЕТТ



ОПЕЧАТКИ

ИЗБРАННЫЕ ИСТОРИИ
С ПРЕДИСЛОВИЕМ **НИЛА ГЕЙМАНА**

fanzon

Опечатки
Терри Пратчетт

Аннотация
Терри Пратчетт. Опечатки. Сборник
Предисловие
Нежданный бумагомаратель
  Развитие мысли
  Наладонник
  Главное слово
  Как стать профессиональным боксером
  Брюэровский мальчик
  Книги в мягких обложках
  Советы продавцам книг
  Никаких проблем
  Конвенциональная мудрость
  От всего сердца, через паховую артерию
  Плоскому миру – 21
  Кевины
  Странные идеи
  Заметки успешного автора фэнтези: пишите настоящую литературу
  А для кого вы фэнтези?
  Почему Гэндальф не женился
  Корни фэнтези

Ну и ублюдки эти эльфы
Пусть будут драконы
Волшебные королевства
Культовая классика
Нил Гейман, Великий Фокусник
Речь на вручении медали Карнеги за 2001 год
Речь, произнесенная при получении премии Boston-Horn Book за роман «Народ»
При просмотре «Народа»
Доктор Кто?
Немного о шляпах
Раздолбай и мечтатель
Большой Магазин
Раундхед Вуд, Фоти Грин
Лучший ученик
О Бабушке Пратчетт
Сказки о чудесах и порнографии
Письмо в «Вектор»
Выбор писателя
Предисловие к «Эволюции человека» Роя Лью-иса
Волхв и я, или Как у волхвов ничего не вышло
Милая, у этих пчел было золотое сердце
Грибы поют, пора вставать
Предисловие к роману Дэвида Лэнгфорда «Про-худившийся аппарат»

Что для меня значит Рождество
Инопланетное Рождество
«Космическая одиссея 2001 года»: ожидание и реальность
Божественное мгновение
Настоящий рассеянный профессор
Субботы
Дни гнева
Об отличной учебе в школе: что для вас значит образование
Орангутаны вымирают
Национальная служба здравоохранения получила серьезную травму
Я потихоньку ускользаю… и могу только следить за этим
В мире налогов
Отправьте меня на небо, когда придет конец
Лекция в память Ричарда Димблби: пожать руку смерти
В разъяснениях по вопросу эвтаназии появилось слово «сострадание»
Эвтаназия: правительство должно дать нам право умирать
Смерть постучал, и мы его впустили
Неделя смерти Терри Пратчетта
И наконец…

Разрозненные заметки Терри Пратчетта о жизни
Об авторе

Аннотация

Сборник статей и эссе знаменитого создателя Плоского мира Терри Пратчетта. Он легко и с юмором рассказывает о писательском закулисье. Но у смеха всегда есть изнанка – и у Пратчетта, мастера слова, это серьезные и пронзительные размышления о свободе и праве человека на смерть.

Терри Пратчетт
Опечатки
Сборник

Terry Pratchett
A Slip of the Keyboard

© Terry and Lyn Pratchett, 2014
Cover Art © 2011 by Paul Kidby
© И. Нечаева, перевод на русский язык, послесловие, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Вы держите в руках сборник слов, охватывающий всю мою карьеру. Поэтому я могу посвятить эту книгу только тем восхитительным людям, которые работали вместе со мной или помогали мне самыми разными способами[1] в течение многих лет.

Назову хотя бы некоторых: мои почтенные издатели Колин Смайт, Ларри Финлей, Марианна Вельманс, Филиппа Дикинсон, Сюзанна Бридсон, Малкольм Эдвардс и Патрик Дженсон-Смит. Любители слов: Катрина Вон, Сью Кук и Элизабет Добсон. Любимые редакторы: Саймон Тейлор, Ди Пирсон, Кирстен Армстронг, Дженнифер Брел и Анна Хопп. Всегда бодрые и готовые к работе журналисты Салли Рей и Линси Далладей. Господин меломанов — доктор Пэт Харкин. Мои друзья: Нил Гейман, профессор Дэвид Ллойд и один негодяй по имени мистер Бернард Пирсон. Управляющий директор «Нарративии» и еще больший негодяй Род Браун. Мои соавторы: Стив Бакстер, Жаклин Симпсон, Джек Коэн, Иэн Стюарт и мой личный картограф/драматург/носитель лосин и человек

[1] Примечания: 1

Они очень хотели помочь и почти всегда делали это с отвратительной жизнерадостностью. *(Здесь и далее примечания принадлежат автору, если не указано обратное.)*

тысячи голосов[2], Стивен Бриггс. Художники: Пол Кидби, Джош Кирби и Стивен Плеер. Мои очаровательные помощники Сандра и Джо Кидби. Спасибо Джейсону Энтони за «Ежемесячник Плоского мира», Элизабет Олвей за Гильдию фанатов и последователей и Стиву Дину за великолепный «Набалдашник посоха». Отдельного упоминания заслуживает глава Гильдии воров, человек, который способен на всё, мистер Джосайя Боггис/Дэйв Ворд[3]. И «Голова королевы», где подают восхитительные маринованные яйца и рагу из капусты с картофелем. Спасибо всем, кто организовал или пережил хотя бы один конвент Плоского мира как участник или организатор, а особенно их основателю Полу Кружицки. И всем, кто помогал мне или не мешал, а особенно Робу, который тихо работает, и без которого…

Спасибо всем. Спасибо.

---

[2] Примечания: 2
Если они все говорят с валлийским акцентом.

[3] Примечания: 3
Удалить ненужное.

Предисловие

Я хочу рассказать вам о своем друге Терри Пратчетте, и это будет нелегко. Я расскажу то, чего вы, скорее всего, не знаете.

Кто-то из вас встречал некоего обходительного джентльмена с бородой и в шляпе и воображает, что видел сэра Терри Пратчетта. Это не так.

На фантастических конвентах к вам часто приставляют человека, который водит вас с одного мероприятия на другое и следит, чтобы вы не потерялись. Несколько лет назад мне попался человек, который приглядывал за Терри на техасском конвенте. Он чуть не расплакался, вспомнив, как водил Терри с лекции к книготорговцам и обратно.

— Сэр Терри — очаровательный старый эльф, — сказал он.

«Вот уж нет», — подумал я.

В феврале 1991 года мы с ним ездили в автографтур с «Благими знамениями», романом, который написали в соавторстве. Я мог бы рассказать массу смешных и правдивых баек об этом туре. Терри использует эти истории в своих книгах. И сейчас

я расскажу чистую правду — просто обычно мы об этом не говорим.

Мы были в Сан-Франциско. В книжном магазине нам пришлось подписать примерно дюжину книг, которые они заказали. Терри посмотрел в расписание. Дальше нас ждала радиостанция: нам предстояло дать часовое интервью в прямом эфире.

— Судя по адресу, тут всего квартал, — сказал Терри, — а у нас еще полчаса. Пошли пешком.

Это случилось давно, в те чудесные времена, когда не существовало еще GPS-навигаторов, мобильных телефонов, приложений для вызова такси и других подобных полезных вещей, которые могли бы подсказать нам, что до радиостанции никак не несколько кварталов. Скорее несколько миль. В гору. В основном через парк.

Каждый раз, натыкаясь на телефон-автомат, мы звонили на радиостанцию и говорили, что да, да, мы опоздали на эфир, и что мы бежим со всех ног, вот вам крест (на насквозь пропотевшей груди).

По дороге я пытался придумать что-нибудь бодрое и оптимистичное. Терри молчал. Так молчал, что было совершенно ясно: что бы я ни сказал, будет только хуже. Я ни разу не заикнулся о том, что ничего этого не случилось бы, если бы мы

просто попросили книжный магазин вызвать нам такси. Некоторые слова назад не возьмешь, и после них нельзя остаться друзьями. Это были бы именно такие слова.

Мы добрались до радиостанции, которая стояла на вершине холма, очень далеко отовсюду, опоздав на свое часовое интервью минут на сорок. Мы ввалились в студию мокрые, тяжело дыша, а там как раз передавали срочные новости. В местном «Макдоналдсе» кто-то стрелял в людей. Так себе подводка к интервью, если ты собираешься говорить о веселой книге о конце света и о том, что нам всем предстоит погибнуть.

Люди с радио на нас страшно злились, и их можно было понять: импровизировать, когда гости опаздывают, невесело. Полагаю, что и оставшиеся нам пятнадцать минут в эфире вышли не слишком веселыми.

(Позднее мне сказали, что эта радиостанция в Сан-Франциско внесла нас с Терри в свои черные списки на несколько лет, потому что Боги Радио не прощают тех, кто заставляет ведущих сорок минут изворачиваться, заполняя эфир.)

Так или иначе, к концу часа всё завершилось. Мы поехали обратно в отель. На этот раз на такси.

Терри пылал безмолвным гневом: подозреваю, что в основном он злился на себя. Ну, еще на мир, который не сказал ему, что расстояние от книжного до радиостанции значительно больше, чем ему показалось. Он сидел на заднем сиденье рядом со мной, белый от ярости. Комок злости. Я сказал что-то обнадеживающее, пытаясь его успокоить. Может быть, что-то такое:

— Ну ладно, в конце же всё разрешилось. Это же не конец света. Хватит злиться.

Терри посмотрел на меня и сказал:

— Не надо недооценивать мой гнев. Без него не было бы «Благих знамений».

Я подумал о том, как энергично пишет Терри, как он тянет за собой нас всех, и понял, что он прав. В его текстах есть злость. Именно злость стала той силой, которая создала Плоский мир. Если поищете, вы ее найдете. Злость на директора школы, который посмел подумать, что шестилетний Терри недостаточно умен для экзамена «одиннадцать плюс». Гнев на претенциозных критиков, которые считают, что смешное — это противоположность серьезному. Злость на первых американских издателей, которые не могли нормально представить его книги.

Именно злость всегда питала его работу. К то-

му моменту, когда эта книга подойдет к концу и Терри узнает, что болен редкой формой ранней болезни Альцгеймера, гнев его уже найдет себе другие мишени. Теперь он злится на свой мозг, свою генетику и даже на страну, которая не позволяет ему (и другим людям, оказавшимся в невыносимой ситуации) самим выбрать время и способ ухода из жизни.

И кажется мне, что эта злость основана на свойственном Терри глубоком чувстве справедливости.

Именно это чувство лежит в основе всех его работ и книг. Именно оно выгнало его из школы в журналистику, потом в Центральный совет по выработке электроэнергии и, наконец, сделало его одним из самых популярных и продаваемых писателей в мире. И это же чувство справедливости заставляет его в этой книге, пусть порой и мельком, походя, всё же упоминать решительно всех людей, которые на него повлияли. Например, Алана Корена, придумавшего множество техник короткой юмористической прозы, которыми мы с Терри пользовались все эти годы. Или же блестящий и неповоротливый «Брюэровский фразеологический словарь» и его составителя, преподобного Эбенезера Кобэма Брюэра, самого

прозорливого из авторов. Предисловие Терри к «Словарю» меня немало повеселило. Мы в восторге звонили друг другу, обнаружив новый, доселе неведомый вариант этой книги («Эй, у тебя уже есть экземпляр “Словаря чудес подражательных, реалистических и догматических”»?).

Собранные здесь вещи охватывают всю писательскую карьеру Терри, со школьных времен до эпохи Рыцарства Королевства букв, и они всё еще образуют единое целое.

Они не датированы, если не считать упоминаний специфического компьютерного «железа» (полагаю, что если только Терри не отдал его на благотворительность или в музей, он может до сих пор сказать, где хранится его «Атари Портфолио» и сколько он заплатил за дополнительную карту памяти объемом в совершенно немыслимый один мегабайт). Автор этих эссе всегда говорит голосом Терри: добродушным, разумным, компетентным, суховатым и немного удивленным. Возможно, если вы читаете быстро и не особо обращаете внимания на такие вещи, вы можете счесть его веселым.

Но вся эта веселость таит под собой гнев. Терри Пратчетт не из тех, кто безропотно уходит во тьму, вечную или нет. Уходя, он злится на очень

многое. На глупость, несправедливость, человеческую недалекость и близорукость, а вовсе не только на умирание света. Хотя и на него тоже. И рука об руку с гневом — так демон под руку с ангелом уходят в закат — идет любовь. Любовь к людям со всеми их грехами, к некоторым драгоценным для него вещам, к историям, и прежде всего, любовь к человеческому достоинству.

Другими словами, гнев — это его топливо, но именно величие духа привлекает этот гнев на сторону ангелов или (так лучше для нас всех) орангутанов.

Терри Пратчетт — вовсе не веселый старый эльф. Ничего подобного. Он намного больше этого.

Терри слишком быстро сходит во тьму, и на это я тоже страшно злюсь. На несправедливость, которая лишит нас… чего? Еще двадцати или тридцати книг? Еще одной полки, полной идей, великолепных фраз, старых и новых друзей, историй, в которых люди делают именно то, для чего рождены на этот свет — то есть используют голову, чтобы вылезти из тех проблем, в которые не залезли бы, если бы хоть немного подумали раньше? Еще книги или двух вроде этой, с журналистикой, агитпропом и даже редкими

предисловиями? Но, честно говоря, потеря всего этого не так уж меня и сердит. Мне от этого грустно, но я видел создание некоторых книг вблизи и понимаю, что каждая книга Терри — это маленькое чудо, и у нас их и так уже больше разумного, а жадность — плохое чувство.

Я злюсь, потому что скоро потеряю друга.

И думаю: «А что бы Терри делал, если бы так злился?»

И тогда я беру ручку и начинаю писать.

Нил Гейман
Нью-Йорк, июнь 2014 года

Нежданный бумагомаратель

О книжных магазинах, драконах, письмах от фанатов, сэндвичах, орудиях труда, злости и всем прочем, что составляет жизнь Профессионального писателя

Развитие мысли

Журнал 20/20 Magazine, май 1989 года

Немного писанины о писанине. Внимательные читатели заметят, что в это время мои мозги занимали «Мелкие боги».

Это всё — довольно точное описание творческого процесса…

Проснуться, позавтракать, включить текстовый редактор, попялиться в экран.

Еще немного попялиться в экран.

Продолжать пялиться в экран, прислушиваясь, не идет ли почтальон. Если хоть немного повезет, почты будет много, и утро можно будет провести за напряженной работой. Последний роман только что ушел к издателю. Делать совершенно нечего. Мир превратился в черную дыру.

Прибывает почта. Одно письмо написано на листочке с Холли Хобби. Просьба о фотографии с автографом.

Ладно, ладно, можно заняться исследованиями. Для следующего сюжета о Плоском мире необходима информация о черепахах. Приходит смутная идея, что говорящая черепаха сыграет

важную роль в книге. Не представляю, почему. Черепахи просто всплыли из подсознания. Может быть, это потому, что мои собственные черепахи вышли из спячки и теперь пародируют Бертрана Рассела где-то в теплице.

Найти книгу о черепахах в ящике в свободной комнате.

Надо как можно скорее переделать книжные шкафы (очень умно было сделать их в гараже, всё подогнать, используя угольники и всякое такое, покрыть двумя слоями лака, потом принести в дом, собрать на правильные штыри и клей и расставить сотни книг в идеальном порядке. Интересный научный эксперимент: что же случится с деревом, которое провело несколько недель в холодном влажном гараже, если внезапно перенести его в теплую сухую комнату? В три часа утра обнаружилось, что все полки вдруг усохли на одну восьмую дюйма).

Интересное примечание в книге о черепахах напоминает нам, что самая знаменитая черепаха в истории — та, которая упала на голову знаменитому греческому философу… как бишь его? Очень знаменитый мужик, что бы там ни случилось у него с черепахой. Внезапно охватывает желание выяснить подробности этой истории. В том чис-

ле мысли черепахи по этому поводу. Почему-то кажется, что это Зенон, но это точно не он.

На то, чтобы выяснить, что это был Эсхил, уходит двадцать минут. Не философ, а драматург. В его руках ранняя драма стала почти религией, превратилась в площадку для разрешения глубинных этических конфликтов, восхваляла великолепие языка и мысли. А потом немного свиста, и все ложатся спать. Из интереса прочитать про Зенона. А, это тот, кто говорил, что с точки зрения логики невозможно догнать черепаху.

Надо было сказать это Эсхилу.

Теперь надо еще навести справки о молитвенных барабанах и — без всякой особой причины — об Уильяме Блейке. Ответить на звонок какой-то леди, которая интересуется, не к дантисту ли она попала.

Вот теперь точно пора приступать к работе. Пружина творчества сжата до отказа.

Перейти к делу. Для начала сделать бэкап диска.

Вот что хорошо в текстовых редакторах. В старые недобрые дни пишущих машинок, когда вдохновение тебя покидало, приходилось чинить карандаши и булавкой чистить букву «е». Но

текстовый редактор предоставляет бесконечные возможности повозиться с ним. Писать макросы. Подстраивать часы. И прочая, и прочая. Хорошая честная работа.

Сидение перед экраном и клавиатурой — само по себе работа. Тысячи офисов функционируют по этому принципу.

Пялиться в экран.

Почему орел сбросил на писателя эту чертову штуку? Точно не для того, чтобы ее расколоть, хотя в книге так и написано. Орлы не идиоты. Греция вся покрыта скалами, каким образом орел с ювелирной точностью попал в лысую голову Эсхила? Как вообще произносится это имя?

Орфоэпический словарь лежит в коробке на чердаке.

Стремянка в гараже.

Машину пора помыть.

Обед.

Отлично поработал утром, чего уж тут.

Вернуться к экрану.

Пялиться в экран.

Звонит еще одна дама, спрашивает, рай ли это (номер мотеля по соседству явно отличается от нашего всего на одну цифру). Выдумать забавный ответ номер три.

Пялиться в экран.

Может быть, это вовсе не вина орла, он просто делал свою работу, он выполнил столько миссий, господи, тебя же могут выгнать из орлиной авиации, если ты будешь слишком много думать о невинных философах, которым швыряешь черепах в голову. Уловка-22. Нет.

Пялиться в экран.

Нет. Это совершенно точно была идея черепахи. Она точила зуб на автора — наверное, он оскорбил черепах в своей последней пьесе. Какие-нибудь скористские шутки. Или он носил очки в черепаховой оправе. *Ублюдок, ты убил моего брата!* Она угнала орла, вцепилась несчастной птице в ноги, как черепаха на старом логотипе «Друзей Земли», приглушенным голосом бурчала указания, вектор 19, бип-бип-бип, Джеронимо-о-о-о-о…

Пялиться в экран.

Может быть, отчаявшаяся черепаха могла цепляться за другую часть орлиного тела?

Посмотреть статью о биологии птиц в энциклопедии. Энциклопедия лежит в коробке на лестнице. Черт.

Ужин.

Пялиться в экран. Вертеть идеи в голове. Черепахи, лысина, орлы. Хм… нет, вряд ли дело

в пьесах. Кого еще черепаха может мгновенно невзлюбить?

Полночь…

Пялиться в экран. Правая рука вдруг нажимает клавишу и открывает новый файл. Дышать очень медленно.

Написать тысячу девятьсот сорок три слова.

Отправиться в постель.

За весь день мы так и не собрались ее застелить.

Наладонник

The Independent, 9 июля 1993 года

Такие компьютеры принято считать портативными, но на самом деле это неправда. Мой старый Olivetti можно использовать вместо якоря. Возможно, они всё еще работают — я хорошо с ними обращался. И хотя они все мне больше не нужны, я никак не могу заставить себя выбросить этот винтаж.

Я помню свой первый портативный компьютер. Он весил пятнадцать фунтов. Отдельный блок питания больше всего напоминал небольшой кирпич. Эта чертова штука меня чуть не убила.

Следующий весил едва восемь фунтов, но все равно походил на кирпич (поменьше). Мне казалось, что он легкий, пока однажды мне не пришлось нестись через аэропорт вместе с ним.

Тогда до меня дошло, что не так. В чем мякотка и проблема самой идеи портативных компьютеров, что их все объединяет. Считается, что вы должны таскать их за собой. Что хорошего в машине, которая не влезает в чемодан вместе со

всем остальным, что вы обычно в него складываете? Восемь фунтов — это не портативно. Это отдельная единица багажа.

Я никогда не мог понять, почему в обзорах портативных компьютеров первым делом не упоминается вес. До сих пор его пишут мелким шрифтом внизу страницы, потому что обзорщиков гипнотизируют сверкающие диски и сияющие экраны. Дайте им потаскать этот компьютер денек-другой, вот что я скажу. Пусть носят его с собой, пусть работают в фойе студий, в отелях и на заднем сиденье такси.

Я вырос на научной фантастике. Там у всех были карманные компьютеры, которые умели разговаривать, вести дневники и управлять целыми планетами. И никто не зарабатывал из-за этого грыжи. Не понимаю, почему сейчас всё по-другому. Я пострадал из-за противоположности футурошока (как она там называется? футурошит?). Я не хочу, чтобы мне оттянуло руки до колен, но мне нравится иметь при себе компьютер.

Тогда я познакомился с миром наладонников.

Везде есть свой жаргон. Когда-то были большие компьютеры, которые стояли на столах, и были портативные (более или менее). Теперь

есть ультрабуки, нетбуки, персональные цифровые ассистенты, наладонники и карманные компьютеры. Это весьма вольная классификация по размеру, весу и прихоти человека, который об этом говорит. Но они все маленькие и легкие.

Все эти устройства занимают сумеречную зону между ноутбуками (ранее упомянутые портативные компьютеры, хотя теперь новые машинки умеют намного больше, чем те, что были у меня, и весят около шести фунтов, не считая совсем маленького кирпичика зарядки) и калькуляторами.

Первым моим приобретением стал Atari Portfolio, который я купил пару лет назад. Он весил около фунта и был снабжен встроенными программами, включая обычную приманку для яппи — «электронный органайзер», то есть простенький текстовый редактор, калькулятор, таблицы и телефонную книгу. Текстовый редактор был неплох, я написал в нем десятки тысяч слов, хотя, конечно, небыстро. Но он был не идеален.

Правило номер один: вес очень важен. Правило номер два: а что еще вам нужно?

Сэр Клайв Синклер сумел вывести на рынок первый компьютер дешевле 99 фунтов, изменив

само понятие компьютера. Вам не нужен отдельный монитор, или большая встроенная память, или стандартные коммуникационные порты, или клавиатура, пригодная для длительной печати, если вы готовы подключить машинку к телевизору, хранить программы на обычном магнитофоне и печатать очень ме-е-едле-енно и осторожно. Такому компьютеру не нужно было больше одного килобайта памяти. Его и не было.

С тех пор я начал опасаться устройств, которым нужны дополнительные детали, чтобы стать не просто полезной игрушкой. Чтобы память Portfolio выросла до какой-то приемлемой цифры, понадобился дополнительный модуль. Плюс сравнительно большой внешний модуль, чтобы компьютер мог печатать. И еще один, чтобы пользоваться последовательным портом. Без этих дополнительных устройств все данные оставались в самом компьютере. Теоретически их надо было оставлять дома. Но когда я надолго уезжаю, то много пишу, и очень нервничаю, если не могу распечатать результат или скинуть его на другую машину.

Кроме того, мне стало сложно проходить досмотр в аэропортах. Охрана нормально реагирует на обычный ноутбук, но ящик таинственных пла-

стиковых деталек ставит ее в тупик. «Покажите, как это работает», — просили они. «Конечно, — отвечал я, — будьте любезны предоставить мне доступ к розетке и лазерному принтеру».

Я обнаружил слишком много маленьких и легких устройств, в описании которых фигурировало слово «опциональный». Это означает, что вам придется дополнительно платить, чтобы работать нормально…

После двух лет поисков я остановился на Olivetti Quaderno, и сейчас я печатаю именно на нем. Он обошелся мне почти в шестьсот фунтов. Должно быть, это одна из первых машинок, которые продали в прошлом году. (Пионеры понесли заслуженное наказание. Мой агент купил такой же через пару месяцев, и там уже был дополнительный дисковый привод, а сейчас они сильно снизили цену, не говоря уж о появлении новой, более мощной модели.) Что это такое? А это, попросту тот настольный компьютер, который я купил в 1985-м, ужатый до формата A5 и одного дюйма в толщину. Весит он чуть больше двух фунтов. Я никогда не взвешивал маленькое зарядное устройство и аккумулятор, но никогда и не замечал их веса. Он отлично влезает в чемодан. Да его потерять можно в чемодане. И что

самое важное, на компьютере работают все мои программы, собранные за годы проб и ошибок.

Там работают резидентные программы вроде Sidekick и несравненная Info Select. Работает WordPerfect 4.2 (классическая версия). Мне не приходится таращиться в экран размером с почтовый конверт и пользоваться программами, которые выбрал для меня кто-то другой. У меня есть жесткий диск объемом двадцать мегабайт — а это значит, что я могу написать на нем целый роман и сохранить его весь. Прямо сейчас на диске лежит полромана.

Вы спросите: ну да, а как же клавиатура? Ну, она лучше, чем любые испробованные мной клавиатуры того же размера — у Hewlett-Packard HP 95LZ, довольно интересной машинки, кнопки, как у калькулятора, — и я могу печатать на ней вслепую.

Вы спросите: ладно, а работает ли там Windows? Нет, ни один преданный пользователь Windows на это не пойдет. Для Windows нужен экран высокого разрешения, 386-й процессор, куча оперативной памяти и еще пользователь, работающий за зарплату, который мог бы тратить долгие часы в офисе на игры с цветами и выбор новых супериконок. Мне всё это не нужно. И

экран у Quad темный. Подсветки нет, так что нужно хорошее внешнее освещение.

Но это настоящий компьютер, и он работает. Это не игрушка. Я могу носить с собой текущую работу, и дневник, и таблицы, все известные мне версии, и всё это легко переносится с Quad на офисную машину. Экран темноват, но при этом выглядит как уменьшенная версия знакомого мне экрана. Если бы пришлось, я мог бы обойтись только этим компьютером.

Пока, кирпичи. Это действительно портативная штучка.

Я не пробовал работать на ней, сидя на горе Улуру. Но если бы хотел, легко бы это устроил.

Главное слово

Взнос в «Слово», Лондонский литературный фестиваль, 2000 год

Господи, кто за этим всем следит? Если автор в Великобритании достиг определенного уровня занятости, газеты начинают заваливать его бесконечными просьбами написать что-нибудь. «Это займет всего несколько минут вашего времени». Какое-нибудь рассуждение на тему самой любимой ложки. Кто-то когда-то придумал, что это хорошая реклама.

Но несколько лет назад в рамках большого британского литературного фестиваля проводили довольно легкомысленный опрос, выявляя любимое слово нации. Это мой вариант[4].

Мне нравится случайная звукоподражательность слов, которые обозначают безмолвные вещи и понятия.

Блеск, вспышка, сверкание… именно так звучал

---

[4] Примечания: 4

А еще я использовал это слово на первой странице «Маленького свободного народца». Не помню, какое слово выбрала нация. «Бэкхем», наверное.

бы свет, если бы умел издавать звуки. «Блеск» — резкое и быстрое слово, оно само по себе блестит. А если бы жирная поверхность разговаривала, она бы *маслилась*. А «нега» звучит так, как будто мягкая зефирка тает на теплой тарелке.

Но я стою за другое слово:

ШУШУКАНЬЕ

…Оно происходит от латинского *susurrus*, то есть «шепот» или «шелест». Это совсем тихий звук. Но он напоминает о заговорах, тайнах и удивлении. Именно такой шум производит меч, вытащенный из камня — за мгновение до того, как толпа начнет чествовать нового короля.

Как стать профессиональным боксером

Предисловие к «Ежегоднику для писателей и художников-2006», 2005 год

Свой первый экземпляр «Ежегодника» (подержанный) я купил, когда мне было лет тринадцать или четырнадцать. Приношу свои извинения. Тогда я только что потратил десять шиллингов на «Брюэровский фразеологический словарь» в очень хорошем состоянии и ухлопал на это большую часть имеющихся денег. Я смутно осознавал, что это необходимо, чтобы стать писателем, и что профессионализм каким-то образом вытечет из книжки и безболезненно вольется в меня.

Я торжественно прочел его.

Было ли это полезное чтение? Пожалуй, да. Но вынужден сказать, что некоторые основные понятия уже проникли в мою жизнь благодаря научной фантастике. Бóльшая часть писателей когда-то состояла в фэндоме. Многие фанаты собираются однажды стать писателями. Поэтому на большом конвенте, посвященном научной фантастике (задолго до того, как литературные

фестивали стали новым рок-н-роллом), можно было встретить известных писателей, которые приехали за свой счет и объясняли основы целому залу подающих надежды новичков. Это называется «передача опыта».

Я делал заметки. Мне так никогда и не пришлось воспользоваться великолепным советом одного знаменитого автора, но я всё же им поделюсь: «Следите за отраслевой прессой. Когда редактор умирает, немедленно отправляйте ему или ей свой шедевр с сопроводительным письмом, адресованным этому почившему редактору. Из письма должно быть ясно, что вы уже сотрудничаете, что-то вроде: “Дорогой Х, очень рад был получить ваше восхитительное письмо. Приятно, что вы заинтересовались моей книгой. Я внес все изменения, о которых вы просили…” Разумеется, упомянутого письма они не найдут. В издательствах ничего невозможно найти. Но кто-нибудь наверняка испугается и прочитает рукопись».

Прочитав и выслушав все добрые советы, я отправил рукопись своего первого романа в небольшое местное издательство. Я однажды встречался с главным редактором, и он показался мне хорошим человеком. Ему рукопись понравилась. Обо мне никто никогда не слышал,

художественную литературу они раньше не издавали, так что денег мы не заработали. И на следующих двух романах тоже. Четвертая книга оказалась первой книгой о Плоском мире. Не то чтобы о ней много говорили, но она довольно быстро разошлась, и судя по всему, судьба ее ждала неплохая. Издательство «Трансуорлд» немного помялось и выпустило ее в мягкой обложке. Через несколько лет я нанял своего бывшего издателя в качестве агента, и жизнь стала очень напряженной.

Мне повезло. Невероятно повезло, особенно если подумать обо всем, что могло случиться. Но когда вислоухий спаниель удачи тычется носом вам в руки, неплохо бы иметь в кармане ошейник с поводком. В моем случае это оказалось продолжение книги.

И лично, и в письмах мне постоянно задают один и тот же вопрос: «Как быть писателем? Дайте, пожалуйста, совет». И я чувствую блеск в глазах, надежду на то, что в этот раз случится чудо, я сниму охрану и отдам карту, ведущую к Святому Граалю. Ну, или ссылку на него дам. В последнее время я начал ощущать еще и беспокойство. Дескать, неужели грамматика, орфография и пунктуация имеют значение? («Разве

у издателей нет для этого специальных людей?» — однажды спросили меня.) Заметьте, вселенной наплевать, что у вас нет времени.

Так что вместо всего этого я дам совет, как стать профессиональным боксером. Очень важна, разумеется, хорошая диета и ежедневные тренировки. Не забывайте о ногах, с ними часто бывают проблемы. Каждый день ходите в спортзал — каждый божий день, если вы только сумели встать. Пользуйтесь любой возможностью посмотреть на бой профессионалов. Смотрите вообще все бои, потому что вы можете научиться чему-то и у тех боксеров, кто всё делает неправильно. Не слушайте, что они говорят, смотрите, что они делают. И не забывайте о диете, тренировках и беге.

Всё поняли? Ну так вот: быть писателем — это то же самое, только не про бокс.

Да, всё так просто.

Брюэровский мальчик

Предисловие к «Брюэровскому фразеологическому словарю», издательство Millennium, 1999 год

Думаю, у каждого из нас есть свои критерии успеха. Меня попросили написать это предисловие — вот мой критерий. Это некоторым образом замыкает круг. У меня несколько полок уставлено разными изданиями «Брюэровского словаря», старыми и новыми, которые я покупал много лет.

Преподобный Эбенезер Кобэм Брюэр мечтал рассказывать людям разные полезные сведения. Среди прочего он написал «Руководство по знаниям», словарь чудес и «Краткий справочник аллюзий, ссылок, сюжетов и рассказов». Но обессмертил его имя все-таки фразеологический словарь. Эта книга… ладно, читайте об этом ниже.

Я проверял. Мой экземпляр всё еще стоит на полке. А теперь читайте дальше.

Я был брюэровским мальчиком. Свой первый подержанный экземпляр я схватил в двенадцать

лет. Он до сих пор в отличном состоянии — если вспомнить всё, что я с ним делал.

Он познакомил меня с мифологией, древней историей и многими другими дисциплинами, поскольку это непредсказуемая (см. страницу 1063) книга. Другими словами, вы вряд ли найдете в ней то, что искали, но зато обнаружите три совершенно неожиданные статьи, которые окажутся даже интереснее. Прочитать только одну статью в «Брюэровском словаре» — это примерно как съесть только один орешек. Это практически невозможно. В мире много полезных книг. Но начинать лучше с «Брюэровского словаря».

Описать эту книгу непросто. Ее можно назвать «компендием» (я не нашел этого слова в своем старом издании, зато нашел «Комплютенскую полиглотту», так что время провел с пользой) мифов, легенд, цитат, исторических анекдотов и сленга, но на самом деле она куда обширнее. Пожалуй, это «образование» в самом прямом смысле этого слова. Словарь процветал в те дни до «Кто хочет стать миллионером», когда люди верили, что если терпеливо запоминать всякие мелочи, знание важных вещей разовьется само собой и человек сделается лучше.

Для этого нового издания словарь перерабо-

тали. Наряду с гунном Аттилой в нем появился Гэндальф (а почему, собственно, и нет?). Нимфы поскучнее и невнятные классические пассажи уступили место таким новинкам в языке, как «с места в карьер» и «сидеть как дурак с мытой шеей». Малопонятными Брюэровский словарь признаёт только по-настоящему непонятные вещи. Жаль, что их убирают. Преданным брюэритам остается только надеяться, что однажды издательство «Кассель» согласится выпустить «законсервированное» издание, в котором сохранит все эти окаменевшие мифы и легенды.

Но сегодня — это завтрашнее вчера. Однажды Fab Four (спросите у папы) станут… ну, просто на них всем станет наплевать. Учитывая скорость, с которой всё меняется, они уже почти ушли с арены. И это очень поучительно — наблюдать, как они занимают свое место рядом с римскими сенаторами и мифологическими животными и как постепенно оседает поднятая ими пыль.

Для жителей следующего тысячелетия мы будем древностью.

«Брюэровский фразеологический словарь» — первая книга, к которой стоит обращаться, когда возникают вопросы, и последний выход, если другие справочники ничем не помогли.

Ни одна книжная полка и ни один мир не могут существовать без этого словаря. Вот и всё.

Книги в мягких обложках

The Guardian, 6 декабря 2003 года

Наверное, в этом виноват интернет. Люди стали говорить о писательстве в терминах «приобретения». Откуда вы берете идеи, персонажей, время? На самом деле они говорят следующее: укажите мне дорогу к Святому Граалю.

В лучшем случае можно отделаться горстью штампов, которые стали штампами, потому что… потому это правда, потому что они работают. Я слышал размышления многих писателей на эту тему, и мы все, так или иначе, оперируем полудюжиной одних и тех же клише. Да, всё время кажется, что хотят от вас вовсе не этого, но люди продолжают задавать вопросы, надеясь, что однажды вы забудетесь и выдадите им настоящий секрет.

Но эта газета мне заплатила. Кстати, это тоже важный совет.

Когда мне было тринадцать, я поехал на первый в своей жизни научно-фантастический конвент. Когда это было? Так давно, что все, кроме Майка Муркока, явились в спортивных пиджаках.

Почти все авторы научной фантастики раньше были ее фанатами. Они все привыкли не платить долги, а передавать опыт. Я не знаю ни одного другого литературного круга, в котором известные авторы так возились бы с новичками и растили бы себе конкурентов.

Я вернулся с конвента, твердо решив стать писателем. В конце концов, я уже пожал руку Артуру Кларку, так что теперь мне нужно было просто работать…

Первое, что я сделал, закончив писать книгу, — начал писать вторую. Такой план действий предлагал, кажется, Дуглас Адамс, хотя сам он, как известно, не сумел последовать своему совету.

Последние несколько месяцев работы над книгой очень утомительны. Письма летают туда-сюда, американскому издателю приходится объяснять все коннотации слова «какашка», он серьезно соглашается, что заменить его на «говешку» невозможно, автор таращится в текст, который прочитал уже столько раз, что совершенно утратил нить повествования, переписывает и отделывает его, а потом нажимает кнопку «Отправить». Текст улетает. В наше время автор лишен даже успокаивающей возможности распечатать рукопись. Только что вы были

писателем, а теперь вы просто что-то написали. И именно в этот момент, когда теплое розовое свечение, которое окружает вас после окончания книги, уступает место черной послеродовой депрессии, из-за того что вы закончили книгу, нужно начинать сначала. К тому же это отличное оправдание — можно не убирать справочники. Сложно от этого отмахнуться, сидя в кабинете, где одни книги лежат в других вместо закладок.

Следующая вещь — пока еще не книга. Это введение, вероятное название, какие-то наброски, которые могут позднее стать сценами, диалоги, газетные вырезки, закладки в старом учебнике или даже десять тысяч слов, напечатанных на пробу. Вы не тратите время зря. Вы снова в игре. Вы работаете над книгой. Вы настраиваете свой внутренний радиоприемник. Когда вы поймаете частоту будущей книги, информация немедленно погребет вас под собой.

О чем-то говорят по телевизору. Посторонняя книга сообщает исторический факт, который вам совершенно необходимо узнать в эту самую секунду. Вы сидите на ужине рядом с послом, который хочет поговорить о юридической коллизии, возникающей в случае убийства на территории посольства, если убийца выбегает

наружу, то есть технически в другую страну, и сюжет жадно заглатывает эту мысль.

Люди — отличный источник информации. Может быть, даже лучший. Старый постовой расскажет вам о службе в полиции больше любого учебника. Пожилая дама с радостью поговорит о жизни акушерки в тридцатые годы, без всяких врачей, когда при взгляде на пациентку кровь стыла в жилах. Почтальон в отставке поведает, что разносить почту по утрам непросто не только из-за собак.

Разумеется, вы постоянно впитываете какую-то информацию. Нет ничего лучше тех сведений, которые вы получаете, когда просто развлекаетесь. На фестивале в Хей-он-Уай я увел из-под носа всех остальных авторов не слишком-то известную «Энциклопедию торговых и деловых анекдотов, содержащую интересные сведения и факты, замечательные шутки и трактовки…» (и так далее, всего шестьдесят четыре слова). Почти на каждой странице встречаются очевидные сокровища: например, в Нью-Йорке был знаменитый финансист по имени Рыбная консерва. Есть там и то, что я назвал бы открытиями второго порядка: например, представьте себе мрачный восторг викторианского автора, который пишет о семье

знаменитых немецких финансистов и вдруг натыкается на фразу: «Вскоре в Нижней Саксонии жило множество богатых Фуггеров». И наконец, я смог немного лучше понять людей, для которых деньги — не средство к существованию и даже не средство получить еще больше денег, а просто окружающая среда.

За долгие годы я узнал одну или две важные вещи. Во-первых, лучшее время для работы над книгой — сразу после пробуждения. Не нужно даже вставать с постели. Мне кажется, что по ночам мой мозг заимствует какой-то другой писатель, получше. На этой стадии очень нужен блокнот. А еще важно проснуться до конца. Если бы я проснулся, то, наверное, записал бы вчера на бумажке не только «мегаПЕД». Возможно, тут зашифрован какой-то сюжет. Не спрашивайте. Я просто записал это слово.

А если вы считаете, что у вас получается книга, напишите аннотацию. Выноску на обложку. Не думайте, что вы выше этого. Если вы сумеете выразить смысл и дух своей книги в сотне слов, это поможет сосредоточиться. Больше половины искусства писать состоит в том, чтобы вытащить книгу из своей головы.

Советы продавцам книг

Июль 1999 года

Этот текст был написан не для публикации, а для сведения достойнейшим работникам сети книжных магазинов Ottakar's. К сожалению, магазины с тех пор закрылись, но советы остаются актуальными даже через пятнадцать лет.

Давайте начнем вот с чего: авторам мало толку от автограф-туров, и чем автор популярнее, тем его меньше. Если тур проходит хорошо, это крайне утомительно, если плохо — это утомительно, противно и крайне унизительно. Я не уверен, что это помогает продажам. Скорее, просто приводит к тому, что все книги, проданные в этом городе, будут проданы в одном магазине. Это не влияет на место в списке бестселлеров: Bookwatch, например, «корректирует» данные из магазинов, где проводились автограф-сессии, чтобы не искажать цифры, полученные со всей страны. Очень успешному автору нужно много работать, чтобы изменить свое место в списке. Есть приходится в странное время или не приходится вообще. Живешь на чемоданах. Мир вокруг

расплывается.

Конечно, есть и плюсы, но в основном для магазина (который продает кучу красивых глянцевых книг) и издательства (которое завязывает отношения с магазином или сетью). А автору обычно достается только расстройство желудка.

Мы делаем это, потому что нам угрожают, потому что мы тщеславны, потому что испытываем смутное чувство, что так положено. Некоторые авторы, как ни странно, любят это занятие. Или — если привести аналогию из другой отрасли развлекательной индустрии — нам кажется, что сколько бы времени ты ни провел в студии, настоящий рок-н-ролл невозможен без гастролей.

Чего можно ожидать от автора?

Того, что он приедет вовремя, будет вежлив с персоналом (на пару авторов это правило не распространяется), дружелюбен с покупателями и останется до конца заявленного времени.

А потом начинается серая зона. Должен ли автор подписывать все книги? Писать в каждой посвящение? Подписывать книги, на которые оставили заявки по телефону? Заказы из других книжных магазинов? А если народу будет много, должен ли он задержаться, чтобы осчастливить всю-всю очередь?

Мне кажется, что в общем случае ответ «да», но автограф-туры бывают слишком напряженными и многолюдными. И вообще это самый нездоровый из известных мне способов провести пару недель (если не считать чемпионата по поеданию сала). Так что всё это следует заранее обсудить с пиарщиком.

Чего автор может ожидать от магазина?

За последние одиннадцать лет я провел «на гастролях» пятнадцать месяцев и сделал ряд заметок.

До мероприятия

У вас есть книги? Не смейтесь. Иногда их не бывает или бывает недостаточно. Легко можно наткнуться на магазин старого образца, где полагают, что для автографов можно заказать штук двадцать книг. Хорошо, когда персонал знает, что это за автор и зачем вообще все пришли.

По прибытии гость может рассчитывать на что-нибудь получше, чем «Погодите, я кого-нибудь поищу» или даже «Ой, а что, это сегодня?», Не забывайте, что автор, даже самый успешный, может казаться хладнокровным, но на самом деле нервничает, как бритая мартышка. Он будет вам страшно благодарен за дружелюбную улыбку и

(предположим, что он хорошо себя вел и приехал вовремя) за то, что его быстро отведут к…

Стулу в каком-нибудь офисе — это лучше, чем табуретка где-нибудь на складе.

Нальют чашку чая и дадут чуть-чуть отдохнуть. Обычно я использую это время, чтобы подписать заказанные книги и послушать интересные сплетни. Любому автору приятно услышать, насколько хуже прошла автограф-сессия другого писателя (если вас дернет черт и вы вслух похвалите знаменитого соперника этого автора, вы заметите, как застывает его лицо. Это очень весело, но лучше все-таки так не делать).

Обычно я не пишу посвящения на книгах, заказанных по телефону, за исключением особых обстоятельств. Просто из-за нехватки времени. Но неплохо бы заранее выяснить у пиарщика, как автор к этому относится. Разумный вариант — «Мы не можем пообещать личные посвящения на предварительно заказанных книгах из-за нехватки времени», но я предпочитаю сразу говорить «нет», если мы знаем, что народу будет много. Это не дает людям ложной надежды. Между прочим, желание подписать книги для других магазинов сети вполне естественно, но не стоит на этом настаивать — большинство авторов и

так не откажется, если время будет, но не давите на них. И не делайте вид, что все шестьсот экземпляров предназначены для вашего магазина. Это уже пробовали. Играйте честно.

Если местная газета, радиостанция или телеканал просит об интервью, ради всего святого, сообщите об этом как можно раньше. Лучше всего передать данные пиарщика напрямую. Тогда он сможет организовать день так, чтобы всё успеть, но нужно же знать обо всем заранее. Иначе может возникнуть щекотливая ситуация, когда автор слыхом не слыхивал ни о каком интервью (и не надо бормотать «мы с кем-то договаривались»), а от него ждут двадцатиминутной беседы, пока очередь за автографами растет. Это неприлично.

Кстати, рекламировать мероприятие надо до самого мероприятия. Жаль, что мне приходится об этом говорить.

На мероприятии

У вас есть стол и стул? Я опять же не шучу. Один магазин напрочь об этом забыл, и много раз приходилось сидеть на или за очень странными предметами мебели. Нужен настоящий стол и настоящий стул, а не табуретка перед стеллажом, где некуда деть колени. Придумайте что-нибудь, чтобы было удобно сидеть и писать несколько

часов подряд.

Подумайте, где именно поставить этот стол. Я предпочитаю сидеть спиной к чему-нибудь — к стене или к шкафу. Тогда сопливый мальчик в голубой куртке не сможет два часа стоять у меня за плечом (а это довольно неприятно). Такие дети почему-то попадаются очень часто. В некоторых магазинах авторов любят сажать у дверей. Зимой это никуда не годится. Я ведь уже замерз, поставьте стол подальше от порывов ледяного ветра. Магазины, расположенные в торговых центрах, иногда ждут, что автор будет раздавать автографы за пределами самого магазина. Это, может быть, неплохо для «медийных» авторов и для тех, кто точно соберет огромную очередь, но для всех остальных это сущий ад. К тому же в торговых центрах всегда шумно, и вокруг соберется греческий хор из пожилых дам, которые будут смотреть на незадачливого писателя и приговаривать: «Ктойта? Ктойта? Он из телевизора? Ктойта?»

Ваза с цветами на столе? Это довольно мило, но кто-нибудь ее обязательно опрокинет, поэтому убирайте ее, когда автор начинает подписывать книги.

Писатели часто ездят со своими ручками, но

все-таки приготовьте несколько штук, в том числе маркер, которым можно писать на глянцевой поверхности. Шариковых ручек с пожеванными кончиками лучше не надо — в них чего-то не хватает. Автор может потребовать (или высокомерно ждать), чтобы книгу раскрывали на нужной странице. Но в моем опыте большинство писателей хочет просто, чтобы персонал не пускал к ним сумасшедших с топорами.

Подумайте об очереди. Люди не должны стоять под дождем. Некоторые книжные магазины считают, что люди — это неприятность, которую следует наказать, а вовсе не клиенты. Но я с удовольствием вернусь в тот магазин, который, заставив своих покупателей ждать на улице холодным ноябрьским днем, послал в булочную через дорогу и купил двести пятьдесят горячих пирожков. Это было стильно, а может быть, и выгодно.

Дам с маленькими, но громкими детьми следует пропускать вперед, пока все остальные еще не лишились барабанных перепонок. Я выяснил, что люди в инвалидных колясках предпочитают (и даже хотят) подождать своей очереди. «Я хотя бы сижу», — сказал мне один из них. Неплохо бы тактично регулировать длинную очередь,

пропуская вперед тех, кому явно тяжело долго ждать.

Если к вам приехала знаменитость с рекламой книги вроде «Эй, что там происходит? Рождественские истории», не надо шутить над человеком, который слишком долго читает собственную книгу уже в магазине. Он наверняка ее первый раз видит. И помощь с длинными словами предлагать тоже не стоит.

Почти никто не пришел? Если нет вообще никого, значит, у вас большие проблемы, особенно если вы рекламировали мероприятие. Возможно, это не ваша вина. Не бросайте автора одного, поболтайте с ним, уберите подальше от него острые предметы и расскажите, насколько сегодня всё лучше, чем в день, когда книги подписывала мисс Х.

Пришло очень много людей? Большинство авторов, испытывая невероятное облегчение, подпишут книги как минимум всем тем, кто уже стоял в очереди на момент официального окончания автограф-сессии. Многие из нас будут подписывать книги, пока не уйдут все люди или пока не придется убегать. Говорят, что есть несколько писателей, которые просто уходят по окончании оговоренного времени, но если

им хочется произвести плохое впечатление на кучу читателей сразу, это их право. Отнеситесь к этому стоически. Может быть, у них сегодня назначено еще одно мероприятие, или это просто была очень длинная неделя. Хороший пиарщик способен правильно рассчитать время, но пробку длиной шесть миль предсказать никто не может.

Авторы: уход и кормление

Автограф-сессии часто случаются во время обеда, поэтому неплохо бы чем-нибудь накормить автора до или после. Сэндвич — неплохой вариант, но вполне может оказаться так, что автор уже несколько недель живет на бутербродах и будет очень рад картофелине в мундире или чему-нибудь экзотическому.

Кто-то может потребовать копченого лосося и шампанского — тут решать вам. Я ничем помочь не могу, но если вы ударите человека огнетушителем, вас наверняка накажут.

У авторов могут быть свои предпочтения. Когда магазины распространяют информацию, она обычно искажается. Судя по слухам, я требую суши, австралийское шардоне, кумкваты, кофейные зерна в шоколаде, голубенькие конфетки из лакричного ассорти и джин с тоником. Я сам об

этом ничего не знаю. Некоторые магазины стараются и накрывают целый стол (чтобы персонал мог нормально поесть после ухода автора), и это неплохой пиар, но честно говоря, писатели мало едят в автограф-турах, потому что желудок у них регулярно завязывается в узлы.

Продажа уже подписанных книг

Это «лайт-версия» автограф-сессии. Когда автор в городе, он может зайти к вам и подписать несколько экземпляров. Не стоит это недооценивать. Будьте дружелюбны, дайте автору почувствовать, что это очень удачная оказия. Всё должно быть так же, как на обычной автограф-сессии, только без людей. Автор запомнит, поверьте. Я подписывал книги в магазинах, в которых чувствовал себя виноватым за то, что они не устроили «полноценное мероприятие». Они настаивали, чтобы в следующий раз я всё сделал «как полагается».

Проследите, чтобы человек, который организовал мероприятие, присутствовал на нем или хотя бы передал всю информацию другим. Если автора встречают словами «Для чего-чего вы приехали?», очевидно, стоит ожидать ледяного взгляда в ответ. И всегда остается ощущение, что если магазин не способен дать пару книг на подпись,

не заставляя автора чувствовать себя никому не нужным бумагомаракой, то организовать полноценную автограф-сессию он тем более не может.

Нежное прощание…

Проследите, чтобы было с кем попрощаться. Возможно, вас удивит количество магазинов, которые считают автора автоматом для раздачи автографов. Мы с пиарщиком порой с трудом выбирались из пустых магазинов в конце длинной сессии, потому что весь персонал прятался где-то и считал деньги.

Авторы очень впечатлительный народ, особенно во время туров. Некоторые магазины так меня поразили, что в этом городе я уже не пойду ни в какие другие. Для этого, конечно, нужно организовать успешную автограф-сессию, но это вовсе не значит, что должна прийти куча людей. Просто должно остаться чувство, что магазин сделал всё возможное. Автор будет вспоминать что-то вроде «В этом магазине варят отличный кофе/сделали чудную выкладку/очень люди приятные». Тогда вы заработаете репутацию хорошего места для проведения автограф-сессии (поверьте, об этом узнают и другие авторы).

Иногда магазины, стесняясь, дарят небольшие подарочки вроде бутылки вина. Это мило, но не

обязательно, и никто этого не ждет (а если автор путешествует налегке, это может и помешать). Если у вас прилив щедрости, предложите автору выбрать себе книгу. Но и обычного «большое спасибо» будет вполне достаточно.

Никаких проблем

SFX, 1998 год

Чудесный, авторитетный и весьма влиятельный британский журнал SFX попросил меня написать отчет об автограф-туре по Австралии. На самом деле это несколько «настоящих» отчетов. А та дама, которая сейчас занимается в Австралии пиаром, вовсе не страшная.

У Австралии лучший в мире национальный гимн. Даже люди, обитающие в бразильских болотах, знают, что если раздались первые строки «Вальсируя с Матильдой», через несколько минут вокруг появятся молодые мужчины и женщины с оранжевыми лицами и тяжеленными рюкзаками. И что же случилось, когда австралийцы получили возможность выбрать новый гимн взамен «Боже, храни королеву»? Они проголосовали за «Расцветай, прекрасная Австралия», вот что! Эта песня действительно… здоровее большинства национальных гимнов, потому что она содержит в основном дифирамбы солнечному свету и свежему воздуху, а не нападки на другие страны, но она такая выпендрежная… Почему

они не выбрали «Матильду»? А потому что это нереспектабельно. Австралийцев очень заботит, что о них подумают другие.

Вот какой разговор произошел у меня с одним оззи на краю бассейна у скалы Улуру:

Оззи: И что англики думают по поводу того, что мы хотим выгнать старушку? (Имеется в виду королева, тогда очень активно обсуждали сравнительные достоинства республики и монархии.)

Я: Нам все равно. Мы тоже об этом подумывали.

Оззи: Вам все равно?

Я: Да, мы нормально к этому относимся.

Оззи: Так что… вам плевать…

Я: Ну да.

Оззи: А. Ладно. Понял.

В тот день я видел его еще раз или два, и ему явно было неуютно. Он хотел, чтобы мы волновались по этому поводу, чтобы он мог объявить, что это не наше собачье дело.

Потому что… понимаете, Австралия до сих пор английская где-то в глубине души. Это очень заметно, особенно в письмах, которые присылают в газеты. Там тот же постоянный страх, что кому-то

достанется больше, то же жалкое возмущение, тот же тон. Как будто домой вернулся. Мне нравится эта страна, и я собираюсь съездить в нее еще раз десять.

Первый мой тур по Австралии случился в 1990 году. Это было очень освежающе. Они все говорили о Великобритании и праве Содружества в договорах, а я просто поддакивал и их подписывал. А потом увидел реальных людей. Что же в том туре было интересного… Я приехал в книжный магазин в крошечном городке под названием Тувумба и обнаружил там огромную толпу, а на столе меня ждали сэндвич с «Веджемайтом» и чашка «Мило», краеугольные камни австралийской культуры. Еще к ним относится «блевота», которой со мной не случилось. Между прочим, австралийскую месть «Мармайту» сначала назвали «Повиллом», хотя первый слоган «Если мармайтите, повильте» никогда не использовался. Возможно, его запретила полиция. Еще на меня пописала коала, они всегда так делают. Таксист бежал за мной по тротуару, чтобы отдать мне сдачу, — согласитесь, нигде во вселенной такого случиться не может. И мы подписали очень много книг на этом огромном континенте, который до того был для меня только словом,

напечатанным на двадцать восьмой странице мелким шрифтом.

С тех пор я ездил туда каждый год, иногда совмещая поездку с конвентами в Австралии или Новой Зеландии. И после каждого автограф-тура я писал отчет о том, что мы делали, что пошло не так (или так) и прочем, что могло бы пригодиться в будущем.

Опубликовать один из них было бы самоубийством. Так что я посмотрел на них все и состряпал один…

В «Последнем континенте» я постарался четко прописать, что XXXX Плоского мира — это, конечно, не Австралия. Просто там есть кое-что австралийское. Так что вот вам отчет о туре, которого никогда не случалось, по стране, которая не существует. Но всё это было на самом деле. Я просто немножко изменил подробности, чтобы защитить невиновных (в этом случае — себя).

День 1-й

Рейс BA009, 22.25 из Хитроу. Смотрел «Марс атакует». Почему Марс не мог атаковать пораньше, пока эту ерунду не выпустили на экраны? Тем же рейсом летели Роуэн Аткинсон и Мел Смит, так что в салоне царила элегантная атмосфера тихого уныния, и я мог немного поспать.

День 3-й

(День 2 конфискуют на таможне по прибытии, но возвращают на обратном пути.)

Прилетел, чувствуя себя слабым, но живым, зарегистрировался в отеле, проспал шесть часов и проснулся с ощущением, что все органы чувств как-то неправильно настроены. В таком путешествии очень важно иметь маленький фонарик и блокнот. Каждую ночь ты спишь в новом месте. И ты не только не знаешь, где расположен туалет, но и не помнишь, где включается свет. А пока не пройдет джет-лаг, ты не уверен даже, что ты — это ты. И тут приходит на помощь блокнот.

Поднялся, принял душ, пообщался с местной прессой, настало время разговоров и автографов.

Вообще, фанаты задумали камерную беседу, но по настоянию жуткой дамы-пиарщицы мероприятие стало значительно масштабнее. Она мечтала занять каждую мою секунду и собрала в огромном зале четыреста человек. Ничего себе толпа. Кто-то сказал, что у меня совершенно невозмутимое лицо. Не хватило духу объяснить, что это потому, что мое тело уверено, что сейчас пять часов утра.

День 4-й

Утром снова разговор с прессой. Многих из них

я уже встречал. Один умный парень провел все интервью, воткнув микрофон в разъем питания. Я не хотел ему на это указывать, потому что это было бы невежливо, поэтому, когда он сам это обнаружил, пришлось повторить интервью снова.

День: автограф-сессия в маленьком книжном магазине.

Очень маленьком магазине. Площадью примерно 250 квадратных футов или около того, но с очень разнообразной и дружелюбной публикой, которой хватило как раз на отведенные девяносто минут. Кажется, это один из тех магазинчиков, где владельцы знают половину покупателей по имени и, наверное, даже звонят им и спрашивают, как дела, если к ним не заходить месяц. Не могу их винить. Принесли банановый дайкири без дополнительной просьбы.

Сразу после: Университет банановязания в Воралоррасурфе. Огромная толпа, на которую ушло два часа. Домашнего кенгуру-валлаби принесли на меня посмотреть, а какой-то фанат подарил мне пакет вяленых кустовых помидоров, которые я, как всем известно, очень люблю. И еще банановый дайкири. И у кого-то был маленький кенгуру.

Потом телефонное интервью с журналисткой,

которая пишет анонс следующих нескольких автограф-сессий. Она не читала ни одной книги о Плоском мире, но нервно признается, что живет с кем-то, кто прочел их все. И зачитывает некоторые места вслух.

Потом книжный магазин «Маленький семейный» и разговор в очень симпатичном садике. Закуски и — ура — бннанановый дкири. Над головой скачут с дерева на дерево поссумы или, может быть, вомбаты. Уйти из магазина сложно, потому что его владелец — один из тех милых людей, которые пытаются вручить тебе на прощание весь магазин, но я всё же кладу этому конец.

День 5-й

Черт. Вентилятор в ноутбуке перестал работать. Звоню в местный офис «Васаби компьютерс». Они смогут отремонтировать его к завтрашнему дню, но завтра мы будем где-то в другом месте. Инженер говорит, что проблема может быть в программном обеспечении, и они знают, как ее устранить, но сроки поджимают…

10.00. Книжный Магазин в Торговом Центре, Утинасубурба.

Народу много, и я внимательно изучаю первых посетителей, высматривая фаната, которого уже встречал бы раньше. Объясняю проблему. Он

срывается и возвращается через час, протягивая мне диск с нужной программой. Я подписываю все его книги. Ничего страшного.

13.00. Маленький Книжный Магазин, Воралорр-расурфа.

Фанатов набралось столько, что я подписываю книги около семидесяти пяти минут. Кроме того, им разрешено со мной фотографироваться. Одна дама подарила мне целую коробку оригами-черепашек. Никаких проблем.

День 6-й

08.10: перелет в Порт-Артур.

11.00: интервью с Большой Шишкой с Радио (мне сказали, что это очень важно). Я заранее решил, что он мне не понравился, но на самом деле мы отлично поладили. Он не задавал обычных тупых вопросов, и мы с пользой провели двадцать минут. Иногда немного неприятно давать интервью журналисту, который любит твои книги, потому что фанатские вопросы в эфире звучат плохо (они спрашивают что-то вроде «Ну… а Ринсвинд же вернется?», и ты прямо слышишь, как сто тысяч человек смотрят на свои приемники и говорят: «Он о чем вообще?»).

Переезд в Маленький, но Достойный Книжный Магазин в Иннасубурбии.

Магазин очень серьезно относится к Плоскому миру. Они продают модельки от «Клэркрафт» и даже видеокассеты. Не знаю, сколько пришло людей, потому что все очень хотели поговорить, а еще были актеры в костюмах из будущей постановки «Вещих сестричек». Было забавно, надо такое включать в каждый тур. Мне было позволено поцеловать Матушку Ветровоск. Немногие люди могут этим похвастаться. Впрочем, я всё равно здорово охрип.

Дальше в Большой Специализированный Книжный Магазин.

Огромная очередь, какая обычно бывает в магазинах сети «Форбидден плэнет», у всех в руках пакеты. Одна милая дама принесла банановый дайкири в термосе. Еще у одной был футляр для скрипки, в котором лежало на черном бархате полированное лезвие косы.

Не мог бы я его подписать, чтобы она выгравировала на лезвии мое имя? А вы бы что сделали на моем месте?

Автограф-сессия ограничена во времени, поэтому неуспевшие бегут за мной в Огромный Популярный Книжный Магазин и занимают место в конце очереди. Там меня уже ждет Руби, которая называет себя моей главной фанаткой, и

это похоже на правду, и дама, которая принесла несколько книг, чтобы взять автограф для своего психиатра. Я их подписываю и советую ей сменить психиатра.

Обратно в Специализированный Магазин, где нужно подписать заказанные книги. Тут мы замечаем юную леди, которая тайком поднимает пустую банку из-под пива, которое я выпил. Мы никогда не узнаем, зачем она ей. Спросить мы не рискнули.

Заезд в очень модный маленький отель. Письмо от управляющего, который заверяет, что всегда к моим услугам.

Ужин с издателями. Фиш-энд-чипс. Но это рыбный ресторан «Дойлс», где подают баррамунди с картошкой. Баррамунди становится та треска, которая хорошо вела себя при жизни.

Обратно в отель. В номере ждет письмо от заместителя управляющего, который заверяет, что он всегда к моим услугам. В два часа ночи я просыпаюсь от того, что мне под дверь подсовывают конверт. Это письмо от ночного портье, который заверяет, что он всегда к моим услугам. Наверное, тот, кто живет в этом отеле дольше двух недель, должен жениться на ком-то из персонала.

День 7-й

Большой Модный Магазин, Нотерсубурб.

Восемьдесят или девяносто человек. Один мужик оделся Смертью и получил в награду большой плакат. Ну, то есть я думаю, что это был просто костюм, но кто может знать наверняка?

Новый Специализированный Книжный Магазин, Йеттанотасубурб. Огромная толпа. Одна дама робко пытается подкупить меня, чтобы я вставил в следующую книгу ее сына. Правда, его зовут Джон (или Сэм, или Тони, не помню точно). Объясняю, что если он сменит имя на Злодобр или хотя бы Халцедон, шансов будет больше.

Переезд в аэропорт, самолет в Вулкану…

Отели в таких турах похожи на коробку конфет «ассорти». Никогда не знаешь, не попадется ли тебе мерзкая, уже кем-то обсосанная конфета. Иногда ты оказываешься в норе, еле освещенной сорокаваттными лампочками, а иногда в люксе, где приходится звонить на ресепшен, чтобы они помогли найти кровать. Сегодня мне везет — у меня есть ванна такой длины, что в ней можно вытянуться во весь рост.

День 8-й

С утра пресса, потом местный университет, где я должен выступить в огромной аудитории. Выступление организовал библиотекарь, который

тоже мой фанат. Пока он произносит вступительное слово, делаю у него за спиной обезьяньи жесты, а потом преподношу ему значок «У-ук». Потом подписываю книги, и меня задевает проходящий мимо подбрасыватель рукописей. На столе оказывается коричневый конверт с запиской — меня просят прочитать его содержимое и отправить автору комментарии. Эх.

16.00. Маленький, но Милый Специализированный Книжный. Хозяйка хорошо знает свое дело, поэтому работать с ней — одно удовольствие. Длинная дружелюбная очередь, миска с черными жевательными конфетками на столе — все знают, что съесть одну черную конфетку невозможно. Одна дама проехала на поезде больше четырнадцати часов, чтобы попасть сюда. Отправлю ей плакат, когда приеду домой.

Галопом в аэропорт, чтобы успеть на самолет в Пугалоу. На борту кормят цыпленком а-ля окоченей. Никаких проблем. Ну, одна или две.

День 9-й

Завтрак с журналистом, который на самом деле замаскировавшийся фанат, обнаруживший отличный способ не ждать в общей очереди, парочка мелких интервью и…

Автограф-сессия, Огромномолл.

Они все отлично постарались, но кто-то когда-то заикнулся, что фэнтези — это то же самое, что хоррор, а в хорроре должны быть гробы, так что они купили настоящий гроб на колесиках, чтобы подписывать на нем книги. Это привело к паре проблем. Во-первых, конечно, проблема хорошего вкуса, но есть и более практичные стороны. Гробы придуманы для того, чтобы в них лежать или чтобы преклонять колени рядышком, но уж точно не для того, чтобы за ними сидеть. Одно колесико потихоньку убегает вперед, пока не оказывается от меня на расстоянии вытянутой руки. В результате я пересаживаюсь за скучный, но удобный стол, а гроб прибирают для Энн Райс, которая наверняка умеет с ним обращаться.

Дальше: еще один Большой Специализированный Магазин, Самоцентр.

Симпатичное местечко. Бываю тут в каждом туре. Но все равно пришла куча народу с кучей книг. И банановым дайкири. И еще пришел гот. На Эксэксэксэкс процветает готическая культура, если «процветает» — подходящее для нее слово. Мне кажется, готы забавные. Нельзя считать, что автограф-сессия состоялась, если к тебе не пришел хотя бы один гот. В Воралоррасурфе есть готы-серферы.

Обратно в отель, где — ура — мне выделяют люкс с панорамным видом на закругление земли.

День 10-й

Чтобы я не заскучал в выходной, из Великобритании прислали корректуру. Прочитал, написал три страницы правок. В отеле есть бизнес-центр, так что я полагаю, что могу воспользоваться одним из их принтеров, а потом по факсу отправить эти страницы обратно.

…Вот только сегодня человека, который умеет со всем этим работать, нет на месте. Провожу занимательный час, пока не обнаруживаю, что распределительный блок принтеров подключен наоборот. И что принтер по умолчанию находится совсем не рядом с этой штукой. Это я обнаруживаю, когда кто-то звонит и говорит: «В кабинете управляющего печатается какая-то хрень. Кто такой этот капитан Ваймс?»

День 11-й

Перелет на остров Пердю.

Полдень: напряженная автограф-сессия в большом книжном магазине. Иностранные авторы редко сюда приезжают, так что все берут всё.

Поездка по острову на:

Вечернюю беседу с автограф-сессией, организованной местным книжным магазином в отеле «Загородный уют». Какое милое название для отеля.

Очень ранний отбой, потому что:

День 12-й

Подъем в 4.30 утра для перелета в Кроутаун. А-а-а! Был рейс в гораздо более разумное время, но его отменили. Это не жизнь на полную катушку, а какая-то жизнь на встречной полосе.

Примерно на час вырубаюсь в отеле. На сегодня назначено четыре автограф-сессии и парочка интервью в перерывах, чтобы магазины не особенно задавались. То есть сначала раздача автографов в паре магазинов в соседних зданиях. Двухчасовая очередь делится на два магазина. Потом в какой-то молл за суши, которые эскианцы очень полюбили. Вот чего никогда не увидишь в Англии — дам возраста ваших прабабушек, которые вилкой ломают на куски ролл «Калифорния».

Потом за угол, в Маленький Специализированный Магазин, хозяева которого стараются. Например, когда тур был посвящен «Роковой музыке», в магазин въехал человек на «Харлее», а когда «Ногам из глины», они возвели прямо в магазине голема весом 180 килограммов. И

вообще, этот парень свое дело знает — поставил на стол миску с кубиками льда для натруженного запястья.

18.00: беседа в одном из утренних магазинов, который умудрился запугать столько народу, что большой зал полон. И снова автографы. Несколько подбрасывателей рукописей, а один парень принес с собой бутылочку соуса Ухтыухты, сделанного по рецепту из энциклопедии Плоского мира.

Потом поход с управляющим магазина к ларьку с плавучими мясными пирогами — надо же попробовать этот знаменитый местный деликатес. Отказываюсь, из соображений экономии, от Гурманского плавучего пирога (с вышеупомянутым мясом) за 3,60 доллара и выбираю базовый вариант за 3,30.

Пикантно. Никаких проблем.

День 13-й

Долгий перелет в Песочный город. Люкс в отеле. Вау. Но довольно странный. Огромная комната, но мебели на нее выделили как на маленькую, поэтому там есть диван, кресла, стол и всё остальное и примерно акр голого ковра вокруг.

Автограф-сессия в молле. Все думают, что я повидал полмира, но на самом деле я вижу в

основном торговые центры. Этот ничего такой.

Пока мы ехали, из магазина сообщали, что собралась огромная толпа, но на самом деле на нее уходит меньше сорока пяти минут. Вот и вся мораль.

Обратно в отель на интервью. Мы с журналистом берем такси, чтобы доехать до дивана через бескрайний ковер.

18.30: беседа, автографы.

Одно из самых приятных мероприятий в этом туре. Полна коробочка — около двухсот пятидесяти человек, — и я не напрягаюсь, потому что всё идет хорошо и у всех есть книги для автографов.

По дороге домой капитан лайнера 747 говорит по громкой связи: «Добрый вечер, с вами говорит капитан Роджер Роджерс», и во всем салоне, забитом потными бизнесменами, мечтающими о бесплатной выпивке, только я это замечаю…

Конвенциональная мудрость

Вступление к программе Третьего австралийского конвента, посвященного Плоскому миру, апрель 2011 года

Австралийский конвент 2011 года оказался совершенно замечательным. Небольшой, но многолюдный, и очень насыщенный. Он стал стандартом для всех конвентов на тему Плоского мира.

Но я всё еще с удовольствием вспоминаю первый такой конвент, прошедший в (плохо) украшенном магазине в Манчестере в 1995 году. Я смотрел, как фанаты заходили в магазин, видели друг друга и с изумлением понимали, что они не одиноки. Симпатичные были ребята, пили, как регбийная команда, и дрались, как шахматная секция.

Дамы и господа!

Добро пожаловать на Третий австралийский конвент, посвященный Плоскому миру!

Может быть, для некоторых из вас это первый конвент. Насколько мне известно, в Великобритании половина посетителей — новички.

Когда в Манчестере в 1996 году проходил самый первый конвент на тему Плоского мира, туда пришла почти тысяча человек, и каждый из них думал, что он будет там один. И все же этот едва оперившийся конвент мог похвастаться несколькими лекциями, пьянством, отличным маскарадом, пьянством, торжественным ужином (там подавали, вероятно, в последний раз в мире, оригинальный английский карри, придуманный в доиммиграционный период. Как известно, он состоит из брюквы, коринки и мочи). И конечно, еще было пьянство. Через три дня люди рыдали, понимая, что пора уезжать, там завязалось множество дружеских отношений, которые сохранились до сих пор — для фэндома это довольно странно.

Посвященные Плоскому миру конвенты (в этом году по всему миру пройдет пять штук) сейчас проводятся в самых больших залах, которые только можно арендовать. В Великобритании и США их посещает примерно по тысяче человек. На первом своем антиподском конвенте в Новой Зеландии я побывал всего через пару лет после своего первого автограф-тура в августе 1990-го и тогда же решил, что буду приезжать почаще.

Издатели так обрадовались, что мне понрави-

лось сидеть в самолете по двадцать четыре часа, что до недавнего времени я приезжал почти каждый год. Довольно часто ко мне присоединялась жена. В какой-то момент, когда я то устраивал большой автограф-тур, то ездил сюда же в отпуск, я купил в Перте штаны, которые нужно было подогнать, и просто забрал их через три месяца во время следующей поездки. Да, я правда люблю путешествовать, особенно с тех пор, как я стал летать первым классом!

Честно говоря, я с удовольствием жду этого конвента и надеюсь, что вы со мной солидарны. Мне приятно поговорить с людьми, от которых меня часто оттаскивают ради всяких официальных мероприятий, но еще приятнее встретить фаната, который знает волшебные слова: «Что бы вы хотели выпить?»

Маленький неловкий момент: мне уже за шестьдесят, и, как я уже сказал, люди будут покупать мне выпивку. С выпивкой есть одна проблема — это ненадолго. Если вы увидите, что я целенаправленно пробираюсь к сортиру, не пытайтесь вступить со мной в разговор, если вы, конечно, хотите дожить до вечера. Однажды, когда я общался с природой, кто-то подсунул под дверь книгу для автографа.

Кстати, об автографах. Пожалуйста, прочитайте официальную инструкцию: подписывать сотни книг очень тяжело, и за многие десятилетия у меня ослабла рука. Но сил, чтобы удержать стакан, мне вполне хватает.

Я действительно очень жду конвента.

С наилучшими пожеланиями,
Терри Пратчетт
Уилтшир, Великобритания

От всего сердца, через паховую артерию

Речь на Нореасконе 2004 года, WorldCon

Я написал всю речь на компьютере, но на самом конвенте она не открылась, поэтому это то, что я запомнил на память. Главное в речах — насмешить аудиторию. После этого она уже в твоих руках.

Меня зовут Терри Пратчетт. Если это вас удивляет, вы еще можете уйти.

Около шести месяцев назад я написал достойный научный трактат, собираясь сегодня прочитать его вам. Но за это время кое-что произошло. Поэтому, раз уж вы все здесь, я расскажу вам о своей операции. Оказалось, что у меня очень высокое давление, а мои таблетки только его повышают. Потом три месяца у меня было очень низкое давление и таблетки, которые не работали. При этом это были самые сильные из существующих бета-блокаторов, а это, братья и сестры, настоящее изобретение дьявола. Как будто на мозг кладут горячую салфетку.

А потом они во всем разобрались и решили, что раз уж среди моих близких нет больных пороком сердца, а у меня низкий уровень холестерина, я не курю, не пью крепкие напитки — ну, не пью много, — не имею лишнего веса и регулярно занимаюсь спортом, естественно, я заполучил какое-то сердечно-сосудистое заболевание. Я пожаловался на это, а они сказали: «Ну, не повезло, но даже в манекен может попасть молния». Они взвесили мой кошелек и нашли его слишком тяжелым для человека моего возраста, и мне пришлось пройти через ангиографию — это когда сердце изучают через пах. Конечно, сердце и пах в некотором роде связаны, но мне показалось, что они избрали слишком длинный путь. Сначала тебе дают что-то, от чего хочется спать, а потом позволяют наблюдать за операцией по телевизору. Они спросили: «Вы предпочитаете какую-то конкретную музыку?» Я ответил: «Ну, я об этом как-то не думал. У вас есть… Джим Стайнман?» «Разумеется», — ответили они, поставили *Bat Out of Hell* и приступили к работе. Я смотрел, что они делают. На экране было мое сердце. Я почувствовал, что вырубаюсь, и подумал: «Господи, как круто. Последним, что я увижу, будет мое сердце, которое всё еще бьется».

Потом пришлось поставить стенты. Это такие штуки, которые сжимаются. Если у вас проблемы с сердцем, вы наверняка следите за судами по этому вопросу, как и я, но с моими стентами вроде всё нормально.

Это гораздо более серьезная операция. Накануне ты разговариваешь с хирургом, и он говорит: «Совершенно не о чем беспокоиться, это очень просто, на следующий день мы вас уже выпишем, кстати, не подпишете эту бумажку?» — «А что это за бумажка?» — «Это согласие на проведение операции на открытом сердце при необходимости. Между прочим, мой сын очень любит ваши книги». Я сказал: «Если вы хотите и дальше радовать своего сына, может быть, вы будете поосторожнее завтра?»

Меня снова отвезли в операционную и дали чего-то веселящего. Потом я проснулся в своей палате, черт знает сколько часов спустя. Медсестра изо всех сил давила на мой пах. Что тут может сказать мужчина? «Где вы были в мои восемнадцать?» Я остановился на: «Что случилось? Всё ли прошло хорошо? Установили ли стенты?»

«Да, всё в порядке, но мы должны остановить кровотечение из артерии».

Кровотечение из артерии… ну, когда кровь те-

чет из вены, она течет каплями. Когда из артерии, то потолок сразу же краснеет. Потом пришел хирург и заявил: «Всё отлично, всё просто прекрасно». Но что-то в его голосе намекало, что не так-то всё и отлично, так что я спросил: «Всё прошло хорошо?» многозначительным тоном. Он ответил: «Ну, пришлось немного попотеть». — «И долго я был в отрубе?» — «Около полутора часов, и, пожалуйста, не называйте это так». — «Ага, а “пришлось попотеть” — это такой медицинский термин, означающий “вы чуть не умерли?”» — поинтересовался я. Он сказал: «Вы очень плохо отреагировали на краситель, который мы используем для выделения сердца, но мы вас подняли [название я не запомнил, но что-то вроде нитроглицерина], и всё кончилось… хорошо». Очевидно, какая-то часть моего мозга перекрывает мне артерии в случае стресса. Как моя система кровообращения пережила пять миллионов лет эволюции, обладая такими интересными особенностями, мы никогда не узнаем, но они прописали мне лекарства, и теперь я чувствую себя… хорошо.

Потом хирург сказал: «Мы только не поняли, почему вы всё время кричали про бутерброды. Вы пытались сесть на операционном столе, а это,

поверьте, не так-то просто, и говорили: «Вот же он! У него бутерброды».

«Ах да, припоминаю, — ответил я, — там был человек с бутербродами в руках. Он стоял в углу с подносом».

«А что это были за бутерброды?» — поинтересовался хирург.

«А я не знаю! Вы меня к нему не пустили! А иногда передо мной оказывался какой-то огромный нос, и громовой голос говорил: “Нет никаких бутербродов”».

«Да. Это, наверное, я», — согласился он.

Так вот, братья и сестры. Я бы предпочел, чтобы это были сэндвичи с огурцом. И чтобы корочки были срезаны! Это означает, что вы попадете в ад. Наличие чатни и сыра в Англии означает, что вы направляетесь в рай. Но так или иначе, я пережил этот бутербродный опыт. Приятно знать, что куда бы ты ни попал, по дороге тебе будет чем перекусить.

Но когда с тобой такое случается, ты начинаешь задумываться и задавать вопросы, которые тебя терзали уже некоторое время. Типа «И что тут вообще происходит-то?» или «А точно уже поздно покупать “порше”?»

Но самый главный вопрос все-таки — «И что

тут вообще происходит-то?». И знаете, я не знаю. Но я точно уверен, что бутерброд брать не стоит.

Две недели назад в Великобритании проходил конвент, посвященный Плоскому миру. Самый крупный, который проводится раз в два года. Приехало очень много американцев. Американцев легко отличить, они всё время сидят в баре и поют песни вроде «Увенчав себя зеленым клевером». Видимо, их выпустили из Калифорнии, где такие песни строго запрещены.

Это был отличный международный конвент с семьюстами пятьюдесятью участниками, а для Великобритании это много. Вечером в воскресенье я смотрел на зал. Люди веселились, многие были в костюмах, и они вроде как продолжали создавать Плоский мир… и я увидел, что это неплохо.

В виде эксперимента мы создали систему гильдий. Гильдии соревновались друг с другом и зарабатывали очки. И, как я уже говорил, сижу я там, и вдруг милое маленькое созданьице, которое работает на Гильдию убийц, подходит и говорит: «Пиф-паф. С тебя два доллара». — «Нет уж, — говорю я, — это делается не так. Гонорар берут не с трупа». Поразмыслив, она отвечает: «Мой друг Кейт [еще один маленький человечек

машет рукой] состоит в Гильдии алхимиков, и он может оживить тебя за три доллара». Борясь с трупным окоченением, я сую руку в карман и нахожу им игрушечной валюты конвента. Тогда девочка мило улыбается и говорит, что за пять долларов не будет убивать меня еще раз.

Удивительно, как жила эта анк-морпоркская система во время конвента. Через несколько часов после ее появления глава Гильдии торговцев присвоил казну гильдии, чтобы заказать убийство главы Гильдии убийц, а на второй день уже появились фальшивые деньги. Это было чудесно! Как будто Анк-Морпорк ожил! Я смотрел на людей, которые веселились и время от времени платили другим людям деньги за убийства, и думал: «Моя работа окончена».

Следующая моя книга называется «Держи марку!». Это роман о мошеннике, преступнике, аферисте, которого в некотором роде перевоспитала книга. Он понимает, что может не только убедить других людей в том, что он симпатичный малый. Он способен обмануть даже самого себя. Один мой друг, который читал черновик, сказал: «Все книги ведь автобиографичны в какой-то степени?» Такое могут сказать только друзья.

Да, я считаю себя мошенником. Я почетный

гость на этом конвенте. В моем детстве — я вчера об этом уже рассказывал — почетные гости были в милю ростом, а сами целиком из золота. Среди них были Джеймс Блиш, Брайн Олдисс, Артур Кларк… во мне пять футов семь дюймов, и выше я уже не стану.

Хотел бы я сказать, что ставил перед собой какую-то цель, когда начинал писать книги о Плоском мире. Я просто думал, что это будет весело. В начале восьмидесятых издавали очень много плохого фэнтези. Правда, хорошего тоже, но все-таки в нем было слишком много черных или еще каких разноцветных властелинов. Я решил, что над ними надо немного подшутить. В результате появились «Цвет волшебства» и «Безумная звезда». Потом оказалось, что они продаются. Это меня очень удивило. Тогда я написал «Творцов заклинаний». Треть этого романа я сделал за одни выходные. Это случилось после того, как одна из атомных электростанций, на которой я был пресс-атташе, взорвалась. Ну, то есть не совсем взорвалась. Ну, немножко. Она, как бы это сказать, протекла. Чуть-чуть. Вы бы и не заметили. И никто не умер. Честное слово.

Просто я нервничаю из-за восьми лет работы пресс-атташе в атомной индустрии. Я никогда не

видел настоящей ядерной аварии, но кое-что, с чем мне приходилось сталкиваться, еще хуже. С моей личной точки зрения.

Например, один человек пришел на атомную электростанцию в день открытых дверей и оказался слишком радиоактивным, чтобы его можно было пустить внутрь. На него среагировала машина, которая не должна пищать. По идее, она пищит — а лучше не пищит, — только когда человек уходит. Тут возникла проблема. Если человек прошел через рамку, которая не должна пищать, и она запищала, Комитет по вопросам здравоохранения и безопасности будет спрашивать, пищал ли он на выходе. И придется доказывать, что свой писк он взял с собой.

Как оказалось, накануне он разбирал авиационный высотометр времен Второй мировой войны на кухонном столе — ну, так в Британии развлекаются, — и все руки у него были в чистом радии. Так что мы его почистили и отправили людей в аккуратных белых костюмах забрать его столешницу и отнести ее в хранилище низкоактивных отходов. Мало каким кухонным столам так везет.

Да, кстати, я тут подумал. Если ты много общаешься с инженерами, невозможно не расхохо-

таться при словах «три полностью независимые отказостойкие системы». Я всё знаю о так называемом «факторе Фреда».

Он работает так. Кто-нибудь решает, что нужно построить атомную электростанцию. Ее проектируют ведущие технические архитекторы. Подсистемы разрабатывают квалифицированные инженеры. Подподсистемы — другие квалифицированные инженеры. Постепенно мы доходим до Фреда. Фред — неплохой парень, и плохим работником его тоже не назовешь. Он просто невинная жертва людской самонадеянности.

Фреду дали задание, инструменты и сказали, что у него есть час. Он должен подключить три полностью независимые — по идее — отказостойкие системы. Он делает, что ему сказано, и они действительно независимы, если не считать одного очень важного проводка в каждой системе, который проходит сквозь стену и идет на пульт управления. Фред сидит и думает: «И зачем мне сверлить три дырки, если одной хватит?» Он вынимает дрель, сверлит в стене одно отверстие и просовывает в него все три провода так, что они оказываются прямо под Остроугольным стеллажом «Рога и копыта», в отсеке, где очень маленький погрузчик переставляет очень много

вещей. И вдруг однажды все три системы разом отказывают, к невероятному удивлению всех, включая Фреда.

Пока я работал в этой индустрии, инциденты типа «Фред» происходили регулярно. Например, невозможно, совершенно невозможно, слить радиоактивные отходы в туалет. Но Фреду об этом никто не сказал. И однажды после тяжелой рабочей недели он, моя верхнюю часть реактора, выливает ведро того, что считает грязной водой, в унитаз. И так получается, что дозиметристы, проверяя сточный колодец, слышат, как щелкает счетчик Гейгера. И где-то в колодце обнаруживается крошечный кусочек железа.

К сожалению, как раз перед тем, как они всё это проделали, огромный танкер уже забрал изрядное количество шлама сточных вод и отвез в большой резервуар местных очистных сооружений. Это еще неплохо. По крайней мере, они никуда не уехали. Но как найти несколько малюсеньких — меньше горошины — сварочных брызг, которые не слишком-то и радиоактивны, в восьмидесяти тысячах галлонов дерьма? Просто нащупать их не получится.

Собрали комиссию из работников очистных сооружений и атомной электростанции. Очень

интересно было сравнивать концепции опасности и риска. Ядерщики говорили: «Мы всё знаем о радиации, мы найдем отходы, их легко обнаружить, это не проблема, но это же дерьмо!» А очистники: «Ну да, дерьмо, мы привыкли к дерьму, мы его едим и пьем, но ядерные отходы!»

В конце концов они придумали гениальный ход: всё это закачали в танкеры, отвезли на угольную электростанцию в центральных графствах и сожгли. Пепел положили на конвейерную ленту и прогнали под счетчиком Гейгера. Он засек три крошки железа, которые сохранили слабую радиоактивность, и на этом всё закончилось. Я был впечатлен. Столько усилий потребовалось для поиска этих крошек, которые были куда менее опасны, чем тот высотометр. Их поиск — вопрос скорее чести, чем безопасности. Вопреки распространенному мнению, ядерщики очень стараются не выпускать всякие опасные штуки в мир.

Я говорил с человеком, который перевозил эти отходы на танкере. Я спросил, боялся ли он. Он ответил: «Не особо. До этого я вез креветок, просроченных на три месяца. Вот это было страшновато».

Все, принимавшие участие в операции — вклю-

чая меня, я ведь отвечал за взаимодействие с прессой, — получили маленькие неформальные сертификаты на память о приложенных усилиях. Инженеры склонны к весьма изысканному юмору, поэтому сертификаты были напечатаны на темно-коричневой бумаге.

А еще раз… Я не помню точно, что конкретно случилось и на какой конкретно станции, но Фред что-то опять сделал. Я весь день отвечал на звонки и был на таком взводе, что пришел домой вечером в пятницу, открыл компьютер и приступил к работе. Утром воскресенья моя жена прокралась наверх, сохранила файл и уложила меня в кровать. Это была последняя треть «Творцов заклинаний».

Я решил как можно скорее уйти из индустрии. Общения с прессой там было столько, что у меня мозги кипели. Кроме того, первые книги о Плоском мире продавались достаточно хорошо, чтобы у меня появилась такая возможность. Я уведомил их за месяц. Попрощались мы очень мило, мне подарили статуэтку из тусклого серого металла, которой я очень дорожу и держу у кровати, потому что она позволяет не включать свет по вечерам.

Я уволился… и начал писать больше. Возможно,

новый рабочий темп привел к тому, что теперь я принимаю таблетки от давления. Если я не писал, я впадал в ужас. Я дошел до того, что я начинал новую книгу в тот день, когда заканчивал предыдущую. Одно время я писал по четыреста слов чистовика каждый день. Если книга заканчивалась через триста, я писал сто слов для следующей. Никаких оправданий. Умер мой дед, я поехал на похороны, написал четыреста слов. Рождество, послеобеденный сон, четыреста слов. Я жил так многие годы, потому что был твердо уверен, что если ты ничего не пишешь в этот момент, то ты и не писатель вовсе. Ты мошенник. К тому же я думал, что если прекращу писать, волшебство пропадет. И я добился кое-какого успеха. Книги продавались очень хорошо. «Мор, ученик Смерти» занял второе место в списке бестселлеров. Роман «Посох и шляпа» — первое, и он продержался в этом списке три месяца. И тогда я вошел в моду, из которой не вышел до сих пор. Я потерял счет проданным книгам. Я слышал цифру пятьдесят миллионов, в сорока пяти я уверен. Сложно уследить. Очень много книг, переводов, переизданий и прочего.

Проблемы были с Америкой. Кое-кто из вас видел, как я вчера на коленях умолял о «Хьюго».

Я всегда мечтал стать стендап-комиком и готов на всё, лишь бы рассмешить публику. Хотел бы я получить «Хьюго»? Какой же почетный гость «Ворлдкона» без парочки премий? Я понимаю, что до этого меня считали недостойным, потому что ранние мои книги в США печатали в неправильном порядке, без корректуры, нарушая сроки, ставя на обложке неправильное имя… И так далее. А еще меня печатали и не говорили, что напечатали, и довольно часто. К девяносто восьмому году мне всё это так надоело, что я был готов официально передать права на публикацию в США британскому издателю, потому что некоторые из вас… а то и все, как мне думается, участвовали в переброске десятков тысяч британских книг в Америку, потому что не хотели ждать американских изданий. Моих издателей это совершенно не волновало.

На конвентах в США я подписывал одно британское издание за другим. Вам не кажется, что это странно? Редактор пытался мне помочь, но без поддержки это было нелегко.

А потом американский агент попросил меня подождать. Сказал, что всё меняется. И действительно, в «Харпер Коллинз» были большие перестановки, и наконец-то у меня появился

издатель, который воскликнул: «Этот мужик продает газиллионы книг, но почему-то не у нас! Надо что-то делать».

Они нашли журналиста, который умел писать мою фамилию. Это уже было неплохо. В двухтысячном году мне даже устроили тур.

В девяносто шестом году один тур уже был, совершенно жуткий. Бóльшую часть времени я мотался между аэропортами и питался только жирными шариками и солеными палочками, которые подают в самолетах. Всё остальное тоже было ужасно. Я больше так не хотел и, когда меня пригласили, отправил им длиннейший список требований вроде: «Я не собираюсь посещать радиопередачи под названием “Доброе утро, городгдеяникогданебылиоткудауедучереездвачаса”, «Я не согласен на перелеты, из-за которых буду попадать в отель после семи вечера…»

Да-да, приезжать в отель к полуночи очень неприятно. Кажется, это Рокки Фриско спас меня в Мэдисоне, штат Висконсин, потому что в отеле еды уже не подавали, а у него осталась холодная пицца. Настоящий разгул, а? Приезжаешь в полночь, жуешь холодную пиццу, встаешь в полседьмого и едешь на передачу «Доброе утро,

городследянойпиццей»…

Короче, они на всё согласились. Я был в шоке. В двухтысячном году на самую маленькую автограф-сессию пришло больше народу, чем на самую большую в девяносто шестом. Пару лет назад был еще один тур, тоже довольно масштабный — пожалуй, даже покрупнее, чем в Англии. Кажется, я все-таки начал продаваться в Штатах. Как знать, может быть, через пару лет я добьюсь того, что можно было бы устроить уже году в девяносто шестом.

Я до сих пор чувствую себя мошенником. Я же всё это делаю для развлечения. У меня не было никаких планов. Первые несколько книг я написал для развлечения. И следующие тоже. Мне просто хотелось это делать. Это что-то мне давало.

Я сам был участником фэндома и ездил на конвенты года, может быть, три. Пару конвентов я видел в начале шестидесятых. И на «Ворлдкон» тоже ездил. Нашел работу. Стал встречаться с девушками. И тут меня закрутило что-то, что принято называть «реальной жизнью». Ну, когда работаешь в газете, особо реальной она не кажется.

В семьдесят третьем году конвент проходил рядом с моим домом, и я решил поехать. Про-

шло лет восемь с моего последнего конвента. Я приехал и не узнал ни одного человека. Этого я не перенес. Иногда я думаю, что бы случилось, если бы я вернулся в фэндом еще тогда. Хочу вам напомнить, что Салман Рушди занял второе место на конкурсе научной фантастики, который проводило издательство «Голланц» в конце семидесятых. Представьте, что было бы, если бы он победил. Аятоллы с Марса! Никаких проблем с «Сатанинскими стихами» бы не было — ведь их сочли бы научной фантастикой, а на нее всем плевать. Он бы ездил на конвенты. Стоял бы сейчас на моем месте. Ах, эти повороты истории…

Откуда берутся идеи? Я не знаю. Но читая научную фантастику, я понял, что могу читать и что-то другое. Я полюбил историю, чего от меня напрасно добивалась школа. Я сейчас переписываюсь со своим старым учителем истории, и мы отлично общаемся. Но на его уроках я не узнал ничего по-настоящему интересного. Ну, например, чуть ли не весь восемнадцатый век можно было брать с пабов деньги за вывоз мочи, а потом еще с дубильщиков за ее ввоз. Это очень интересный факт, а в четырнадцать лет еще и смешной.

Я должен признаться, что сейчас места на полках у меня больше, чем книг [раздаются крики].

Конечно, я не учитываю книги на чердаке, книги под кроватью в гостевой спальне, завернутые в бумаги книги в гараже. Это книги, которые, ну, просто есть. Ну как Стоунхендж. Ими никто никогда не будет пользоваться, но и избавиться от них нельзя. Да, у меня есть в доме пустые полки. Не меньше восьми футов пустых полок в новой библиотеке. Хотя нет. На прошлой неделе мы ходили к букинисту, я потратил там несколько сотен, и пустых полок осталось фута четыре.

Я заработал на писательстве кучу денег. Правда кучу. Но я горизонтально богат, если можно так выразиться. Я советую всем вести себя так же. Если вы вертикально богаты, то начинаете думать: «У меня много денег. Значит, мне нужно делать то, что делают все богатые». А что они делают? Они находят на карте Гштад и едут туда кататься на лыжах. Покупают яхту. Ездят на пляжи за полмира. Пожалуйста, никогда не покупайте яхту. Владеть яхтой — это примерно как бесконечно рвать сотенные бумажки, стоя под холодным душем. Гвоздь, самый обычный гвоздь, начинает стоить в пять раз дороже, если это морской гвоздь. Мой ассистент уговаривает меня купить легкомоторный самолет, чтобы он мог на нем летать. Но он учился водить истребитель, так что

эта идея мне не нравится.

Горизонтально богатые люди не позволяют выросшим доходам диктовать свои вкусы. Вы любите книги и у вас появились деньги? Ну так купите еще книг! Поставьте новые хорошие шкафы взамен прогнувшихся полок. Или пристройте к кабинету библиотеку, как сделал я. И, конечно, покупайте то, что пригодится для лучших в мире поисков — для исследования вслепую, которое проводится без определенной цели, просто потому что это весело.

Давайте я расскажу вам, например, историю тарлатана, которую выкопал в газетах восемьсот пятидесятых годов. Тарлатан — это искусственный шелк, который делали, кажется, в нижней Саксонии. Какой-то минерал смешивали с клейстером, втирали в ткань и полировали. В результате получалось нечто, слегка напоминающее шелк, красивого зеленого цвета. Одна юная леди отправилась на лондонский бал для офицеров, уезжающих в Крым. Бал проходил знойным летним вечером. На ней было платье из тарлатана и туфельки из тарлатана. И еще сумочка из него же. Она протанцевала всю ночь в закрытом и довольно сыром бальном зале. Зеленые крошки падали с ее платья, когда она переходила от

одного партнера к другому, и разлетались по залу. Вернувшись домой, она почувствовала себя дурно. А потом ей стало очень плохо. Через пару дней мучительной агонии она скончалась от острого отравления мышьяком. А всё потому, что при изготовлении тарлатана используется арсенат меди, то есть соль мышьяковой кислоты. Это ужасно. Это трагично. Но я писатель. Я вижу людей в вихре танца, прекрасную девушку, убийственный зеленый порошок в воздухе. И это чудесно! Извините. Короче, вы поняли.

Я читал старую книгу об алхимии. Там говорилось об австрийском алхимике, которого помиловал не помню какой император. Он предстал перед императорским судом по обвинению в мошенничестве — алхимик утверждал, что умеет делать золото. Но увидев императора, он сразу распознал симптомы отравления мышьяком и предложил вылечить его в обмен на свободу.

Он попробовал всё. Хлеб, мясо, воду. Императору становилось только хуже. Тогда алхимик взвесил одну из свечей, которые использовались в королевской спальне. Потом пошел на рынок, купил свечу того же размера и взвесил ее. Королевская свеча оказалась на целый фунт тяжелее, потому что фитиль был пропитан мышьяком.

Очаровательно, правда? У меня есть несколько разных мышьяковых руд, и вообще это мой любимый яд. Ну так вот. Каждый вечер, когда в спальне зажигали свет, императора медленно травили. Я включил этот сюжет в «Ноги из глины».

Откуда я беру идеи? Да я их краду. Краду у реальности. Чаще всего она превосходит фантазию.

Хотел бы я рассказать, сколько еще бывало подобных случаев. В «Маленьком свободном народце» в деревне бытует традиция хоронить пастуха, приколов к савану клок овечьей шерсти, чтобы если умершему встретится какой-нибудь бог, то сразу понял бы, что перед ним пастух, который всю жизнь возился с ягнятами и не успевал в церковь зайти. Ведь у хорошего пастуха овцы всегда на первом месте. Я этого не придумывал. Так поступают в деревне в двух милях от моего дома. Больше всего мне нравится их договоренность с богом. Американцы иногда удивляются, почему ирландцы зовут себя лоялистами и при этом выступают против короны. Но лояльность переменчива. Она не означает слепой верности. Ты лоялен кому-то, пока он лоялен тебе. Пока ты ведешь себя, как положено королю, можешь быть нашим королем. Мне кажется, что скромные деревенские жители, прикалывая клочок шерсти

к савану, говорят: «Если Ты такой Бог, как мы о Тебе думаем, Ты всё поймешь. А если не такой, то и катись». Плоский мир многим обязан таким странным суевериям.

Будучи подростком, я всё время читал. Я родился незадолго до изобретения телевидения, так что оно не сумело взять надо мной власть. Я исследовал все книжные магазины. Я читал каждую книгу, какую мог найти. Я всасывал сведения, как пылесос, и запоминал их только потому, что меня страшно радовало, сколько всего интересного в мире. Информация была везде.

Самой первой книгой, которую я купил себе, стал «Брюэровский фразеологический словарь». В моей карьере есть несколько вешек, и больше всего я горжусь днем, когда меня попросили написать предисловие к новому изданию этого словаря. Я собрал, наверное, все доступные варианты. Нет книги полезнее для автора фэнтези. Если мне хотелось узнать, как сделать цветочные часы и определять время по открывающимся и закрывающимся цветам, я брал «Брюэровский словарь» и читал об этом там. Вот откуда я беру свои идеи. Я вычитываю их в книгах. Как я пишу? Придумываю, сажусь и делаю. Объяснить это невозможно. Но я говорил с другими писателями.

Когда никого постороннего рядом нет, мы все на этом сходимся. Правда, мы все по-разному понимаем слова «придумываю» и «делаю». А может, даже слово «сажусь».

Сейчас я пишу очередную книгу о Плоском мире. Для взрослых. У меня есть только название. Я знаю, что в моей книге будет детская книга под названием «Где моя корова?», и командор Ваймс будет читать ее юному Сэму Ваймсу, которому только что исполнился годик. Юный Сэм будет требовать чтения в шесть часов каждый день. Неважно, чем занят глава городской стражи, неважно, что он расследует важнейшее политическое убийство, он должен вернуться домой и почитать сыну «Где моя корова?». Это важно для них обоих.

В книге «Где моя корова?» очень немного слов, и у нее пожеваны углы. Сюжет прост: «Где моя коровка? Ты моя коровка? — Бе-е-е! Это же овечка! Это не коровка!» И так далее, с разными другими животными. Эта история знакома всем родителям. Ваймс читает ее каждый вечер и думает: «Зачем эта книжка городскому ребенку? Где он услышит блеяние и мычание? Единственный звук, который издают животные в городе, — это шипение мяса на сковородке». Оглядывая дет-

скую, он видит барашков на обоях, кроликов, лисят и жирафов в сюртуках. И снова думает: «А как бы выглядела книжка для городского ребенка? В ней бы были нищие и белошвейки? Какие звуки издают попрошайки? Что-то вроде “Эй, если дашь мне пенни, я не вломлюсь в твой дом”».

И я точно знаю, что в этой книге, которую я пока только задумал, будет сцена, в которой Ваймс прочитает книгу в дохренадцатый раз. Книга вся будет в слюнях, потому что ребенок любит ее жевать. При этом Ваймс будет обдумывать очень сложное преступление, и эта книжечка станет поворотным моментом в расследовании. Я даже не знаю пока, что это за преступление![5]

Я говорил об этом с Нилом Гейманом, и он сказал то же самое. Он придумывает крошечный кусочек сюжета, оазис, который точно сработает, и не представляет, что будет его окружать. Моя книга называется «Шмяк!», потому что она основана на одноименной игре, которую можно купить в Великобритании. Это игра про гномов и троллей. Она спроектирована так, чтобы в нее играли гномы и тролли, и поэтому среди людей она не очень популярна. А еще это своеобразный по-

[5] Примечания: 5

[примечание добавлено позже] Так и случилось. Но совсем по-другому, чем я задумал.

клон Дэшилу Хеммету и хороший способ описать таинственное убийство. «*Шмяк.* Именно такой звук издала дубина, войдя в соприкосновение с черепом». Это начало годится для чего угодно.

К несчастью для себя, одновременно я пишу следующую книгу из серии о маленьком свободном народце.

Писать две книги разом страшно вредно для здоровья. Я уже принимаю по шесть пилюль в день и удерживаю воду примерно так же хорошо, как сливная труба. Но при этом писать разом две книги очень умно, потому что можно отдыхать от одной и писать при этом другую. Теперь вы знаете, как я до этого дошел. И я точно так же пишу хорошие интересные сцены и не представляю, что с ними потом станет.

Я называю это техникой «долина облаков». Ты стоишь на краю долины, видишь тут колокольню, там высокое дерево, здесь утес, а всё остальное затянуто туманом. Но ты понимаешь, что раз это всё существует, значит, от одной точки можно добраться до другой. И ты идешь вперед. Когда я пишу, сначала я делаю черновик только для себя. Я прохожу вдоль долины и понимаю, о чем будет эта книга. Я уверен, что настоящие писатели так не делают. Например, Ларри Нивен берет кучу

маленьких карточек и на каждой пишет скелет сцены. Я это знаю, потому что однажды мы хотели вместе написать книгу. Обсудив это, мы решили две вещи. Во-первых, любому из нас было разрешено использовать все идеи, которые мы придумали в процессе обсуждения. В конце концов, это всего лишь идеи. А во-вторых, мы поняли, что мы никогда в жизни не сможем совместно работать ни над чем, потому что наши стили работы в принципе не совпадают. Никто никогда не учил меня писать. Никто не говорил, что я делаю не так. Мой первый роман опубликовал первый же издатель, которому я его отправил. Так что я всему учился по ходу дела и теперь мне немного неловко, когда люди начинают читать книги о Плоском мире с «Цвета волшебства» или «Безумной звезды». Это не лучшие мои вещи. Это я, автор, вам говорю. В случае Плоского мира начинать с начала не стоит.

По-настоящему я горжусь книгами, которые написал для детей. Сегодня, разговаривая с детьми, я понял, в чем причина. Они спрашивали меня о черепахах. Потом снова спрашивали о черепахах. Тогда я попросил о черепахах больше не заговаривать. «Ладно, — сказали они, — тогда давай о слонах».

Когда ты пишешь для детей, нужно писать намного точнее. Нужно отвечать на все вопросы. Нельзя оставлять читателей в недоумении. Не стоит на них полагаться — многие пропуски они не смогут заполнить самостоятельно. При этом в наши дни дети очень неплохо соображают в нарративе. Им ясны все сюжеты. Помню, много лет назад моя дочь смотрела приключенческий фильм… ей было тогда восемь или девять… и она сказала, что чернокожий выживет.

Это было примерно на трети фильма — а мы все знаем, что в таких фильмах всегда убивают кучу народу. Я спросил, откуда она это знает. «Этот человек выживет, и эта женщина тоже, и этот черный. А другого черного убьют». Вообще-то она ошиблась, но рассуждала вполне логично.

Она уже понимала, как работают сюжеты. Умные дети часто это понимают. Так что мне довольно трудно писать детские книжки. Всегда нужно опережать читателей.

Я думаю, что причинил много зла миру фэнтези. Моя писанина не слишком-то интеллектуальна, но всё больше и больше людей делают по ней диссертации и дипломы. Получается, я фэнтези-постмодернист. Наверное, это потому, что я поставил в Анк-Морпорке завод по производству

презервативов. Кстати сказать, тролль, который занимается упаковкой, решительно не понимает, почему женщины хихикают, когда он пакует «Больших парней». Но вы же не можете представить себе, что в Средиземье тоже есть такая фабрика? Я, к сожалению, могу. Но ее точно нет в Нарнии! А вот Анк-Морпорк вполне способен это пережить. Он может пережить почти всё.

Однажды один мой фанат, который занимается геральдикой, сказал, что мне бы не помешал герб.

Я спросил, могут ли его поддерживать бегемоты, как герб Анк-Морпорка. Он ответил, что для этого нужно быть королевой или городом. Я сказал, что я никак не город, но тем не менее мне ничто не мешает это сделать. «Что произойдет, если я так поступлю?» — спросил я. Он сказал, что это никому не понравится. Я решил, что на дворе две тысячи четвертый год и я это как-нибудь переживу. А еще ему совершенно не понравился девиз города: *Quanti canicula ille in fenestra.* Это переводится — по-моему, очень мило — как: «И почем эта собачонка в окошке?»

У меня есть тайный план. Когда полетит очередной шаттл, я хочу как-нибудь пронести на борт значок из «Последнего героя». Я подозреваю,

что эта латинская фраза означает что-то вроде: «Идущие на смерть не хотят этого делать». Мой контакт среди космонавтов утверждает, что они не против.

Это было ужасно весело. Это принесло мне кучу денег. Я бы хотел быть настоящим писателем, правда. Я не обдумываю свою работу так уж тщательно. Я просто беру и делаю. Раз в месяц-другой я страшно удивляюсь, читая все эти статьи о том, как я потрясающе владею языком и как умно всё делаю. Не-а. Я просто пишу, как пишется. Я говорю это сейчас, потому не представляю, где еще я мог бы это сказать. А потом меня вдруг делают почетным гостем. Здесь полно писателей куда лучше меня, честно. Но я очень благодарен вам за то, что вы меня читаете. Мне нравится эта работа.

В следующем месяце Плоскому миру исполняется двадцать один. В Англии это до сих пор кое-что значит. Когда-то давно с этого возраста разрешалось пить. Но теперь пить официально можно где-то лет с восьми, а в Штатах — примерно с тридцати. Но так или иначе, это совершеннолетие.

Рад сообщить вам, что мое сердце ведет себя прилично, но теперь я собираюсь писать только

по одной книге в год. Правда, тогда у меня появится свободное время. Моя жена недавно сказала, что когда мы последний раз были в отпуске, я за две недели написал четверть книги. Но это же было в Австралии! Там чудесно. Встаешь рано утром, птички поют, в холодильнике полно холодного пива, на часах шесть утра, солнце уже встало… я садился и писал, просто для развлечения. Мы отдыхали в маленьком отеле в тропическом лесу, но недалеко от моря. Там не было ни детей, ни собак. Почему? А потому что их там едят акулы. Если вас не съест акула, то до вас доберется крокодил. А если уж и крокодил вас не найдет, всегда остается морская оса (это такая медуза). Давай, погода просто чудо! Нам там очень понравилось. Особенно меня порадовали теннисный корт и поле для гольфа — их там не было.

Помню первую прогулку по тропическому лесу. Заходишь за угол, а там висит в паутине паук размером с ладонь. И что ты будешь делать? Естественно, его нужно обойти. По большой дуге. Где-нибудь с полмили. А потом мы лезли на скалу, держась за веревку, начинался дождь, я выискивал, куда поставить ногу… и вдруг увидел огромную змею, которая душила варана. Я крикнул гиду, что тут змея, а он спросил, какая змея. Я

заорал: «Я вишу на веревке на скале, льет дождь, я соскальзываю вниз и не буду с вами играть в “Где моя змейка!” Как по мне, это питон». «Почему вы думаете, что это питон?» — «Потому что у этой игуаны глаза сейчас выскочат а-а-а».

Он поднялся и сказал: «Всё в порядке, просто пните ее в кусты». Мы аккуратно затолкали ее в кусты. Такова была моя первая прогулка по тропическому лесу. Так родился «Последний континент».

Я помню, как первый раз летел в Австралию. Посреди ночи мы пролетали над Тихим океаном. В небе громоздились кучевые облака, похожие на прическу Мардж Симпсон. Я смотрел на них и попивал бренди (вы же понимаете, что летел я не в экономклассе). Было очень тихо. Потом я пошел почистить зубы перед сном и увидел себя в зеркале. И сказал сам себе: «Как ты вообще здесь оказался? Слава богу, в мире нет никакой справедливости».

И прямо сейчас я чувствую то же самое.

Спасибо за внимание, дамы и господа.

Плоскому миру – 21

Программа конвента, посвященного Плоскому миру, 2004 год. «Слово Терри о двадцатиодно-летии»

Удивительно, как быстро всё происходит. Как только книга закончена, она перестает мне принадлежать. Я больше о ней не думаю. Но иногда я все-таки оглядываюсь назад.

Прошло десять лет с тех пор, как я это написал, но Матушка всё еще со мной. Мокриц фон Липвиг, который впервые появился в «Держи марку!», теперь встречается в разных местах. Думаю, мне скоро придется искать кого-то еще. Мокриц мне нравится. Он развивался, как и командор Ваймс, хотя Ваймс изменился в основном из-за ребенка. Когда появляются дети, люди становятся совсем другими. И теперь я снова смотрю на старых персонажей и думаю, кто же еще выйдет на сцену. Плоский мир меняется, но меняется по своим собственным правилам.

Вот до чего мы дошли. Двадцать один год. Было весело, не пострадал ни один ребенок, и даже кричали не очень много. Я не совсем понимаю,

почему именно двадцать один. Мы могли поднять шумиху вокруг двадцать пятой книги, «Правды», ведь это число больше, или подождать еще пару лет до продажи пятидесятимиллионной книги или десяток лет на случай, если я сумею написать пятьдесят романов о Плоском мире.

Эта мысль меня пугает. Уже сейчас есть толпы фанатов, которые когда-то таскали книги о Плоском мире из родительской библиотеки. Несколько лет назад я читал лекцию в школе, *директор* которой вспомнил, как в студенчестве стоял в очереди за моим автографом. Страшновато об этом думать. О Плоском мире читают целыми семьями. Если прожить достаточно долго, годы навалятся на тебя.

Сейчас мы застряли на волшебной цифре «двадцать один». Наследии тех дней, когда ты вынужден был носить короткие штанишки, хотя уже пять лет бреешься. Двадцать один. Почти три миллиона слов.

Проблема в том, что я почти ничего не помню. Говорят, я неплохо повеселился. Помню вот, как разглядывал роскошный салон «Боинга-747» над Тихим океаном, летом девяностого года. Все вокруг спали. За окном громоздились облака. Впереди меня ждал первый тур по Австралии. В

туалете в вазочке стояла орхидея. Я посмотрел на себя в зеркало и подумал: «Это же всё не по-настоящему, да?»

И это удивление было со мной всегда. Оно сопровождало меня в Букингемском дворце, в аудиториях разных университетов, за кулисами Библиотеки Конгресса, в сотнях книжных магазинов. По меньшей мере полтора года из этих двадцати одного я просидел в книжных. Это чувство было со мной в Элис-Спрингс и у истоков реки в тропиках Борнео, где я устроил импровизированную автограф-сессию в лагере, где занимались перевоспитанием осиротевших орангутангов и их адаптацией к дикой природе (никто из них в сессии не участвовал, но я подписал три книги для британских детей, которые приехали поработать над экологическим проектом). У маленьких орангутангов и без того было достаточно дел. Например, надо было ограбить беспечно брошенные в спальнях рюкзаки на случай, если там найдется что-нибудь съедобное. (Зубная паста там или витамины.) В честь меня назвали вымерший вид черепахи, а имена разных персонажей увековечены в латинских названиях некрупных растений и, кажется, насекомых.

И всё это время меня не оставляет смутное ощущение, что это происходит с кем-то другим.

Я никогда не относился к писательству всерьез. Ну, не совсем так. Я очень серьезно к нему относился, и тогда это было правильно. Я читал книги о том, как тяжело заработать писательством деньги, и журналистика казалась мне куда надежнее. Я писал в качестве хобби, кое-что продал, но мысль о том, чтобы жить писательством, никогда не приходила мне в голову (вероятно, это было вполне разумно. И тогда, и сейчас большинство писателей дополнительно работают на *настоящей* работе, чтобы оплачивать счета).

А когда я обнаружил, что могу заработать этим на жизнь — о, это чудесное субботнее утро, когда я посмотрел на цифры и осознал, что, правильно разыграв эти карты, я смогу больше никогда не заниматься обычной работой, — даже тогда я не думал, что разбогатею.

Понимаете? Жизнь — это то, что происходит, пока вы строите планы.

Может, уже пора строить планы. Две книги каждый год? С этим я заканчиваю. Причем не постепенно, а прямо сейчас. У меня больше нет времени. Открылся американский рынок. Все устраивают для меня туры. И, честно говоря, две

книги в год только мешают друг другу. На них не пишут рецензий, потому что все же знают, что новые книги Пратчетта есть всегда. Это биографическая константа. Если выпускать по две книги в год, выпадают напряженные месяцы, когда книг бывает по три разом. Одну я начинаю, вторую вычитываю и редактирую (теперь еще и в двух странах разом), а с третьей нужно ехать в тур. Это как жонглировать. Если что-то пойдет не так, всё рухнет. И я вдруг понял, что не должен этого делать. Хотя бы не каждый год. Через пару дней после выхода книги читатели — благослови их Господь — спрашивают: «А что там дальше по плану?» Нет никакого плана. Есть только я.

Детские книги я буду писать и дальше. Они занимают столько же времени, сколько взрослые, но они хороши, а смена работы — это почти отдых. Почти. Я задумал еще две книги о Тиффани Болен.

Плоский мир тоже никуда не девается. Я начал писать детские книги о Плоском мире и для того, чтобы поиграть на другой площадке, потому что «взрослый» Плоский мир заполнен до краев. Жизнь у матушки Ветровоск причудливая, но длинная (кажется, магия продлевает жизнь; нет никаких данных о том, что ее бабушка уже

умерла), а вот Ваймсу уже пора на покой. Сколько масштабных перемен готовы вытерпеть читатели? Да черт с ними, а сколько готов вытерпеть я? Другой правитель в Анк-Морпорке? Другой командор Стражи? Другой ректор Незримого университета? Мне кажется, что некоторые призраки просто так не сдадутся.

К счастью, в Плоском мире время течет медленнее, чем в нашем. Но в «Держи марку!» уже появятся совершенно новые главные герои, потому что они нужны для сюжета. Следующая книга, у которой пока есть только рабочее название (и я его никому не скажу, пока «Амазон» не начнет принимать на нее предварительные заказы), будет о Страже. Пока она кажется мне довольно неплохой. А будущее застлано таинственным туманом, в котором может скрываться что угодно.

Есть еще и фанаты, которые пишут мне письма и зовут на свадьбы. Без их постоянных вопросов и советов я бы не понял, что́ я делаю не так. Они знают, когда шутку надо воспринять всерьез и сделать ее не совсем шуткой.

Но что такое типичный фанат? Можно ли его узнать? Некоторые это умеют. Если вы имеете обыкновение стоять в очередях за автографом, в следующий раз внимательно проследите за

фотографом из местной газеты, который войдет в магазин. Он точно будет искать легендарного Типичного фаната Терри Пратчетта. Смотрите, как он мечется туда-сюда, проходит мимо людей в костюмах, мимо тех, кто похож на чьих-то родителей, мимо людей, которые явно выбежали сюда в обеденный перерыв. Что же это? Триста человек в очереди и ни один не надел остроконечной шляпы?

Как сказал один озадаченный охранник, три часа наблюдавший за толпой, которая любезно воздержалась от вполне ожидаемых, но странных поступков, «они все такие… нормальные!».

Я ответил: «Что вы, всё не так плохо».

Было весело. И сейчас весело. Пусть так будет и дальше.

Спасибо.

Кевины

Журнал Author, зима 1993 года

В те золотые деньки, когда я только начинал писать, Лин, моя жена, приносила мне второй завтрак в кабинет. А вместе с ним — рукописи и кучу писем…

Жена звала их Кевинами. Это нечестно. На самом деле просто… ну… однажды мне разом пришло три письма от мальчиков по имени Кевин, она написала на маленькой папке «Кевины», и имя прижилось.

И теперь, раз в неделю или когда мне становится стыдно, я пишу Кевинам ответ. Многие Кевины женщины. Иногда даже бабушки. Я никогда их не считал. Знаю только, что каждый год пишу примерно двести тысяч слов писем. Два романа по объему. В основном это письма Кевинам.

Об этом никогда не говорят в книгах с названиями типа «Как стать писателем». Каждый день находите время писать… это правда. Пишите только на одной стороне листа… и это тоже. Но разве там рассказано, что делать с тридцатью одинаковыми формами 5А? Нет. Или как ответить

человеку, который утверждает, что вы украли его идеи с помощью лазерных лучей, прежде чем он успел их использовать? Нет. И уж точно там не сказано, что иногда приходится покупать путеводитель по Новой Зеландии, чтобы расшифровать корявый обратный адрес (с британскими названиями вроде Нью-каракули-на-Тайне обычно можно справиться, но почти любое место в Новой Зеландии, если это не Окленд и не Веллингтон, называется Рангивангичтототам или как-то похоже).

Кажется, это всё принято называть письмами от фанатов. Поскольку я жанровый автор, мои читатели считают, что я им принадлежу, в большей мере, чем, например, читатели Мартина Эмиса. Как сказал один рецензент, я служу «уютным проводником мнений между читателями и писателями». (Это он в плохом смысле — он работал в «Сандей таймс»).

Так что они не стесняются просить о новых книгах с любимыми героями («Дорогой сэр Артур, а почему бы не вернуть Шерлока Холмса, чтобы он выследил Джека Потрошителя?..»). Или об автографах. О фотографиях с подписью (это меня бесит. Кому какое дело, как выглядит писатель? Вы прочитали захватывающую книгу, которая

оставила в вашем мозгу раскаленные добела образы, а потом вы смотрите на обложку — а там лысый коротышка с трубкой).

Почему люди пишут авторам? Полевые исследования позволяют предположить, что многие из них тоже пишут и хотят получить подробную инструкцию о путешествии к Святому Граалю. У нас часто спрашивают: «А как вы опубликовались?», явно подозревая, что недостаточно написать хорошую книгу и рассылать ее издателям, пока кто-то ее не возьмет. Они хотят знать Тайну. Я бы тоже хотел ее знать.

Часто спрашивают: «А откуда вы берете идеи?» Я так и не придумал удовлетворительного ответа. «Со склада в Кройтоне» тянет разве что на смешной. Потом приходится думать.

Иногда нам пишут, чтобы нас подбодрить. Например, одна библиотекарша написала мне следующее: «Чудесно, что юным читателям нравятся ваши тексты. С их помощью мы заманиваем детей в библиотеки и приучаем к настоящей литературе».

А порой нас ругают. Учительница жаловалась на то, что восьмидесятилетняя сельская ведьма, которая никогда не ходила в школу, пишет с ошибками («Дорогой мистер Диккенс, подумайте,

что можно сделать с речью Сэма Уэллера…»). С другой стороны, я имел очень интересную переписку с одним французским академиком о правильном употреблении слова «крен» в современном языке.

А молодежь, которая сдает экзамены на аттестат зрелости, не стесняется писать так (читать единым духом): «Дорогой мистер Пратчетт я прочитал все ваши книги вы мой любимый автор я делаю проект о ваших книгах ответьте пожалуйста на эти четыреста вопросов к пятнице потому что мне сдавать работу в понедельник».

Я обхожусь с этим так: выбираю двадцать самых интересных вопросов и распечатываю на компьютере список вопросов и ответов, который обновляется примерно раз в месяц. Очень мелким шрифтом. Полагаю, что многие удовлетворительные оценки получены только путем тщательного списывания…

Письма от подростков узнать очень легко. Иногда в них нумерованы предложения, примерно так: «Мистер Пратчетт, я хочу стать писателем, когда закончу школу. Ответьте, пожалуйста: 1. Работаете ли вы в свободном графике? 2. Сколько вы зарабатываете?» Каждый год, с регулярностью прилета птиц с зимовки, кто-нибудь просит

взять его на практику на неделю. Об этом я всегда думаю по-гардиански («В одна тысяча девятьсот девяносто третьем году мастер Пратчетт нанял его подмастерьем за один фартинг в неделю…»).

В письмах от читателей помладше появляется карандаш и мелки. Эти письма короткие, и на них я предпочитаю отвечать сразу. Часто в них бывают картинки. Все, кто когда-либо писал для детей, понимает, о чем я. Иногда там встречаются очень неловкие вопросы. И списки домашних питомцев. Кевины с другого конца шкалы часто начинают так: «Полагаю, вы редко получаете письма от семидесятипятилетних матрон…»

Вообще-то часто. Просто взрослые, которые читают меня, не всегда в этом признаются. Знаете эти статьи в литературных журналах, когда в конце года у знаменитостей спрашивают, какие книги им понравились в этом году. Понятно, что все они читали Джоанну Троллоп, Тома Клэнси и Джилли Купер, но они делают постные лица и припоминают пять «серьезных» романов.

Статистически значимое число моих корреспондентов желает сообщить, что они встретили человека, читающего мою книгу, на отдаленном греческом острове. Разумеется, это может оказаться один и тот же человек.

В письмах много общего: почти все сомневаются, что автор их прочитает, а тем более ответит. Такое письмо — подвиг веры. Это почти то же самое, что запечатать послание в бутылку и отпустить на волю волн. Но…

Когда я был юн, я написал письмо Дж. Р. Р. Толкину, который тогда только становился бессовестно знаменитым. Я полагал, что меня очень впечатлила книга «Кузнец из Большого Вуттона». Думаю, что мое письмо стало одним из сотен или тысяч писем, которые он получал каждую неделю. Но мне пришел ответ. Скорее всего, он был продиктован. Насколько мне известно, ответ был типовой. Но там была *подпись*.

Наверняка он получал мешки писем из каждой коммуны и университета в мире. От людей, чьи дети выросли и пытаются жить нормальной жизнью, называясь при этом Галадриэлью. Я написал совсем чуть-чуть. Без вопросов под номерами. Я просто сказал, что мне очень понравилась книга. И он меня поблагодарил.

На одно мгновение между нами состоялся самый простой и драгоценный вид человеческого диалога: ты реален, а значит, и я тоже.

Подумав об этом, я постарался убедить себя, что почта — это не досадная помеха, а необходимое

эхо писательства. Часть процесса. Своеобразное послепродажное обслуживание. Конечно, бывают и очень странные письма, но редко. А иногда почерк подводит. Порой читателям, которые хотят вступить в длительную переписку, приходится отказывать, потому что Господь неосмотрительно создал всего двадцать четыре часа в сутках. Но если не считать таких случаев, все рано или поздно получают ответ… надеюсь. Это часть процесса. Осталось только понять, о каком процессе идет речь.

Странные идеи

Журнал Author, осень 1999 года

…теперь, конечно, электронных писем не меньше, чем бумажных.

«Хай ты клевый чувак, раскажи как писать». Вы наверняка не раз получали такие письма, если вы писатель и у вас есть адрес в Интернете. В Интернете никого не волнует ваша грамотность. Здесь принято имитировать дислексию, ведь это не несчастье, а признак крутости. Некоторые молодые пользователи подозрительно воспринимают любое предложение, которое требует приличного знания английского языка. Я написал одному корреспонденту, что если он хочет стать писателем, ему придется впустить в свою жизнь грамматику, орфографию и пунктуацию. Он ощетинился и заявил, что у издателей для всего этого есть специальные люди.

Гм…

Мой адрес электронный почты всем известен, и его легко найти. Я популярный писатель. Я перестал считать письма, которые получаю каждый день. Я отвечаю на все, на какие могу.

Я довольно рано понял, что фильтр в почтовом ящике необходим для электронного выживания. Это решение было принято еще в те дни, когда я пользовался модемом на 2400 бод и кому-то пришло в голову прислать мне иллюстрированную рукопись. Все три мегабайта (интернет-этика выработана людьми, которым никогда не приходилось оплачивать собственные телефонные счета). К тому же фильтр позволяет отсечь спам-письма, адресованные «другу». Ни один незнакомый человек, который может быть вам полезен, не назовет вас другом.

Это было просто утомительно. Теперь это стало настоящей проблемой. Одна из традиций фэнтези и научной фантастики как жанров — постоянная коммуникация. Фанаты общаются с другими фанатами. Конечно, интернет сразу стал для них альтернативой ротатору и принтеру. Есть и еще одна традиция — фанфикшен.

Фанаты есть у множества жанров, но «фанфики» свойственны только фэнтези и фантастике (насколько мне известно). Люди для развлечения пишут истории, действие которых происходит во вселенной, созданной профессиональным писателем. Они используют уже готовых героев и обстановку и размещают всё это в сети бесплатно,

на радость друзьям.

Поскольку жанровые авторы раньше сами были фанатами (трудно представить себе писателя-фантаста, который не любит фантастику), традиционно принято закрывать глаза на это юридически сомнительное занятие или относиться к нему благосклонно. Принято радоваться тому, что у тебя есть фанаты. Если у вас появятся фанаты, они будут… фанатичными. Это неплохая тренировочная площадка для писателей. Но это только часть проблемы.

Авторы популярных серий быстро понимают, что их читатели — не просто пассивные потребители. Они считают, что автор пишет сценарий, а съемки фильма происходят в их собственной голове. И в результате книга создается как будто в соавторстве, и читатель тоже имеет какие-то права. Хотя бы право иметь мнение. Многие годы эти мнения высказывались приватно («Милая мисс Остин, мне кажется, было бы здорово, если бы одна из ваших героинь влюбилась в Наполеона…»). Это, возможно, неплохо. Но в сети приватности нет. Она выпячивает всё, плохое и хорошее.

Я семь лет читал две новостные группы, посвященные мне и моему творчеству. Довольно забавно следить, как твою книгу публично разби-

рает преподаватель из Оксфорда, а рядом, в той же группе, человек, который считает «Звездные войны» очень старым фильмом. Но недавно я перестал их читать.

Я начал нервничать, когда люди стали постить в открытых группах идеи будущих сюжетов и предположения о развитии героев. Интернет пока молод, он велик и открыт, и он принес нам новые мнения и новые проблемы. (Одна некрупная проблема состоит в том, что люди выводят свой язык на мировой автобан, не сдав на права. Вот, например, слово «плагиировать». Я знаю, что оно значит. Вы знаете, что оно значит. Юристы совершенно точно знают, что оно значит. Но его часто используют в качестве синонима к «заимствовать», «пародировать» и «ссылаться». Например, «“Вещие сестрички” сплагиачены с Шекспира». Но это моя книга. Да, конечно, вам будет чуть веселее, если вы где-то слышали об одной пьесе на шотландский сюжет, и… на чем я остановился?)

Плюс распространение странных идей об авторском праве. На одной стороне люди, которые пишут мне испуганные письма вроде: «Я же могу назвать котика в честь вашего героя?», а на другой: «Мне так понравился ваш роман, что я его

отсканировал и выложил на своей странице, вы же не против?» Предполагается, что авторским правом защищено каждое конкретное слово — или не защищено вообще ничего.

Короче говоря, я начал волноваться из-за всей этой шумихи. Что случится, если я использую в книге сюжетную линию, которую какой-нибудь фанат уже запостил в сети или задействовал в фанфике?

Я уже получил несколько писем наподобие: «Вижу, вы использовали мою идею, так что…», когда речь идет об идее вроде «Почему бы Терри Пратчетту не написать книгу об Австралии/пиратах/футболе?» (Один раз мне прямо написали — уверен, что не мне первому, — такое: «У меня есть отличная идея, которая принесет нам обоим кучу денег, если вы напишите об этом книгу. Разумеется, я вам ничего не скажу, пока мы не подпишем договор».)

Скоро мы поймем, что для многих в остальном неглупых людей Идея является сердцем, душой и центром любого романа, а всякий там сюжет, персонажи, диалоги и сто тысяч написанных слов — малозначительными деталями. Найдите Идею, и вам останется только ее записать.

Я, конечно, излишне тревожусь, но тут есть о

чем тревожиться. Меня волнует не закон. В конце концов, 99,99 % фанатов еще не добрались до сети. Просто в каждой толпе есть один мерзавец, которому нужно протестовать вслух. Он (или она) обязательно привлечет внимание других мерзавцев, которые просто проходили мимо. В конце концов, если бы таких людей не существовало, шоу Рики Лейка никто бы не смотрел. А потом вам потребуется только журналист, который решит сделать статейку типа «Знаменитый писатель украл мою идею, утверждает разочарованный фанат». Если вы думаете, что журналисты такого не делают, значит, вы не читаете газет. Да даже и журналист необязателен. Сам интернет — открытая новостная площадка, доступная всем.

К сожалению, вообразить такой сценарий несложно. Что-то подобное уже случалось в Штатах, где люди подают иски так же легко, как дышат. Скоро они будут судиться с Господом, который создал несовершенный мир. Ходят слухи, что этого хватило, чтобы писатели вышли из «своих» новостных групп.

Мне стыдно, но мне кажется, что я должен публично объявить и о своем уходе. У меня много идей. Вот бы люди мне еще и немного времени оставили.

Заметки успешного автора фэнтези: пишите настоящую литературу

Ежегодник для писателей и художников, 2007 год

Обычно меня называют автором фэнтези, но мне приходилось слышать, что я принадлежу к мейнстриму, потому что книги, которые читают, — это мейнстрим. Книги в магазинах — мейнстрим. Теперь сюда же относится и фэнтези. «Настоящие» писатели действуют скрытно. Они забрали себе тропы фантастики и фэнтези и переработали их — но такие книги никто не называет фантастикой, потому что сами авторы так не считают.

Очень многие художественные книги — в некотором роде фэнтези. Возможно, стоит называть их «книгами, которые нарушают правила известного нам мира»? И еще добавить: «И содержат элементы, обычно считающиеся волшебными». Считается, что существует около пяти поджанров, от современной литературы до мифов, но они смешиваются друг с другом. Ну и что, если

результат хорош?

Если вы хотите писать, вероятно, вы много читаете. Если да, то прекратите (см. ниже). Если вы ничего не читали, идите и читайте.

Жанр не терпит тех, кто не знает историю и не соблюдает правила. Поняв правила, вы поймете, где их можно нарушить. Любой жанр — а фэнтези в особенности — это огромный склад сюжетов, идей, рас, типажей, мифов, приемов и указаний, которые освящены временем. Вы имеете право заимствовать всё, что сделано до вас. В противном случае в мире существовала бы только одна книга о машине времени. Если брать кулинарную метафору, всё это всего лишь ингредиенты. Важно, как именно вы печете свой торт. У каждого хорошего автора должен быть собственный рецепт, а лучшие находят, чего бы еще добавить в тесто.

Создание мира — важная часть написания фэнтези, даже если на первый взгляд мир кажется неотличимым от нашего (вот только Нельсон при Трафальгаре командует флотом огромных дирижаблей). Поговаривают, что во время фэнтези-бума в конце восьмидесятых издатели получали ящики, в которых лежало два-три рунических алфавита, четыре карты основных

областей, где происходит действие, руководство по произношению имен главных героев и, на самом дне, — рукопись. Вот до этого доходить не стоит.

Существует термин, которым читатели именуют фэнтези, представляющее собой переделки более ранних и более хороших книг. В таких переделках всегда бывает статичное общество, уродливые «плохие» расы (очень удобно), магия, которая работает примерно как электричество, и лошади, неотличимые от автомобилей. Это ЭФП, экструдированный фэнтези-продукт. Его легко узнать — вы не сможете отличить его от любого другого ЭФП.

Не пишите такого и по возможности не читайте. Читайте не только жанровые вещи. Читайте о Диком Западе (то еще фэнтези), о георгианском Лондоне, о снабжении флота Нельсона, об истории алхимии, часового дела или почтовых карет. Читайте, представляя себя плотником, который смотрит на лес.

Пользуйтесь логикой там, где ею обычно не пользуются. Если вы знаете, что королева фей носит ожерелье из нарушенных обещаний, подумайте, как оно может выглядеть. Если существует магия, откуда она берется? Почему ею не все

пользуются? Какие правила вы к ней примените, чтобы история стала напряженнее? Как живет ваше общество? Откуда берется еда? Вы должны понимать, как работает ваш мир.

Это я готов повторять раз за разом. Фэнтези получается куда лучше, если вы относитесь к нему всерьез (еще оно может стать намного смешнее, но это уже другая история). В нем должны быть правила. Если случиться может всё что угодно, откуда возьмется интрига? Свиньи могут летать, но при этом вам придется учитывать опасность для птиц и необходимость постоянно носить с собой прочные зонтики в особо населенных районах. Если без шуток, то именно такие мысли удерживают Плоский мир на плаву уже двадцать два года.

В детстве мы учимся не задавать фэнтези неудобных вопросов. Например, как так вышло, что хрустальная туфелька подошла только одной девушке в королевстве? Окиньте свой мир критическим взглядом, и вдохновение не заставит себя ждать. Крест отпугивает вампиров? Тогда им вообще не стоит открывать глаза среди всех этих стульев, оконных рам, перил и заборов. Если бы голливудские оборотни существовали в реальности, откуда бы они брали штаны, превращаясь

обратно в людей? В «Элидоре» Алан Гарнер, мастер переплетения нашего мира со сказочным, ставит правильные вопросы и напоминает, что единорог, кем бы он ни был, остается крупной и опасной лошадью. Простые невинные вопросы приводят к появлению в старой истории новых персонажей и новых поворотов сюжета.

Г. К. Честертон определял фэнтези как умение взять нечто банальное и обыденное (а значит, невидимое) и показать его с незнакомой стороны, чтобы читатель увидел его заново. Мы можем посмотреть на мир глазами крошечного народца, для которого лестничный пролет равен Гималаям, или созданий настолько медленных, что они вообще не успевают заметить человечество. Или почувствовать, каков мир для оборотня, который по запаху понимает, как выглядит комната, кто в ней находится сейчас и кто был вчера.

Что еще? Ах да. Воздержитесь от «дабы», «выя» и «давеча», если только вы не гений. Используйте прилагательные так, как будто за каждое из них вам вырывают ноготь. По какой-то причине некоторые фэнтези-романы просто усыпаны прилагательными. Будьте безжалостны.

И наконец. Да, вы пишете фэнтези, но это не снимает с вас ответственности. Это не значит,

что вам не нужны непротиворечивые персонажи, естественные диалоги, продуманный фон и стройный сюжет. К вашим услугам все краски других жанров и несколько дополнительных. Используйте их осторожно. Одного мазка хватит, чтобы изменить целый мир.

А для кого вы фэнтези?

Bookcase (W. H. Smith), 17 сентября 1991 года

От меня хотели 400–500 слов «о фэнтези». А теперь представьте, что начало текста произносится тем же тоном, каким доктор Элли Эрроуэй говорила в фильме «Контакт» с комитетом, который отказывался ее финансировать.

Кстати, так оно и есть.

Хотите фэнтези? Ну что ж. Существует биологический вид, который живет на некой планете, всего в паре миль над расплавленным камнем и в паре миль под вакуумом, который высасывает воздух из их атмосферы. Эти существа живут в короткую геологическую эпоху между ледниковыми периодами, пока гигантские астероиды временно перестали шлепаться на поверхность. Насколько существам известно, во всей вселенной нет ни одной точки, где они могли бы выжить в течение десяти секунд.

И как же они называют свой крошечный хрупкий кусочек времени и пространства? Реальной жизнью, вот как. Во вселенной, где могут взрываться целые галактики, они полагают,

что существуют штуки вроде «природной справедливости» и «судьбы». Кое-кто даже верит в демократию…

Я пишу фэнтези, но в это тяжеловато поверить даже мне.

Я? Я пишу о людях, которые населяют Плоский мир. Диск, который летит сквозь пространство на спине огромной черепахи. Читатели считают мои книги смешными — я даже письма об этом получаю, — потому что в этом странном мире люди ведут нормальную жизнь. Их волнует то же самое, что и нас. Смерть, налоги и способы не свалиться с диска. Плоский мир смешной, потому что все его обитатели верят, что их жизнь и есть настоящая (а может, так и есть. Я недавно слышал, что физики открыли всякие там дополнительные измерения, которые мы не видим, потому что они свернуты. И после этого вы не верите в гигантских черепах, несущих миры?). В Плоском мире нет волшебных мечей и сложных квестов. Там просто живут люди, похожие на нас, разве что иногда они носят странные остроконечные шляпы. Живут и пытаются понять, в чем там смысл. Прямо как мы.

Приятно создавать маленькие уютные миры, где всё расставлено по своим местам, а хорошие

побеждают. Никто не назовет Агату Кристи автором фэнтези, но посмотрите на большинство ее книг. Они рассказывают об изолированных мирках (о загородном доме, острове или поезде), где разворачивается очень аккуратный сюжет. Никаких сумасшедших с топором, никаких нераскрытых преступлений. Эркюль Пуаро всегда находит улики.

А теперь посмотрите на вестерны. Знаменитый кодекс чести Дикого Запада сводился в основном к поиску местечка, где можно выстрелить другому в спину и остаться в живых, но нам это неинтересно. Нам хочется верить в Клинта Иствуда.

Я и буду. Почти все писатели пишут фэнтези, просто некоторые признаются в этом вслух.

И все читают фэнтези. Так или иначе.

Почему Гэндальф не женился

Речь на конвенте Novacon, 1985 год

Этот текст был написан, когда я обдумывал «Творцов заклинаний» и героиню романа, девушку-волшебника. Вскоре после этого похожие идеи о женщинах вошли в моду. Я очень люблю писать о ведьмах. О Матушке Ветровоск, Нянюшке Ягг, Тиффани и прочих. Даже Петулию Хрящик писать было очень приятно.

Я хочу поговорить о магии. О том, как ее изображают в фэнтези, какой вклад литература внесла в представления о магии и — это важнее всего — как западная цивилизация в целом создала очень точный и очень подозрительный образ волшебников.

Для начала скажу, что я не верю в магию и в астрологию, потому что я телец, а тельцы не любят всякую оккультную ерунду.

Но пару лет назад я написал книгу под названием «Цвет волшебства». Там была куча шуток. Я старался сделать с классической фэнтези-вселенной то же, что «Сверкающие седла» сделали с вестернами. Плюс это был мой оммаж двадцати-

пятилетнему чтению фэнтези, которое началось в тринадцать лет. Тогда я прочитал «Властелина колец» за двадцать пять часов. Эта чертова книга как будто попала под колесо велосипеда моей жизни. Я начал читать фэнтези со скоростью, доступной только в отрочестве. Я мечтал о книгах.

Понимаете, у меня было тяжелое детство. Меня постоянно окружали товарищи по играм, а родители покупали мне игрушки и отказывались дурно со мной обращаться, поэтому мне никогда и в голову не приходило искать утешения в хорошей книге.

А Толкин всё изменил. Я просто с ума сходил по фэнтези. Комиксы, скучные скандинавские саги, еще более скучное викторианское фэнтези… пожалуй, тут я должен сделать пояснение для юных слушателей: в те дни фэнтези не продавалось в каждом игрушечном или книжном магазине. Скорее, оно походило на секс. Ты не знал, где найти по-настоящему завлекательные книги, поэтому оставалось только с надеждой пролистывать журнал «Фотограф-любитель» в поисках художественных ню.

Если я не мог достать желаемого — я имею в виду героическое фэнтези, а не секс, — я шел в детскую секцию общественной библиотеки и пы-

тался убедить книги об эльфах и драконах зайти ко мне в гости. Я даже купил и прочел разом все книги о Нарнии — ощущение было такое, как будто я объелся причастными облатками. Мне было уже всё равно.

Наконец меня поймали и держали в темной комнате, давая небольшие дозы научной фантастики, пока я не справился с дурной привычкой. Теперь я уже могу пройти мимо книги с драконом на обложке, и у меня почти не потеют ладони.

Но всё же часть моей души навсегда осталась там. Я назову это место обобщенной фэнтези-вселенной. Она существует, и вы все ее знаете. Ее создали фольклор, викторианские романтики, Уолт Дисней, Э. Р. Эддисон, Джек Вэнс, Урсула ле Гуин, Фриц Лейбер… эти писатели и еще несколько человек определили всю вселенную. Теперь, к радости писателей-паразитов вроде меня, существует ряд сюжетных элементов, которые находятся, так сказать, в общественном достоянии. Драконы, маги, далекие земли, квесты, могущественные артефакты, странные города. Примерно такие же декорации существовали бы и на нашей планете, если бы Господу хватило денег.

Чтобы подробнее познакомиться с обобщенной

фэнтези-вселенной, просто посмотрите на классическую ролевую игру «Драконы и подземелья». Это мозаика из всех историй, которые вы читали в жизни.

Разумеется, эта вселенная полна клише и штампов, просто по определению. Эльфы высокие, красивые и стреляют из лука, гномы маленькие, темноволосые и трудолюбивые. Магия работает. Есть некоторая разница между магией здесь и магией в той вселенной. Там волшебник щелкает пальцами, высекая сверкающий синий свет, потом происходит взрыв, и какой-нибудь несчастный превращается во что-нибудь жуткое.

Если вы торгуете юмором, то давно знаете, что есть два испытанных способа: перевернуть клише с ног на голову или воспринять его абсолютно буквально. Так что в продолжении «Цвета волшебства», которое отправляется в печать со скоростью литосферной плиты, вы узнаете, например, что будет, если кто-то вроде меня решит, что мегалитические сооружения — это на самом деле очень сложные компьютеры. Вы увидите друидов, которые бродят между камнями, болтают на компьютерном жаргоне и считают Стоунхендж чудом явления кремниевой глыбы.

Пока я копался в фэнтези-мире, выискивая

новое клише, чтобы выжать из читателей пару смешков, я обнаружил один штамп, который въелся так глубоко, что его уже никто не замечает. Это так меня поразило, что я решил рассмотреть его серьезно.

Женскую и мужскую магию принято разделять.

Возьмем ведьм и волшебников. Эти слова принято произносить рядом, как будто это просто разные гендерные обозначения одной и той же профессии. Но это не так. В фэнтези-мирах не бывает ведьм-мужчин. Слышу крики с места про ведьмаков, и это правда. Ладно, приму ваш аргумент для конкретных историй, но общая тенденция всё равно другая. А женщин-волшебниц точно не существует.

Заклинательница? Это просто ведьма классом повыше. Чародейка? А это ведьма с красивыми ножками. Вообще борцам за равные права давно пора заглянуть в фэнтези, потому что женская магия там считается хуже мужской. Третьесортной. Плохой. А волшебники при этом могущественны, разумны и мудры. Чтобы это заметить, в магию верить необязательно.

Волшебники вершат высокую магию, а ведьмы насылают бородавки.

Архетип волшебника — это Мерлин, советник королей, создатель Круглого стола и единственный, кто умел обращаться с электромагнитом, удерживавшим Меч в Камне. Его нельзя назвать фольклорным героем, потому что мы знаем о нем в основном из «Жизни Мерлина» Гальфрида Монмутского, написанной в двенадцатом веке. Старина Гальфрид — один из величайших авторов фэнтези в мире, наравне с Фрицем Лейбером, только без кошек.

Мерлину тоже не везло с женщинами. Его главным врагом была ведьма Моргана ле Фей, а в конце концов его одолела и заключила в хрустальном гроте (или зачарованном лесу, как вам больше нравится) его собственная ученица. Идея ясна, мальчики: вот что случается, если могущественная магия попадает в женские руки.

Постепенно Мерлина почти вытеснил с первого места Гэндальф, о чьей магии всем известно, но ее почти никто не видел. И я хотел бы упомянуть третьего чародея, о котором вы, наверное, слышали — Геда, волшебника Земноморья. Дело в том, что в книгах Урсулы ле Гуин перед нами предстает очень хорошо продуманный и типичный волшебный мир. Мне кажется, что эти книги так популярны, потому что отлично ложатся в наши

представления об устройстве магии. А еще они помогут нам найти сходство между всеми этими волшебниками.

Все они холостяки и все практикуют воздержание. В фэнтези такого рода действует соглашение, согласно которому хороший волшебник всегда держит кое-что в штанах (забавно, что для ведьм такого запрета нет, они могут шалить целыми днями, и на их магию это совсем не влияет). Волшебники обычно собираются в Ордена или еще какие иерархические структуры, а остров Рок сильно напоминает мне средневековый европейский университет или даже монастырь. Женщин в университете немного, хотя, думаю, туалеты кто-то мыть все равно должен. В Земноморье есть женщины-маги, но они либо злые, либо сильно ошибаются, либо Гед относится к ним, как акушер с Харли-стрит к деревенской повитухе.

Вы можете себе представить девушку, которая попыталась поступить в Школу острова Рок?[6] Или поставим вопрос по-другому. Представляете себе женщину-Гэндальфа?

И уж конечно, и говорить не стоит о ведьмах из сказок, злобных старых каргах. Наверное,

---

[6] Примечания: 6

Если вы читали последующие книги о Земноморье, то, конечно, можете. Но в 1985 году они еще не были написаны.

все дело в пряничных домиках. Неудивительно, что ведьмы всегда беззубые — они ведь живут в домиках, которые потянут на девяносто тысяч калорий. А если по ночам раздается какой-то шум, так это соседский ребенок грызет дверную ручку. Книга моей восьмилетней дочери о волшебниках — красивая небольшая книга с картинками, которую можно купить в любом хорошем книжном магазине, — утверждает, что «волшебники исправляют всё зло, которое натворили ведьмы». И снова то же самое: женская магия низкопробна и неприятна.

Но почему? Возможно, дело в каких-то явлениях реального мира?

Забавно, но у западной цивилизации нет заметной магической традиции. Вы напрасно будете искать настоящих волшебников — или ведьм, если уж на то пошло. Я знаю довольно много людей, которые считают себя ведьмами, язычниками или магами. Наиболее здравомыслящие из них признают, что хотя им приятно думать, будто бы их традиции известны с начала времен, на самом деле они все позаимствованы из книг. Из фэнтези. Я пришел к выводу, что фэнтези ни в чем не опирается на реальный мир. Ведьмы и волшебники черпают идеи из книг, а до того

черпали из фольклора. Литература влияет на реальность.

Волшебников в западной Европе немного, и встречаются они редко. Я насчитал около десятка, и все они по здравом размышлении кажутся мошенниками или фокусниками. Друиды почти подходят, но все наши знания о них базировались на паре строчек из Юлия Цезаря, пока несколько сотен лет назад их не изобрели заново. Все эти белые одежды, серпы и единение с природой — сплошной самообман. Но тем не менее это важно. Цезарь изобразил их жестокими жрецами культа, основанного на человеческих жертвоприношениях. Руки их были по локоть в крови. А вот пиар-служба истории сделала из них таинственных шаманов, целителей, изготовителей волшебных зелий.

Хотя считается, что с XV по XVIII век в Европе казнили за колдовство девять миллионов человек[7] — это часто упоминается в популярных книгах по оккультизму. Полагаю, это так же

[7] Примечания: 7

Миф о числе погибших во время процессов над ведьмами был во многом создан немецким ученым Г. К. Фойгтом. В 1784 году он опубликовал статью, в которой утверждал, что всего за одиннадцать столетий во всем мире казнили за колдовство 9 442 994 человека. Современная наука в основном придерживается мнения, что это число не превышает 60 000 человек (*прим. пер.*).

близко к правде, как и всё остальное, что там написано, — доказательств широкого распространения ведьмовства не существует. Я знаю людей, которые величают себя ведьмами. Да нет, они ведьмы — кто я такой, чтобы им не верить? Их религия кажется мне довольно запутанной, но доброй и уж точно безобидной. Современные ведьмы — это «Друзья Земли», которые еще и молятся. Если у этой религии есть корни, то они кроются в работах бывшего государственного служащего, натуриста Джеральда Гарднера. Но на самом деле мне кажется, что всё это ведьмовство родилось из траволечения, беспорядочного оккультизма шестидесятых и «Властелина колец».

Но я должен признать, что люди, которых называли ведьмами, существовали. В некотором смысле их создал фольклор. Я называю это феноменом летающей тарелки — если кто-то видит в небе то, что не может понять или объяснить, он немедленно вспоминает об истории встреч с летающими тарелками и решает, что ее он и видел. Очень скоро эта встреча налипает еще парой снежинок на огромный ком тарелкологии. И точно так же, если крестьянин знает, что ведьмы — это уродливые старухи, которые живут в одиночестве, он делает вывод, что местная старуха

— ведьма. Скоро все в округе твердо знают, что в соседней долине живет ведьма, к ней приходят с разными трудностями, и миф становится всё прочнее.

Волшебников вы тоже нигде не найдете. Если не считать той горстки сомнительных персонажей, упомянутых выше — да и то половину из них скорее стоит считать алхимиками или просто болтунами, — я сумел найти разве что пару мутных масонских культов вроде братства Всадников из Восточной Англии. Гэндальфу там делать нечего.

Теперь вы понимаете, в чем дело. Женщине всегда достается кусочек похуже. Всё, что делают женщины, принижается автоматически. Широко распространенная точка зрения — ну, широко распространенная среди моей жены с тех пор, как она стала ходить на тренинги по развитию самосознания, — считать, что обсуждать эту тему странно, потому что ответ очевиден. Согласно этой теории магия объявляется мужским делом, и любая попытка женщины ступить на священную землю жестоко карается. Мужчины считают женщин ниже себя, а значит, их магия тоже хуже. Там еще много о естественном страхе мужчины перед сильной женщиной. Дескать, бедные женщины

искали хоть какой-то путь к власти, а мужчины мешали им пытками, костром и насмешками.

Хорошо бы так и было. Но обобщенная вселенная фэнтези позаимствовала эту идею и пользуется ей. Мне хотелось бы предложить другую точку зрения — пусть и просто спора ради. Возможно, это всё просто метафора. Пол мага не имеет никакого значения. Классическое представление о волшебнике — это идеал, мечта о том, кем бы мы стали, обладай мы магией. А классическая ведьма, зловредная и лезущая в человеческие дела, — это то, чем мы боимся стать.

Ладно, докторскую степень мне за это всё равно не дадут. Полагаю, что в детских книжках с картинками волшебники так и будут заниматься высокой магией, а ведьмы — творить злые и гадкие дела. Пройдет немало времени, прежде чем все творцы заклинаний станут равны.

Корни фэнтези

«Корни фэнтези: мифы, фольклор и архетипы». Сборник Всемирного конвента фэнтези под ред. Шелли Даттон Берри, 1989 год

Я немного поправил и дополнил текст. Пассаж о ядерных пикси по-прежнему верен.

Есть еще одна история об атомной электростанции, которая всё еще не произошла.

Электростанции строятся долго. Огромные машины проводят всю жизнь на стройплощадке, пока не ломаются без надежды на починку. Что можно сделать с потрепанным бульдозером? Ну, поскольку у вас всё равно очень много мусора и вам придется его убирать, вы похороните его в огромном кургане. А заодно парочку экскаваторов, чтобы они послужили ему на том свете.

Туристы, которые здесь бывают, считают, что это Курган пикси. Нет. Курган пикси стоит на другой стороне дороги и выглядит совсем не так впечатляюще.

Мне нравится думать, что однажды темной грозовой ночью молния одновременно ударит в оба кургана. Разумеется, это будет та мед-

ленная, голубая, разветвленная молния, какие встречаются только в кино.

На мгновение настанет гробовая тишина, а потом послышится приглушенный, но ясно различимый треск и кашель огромного, постепенно оживающего дизельного двигателя.

Ну, как аннотация?

В прошлом году один американский писатель написал мне: «Боюсь, здесь ваши книги продаваться не будут. В них не слышно эльфийского пения».

Время показало, что он был неправ, но отсутствие эльфийского пения меня вполне устраивает. Мне кажется, эльфы должны заниматься более интересными вещами. К тому же, если пение — основное занятие эльфов, то меня будет интересовать эльф, напрочь лишенный музыкального слуха. Половина удовольствия от написания смешного фэнтези — поиск клише, которые можно было бы обыграть. Ладно, хватит об этом…

Корни фэнтези уходят куда глубже эльфов и драконов. Очень жаль, что писатели тратят столько времени на обобщенную вселенную высокого фэнтези… вы все ее знаете.

Где-то глубоко под землей кроется желание создавать миры, одновременно сложные, стран-

ные и опасные, но при этом существующие по правилам и руководствующиеся моральными нормами. Мы знаем, что третий брат, который накормил бедную старушку, обязательно победит, что один шанс из миллиона сработает, что любая вещь, подаренная главному герою при таинственных обстоятельствах, сыграет важную роль в сюжете. Нам известно, что скромный свинопас — на самом деле королевский наследник, ведь в глубине души и мы себя таковыми чувствуем. Но в его маленьком вторичном мире существуют понятные правила и запреты, которыми он, в отличие от нас, может руководствоваться, чтобы достичь… конца книги, скорее всего.

Есть и обратная сторона. Возьмем «Властелина колец», который для многих представителей моего поколения был первым прочитанным фэнтези. Взрослому мне кажется, что самое интересное должно было случиться уже потом. Проблемы истерзанного войной континента, план Маршалла для Мордора, новая расстановка политических сил, демократизация Минас Тирита. Вышло бы юмористическое фэнтези. Или сатира. Но никак не настоящее фэнтези, слишком уж всё было бы похоже на нашу реальность. Мы же хотим героев, разгадок, ну и поющих эльфов.

И так было всегда. С того дня, когда при свете первого крошечного костра шаман рассказал нам о Зоге, убийце мамонтов. Мир не таков, но он должен таким быть. И если мы будем в это верить, то, может быть, переживем еще одну ночь.

Фэнтези упорядочивает вселенную. Или хотя бы предполагает, что в ней есть порядок. Человеческий порядок. Реальность утверждает, что вся наша жизнь — крошечное одинокое мгновение в холодной пустоте, фэнтези говорит, что нет ничего важнее фигур на переднем плане. Фэнтези населяет страшную пустоту, и не так важно, хорошими или плохими людьми. Поместить на карту остров Бразил — шаг в правильном направлении. Но если вы с этим не справляетесь, знак «Здесь водятся драконы» лучше, чем ничего. Драконы лучше пустоты.

В самом низу, у самых кончиков корней таится страх темноты и холода. Дав тьме имя, вы сможете ее контролировать в каком-то смысле. Или хотя бы думать, что можете ее контролировать, а это тоже очень важно.

Желание всё упорядочивать очень сильно даже сейчас, хотя мы умны, образованны и знаем о тефлоне и центральном отоплении. Например, реальность утверждает, что если мне становится

скучно в долгой дороге, я заезжаю на заправку и покупаю кассету. Поскольку музыку для таких мест обычно подбирают люди, обладающие музыкальным вкусом и информированностью утиного яйца, я не лезу на рожон и покупаю какой-нибудь сборник легкой музыки, от которой меня не должно стошнить. Так что по всем углам машины валяются дешевые сборники. Так считает реальность. Но лично я сильно подозреваю, что любая кассета, пролежавшая в машине две недели, превращается в «Лучшие песни» Queen. Друзья надо мной смеются. Они говорят, что кассеты превращаются в сборники Брюса Спригстина.

Ладно, это шутка. На самом деле я в это не верю. У меня есть рациональное объяснение. Как, например, с шепотками в старом доме. Оказалось, что под карнизом живут скворцы. По ночам они шелестят и шуршат. А та огромная тварь, которая однажды подкралась ко мне и встала за спиной, тяжело дыша, пока читал, оказалась старомодной газонокосилкой. Кто-то из соседей стриг лужайку, и дребезжание цепи и стук ножей отразились от стены в моей комнате и стали похожи на… на дыхание жуткой твари. Двадцать секунд, которые понадобились мне, чтобы про-

анализировать этот звук, не поворачивая головы, тянулись очень долго.

Давайте я расскажу вам об атомной электростанции, построенной на кургане железного века — точнее, совсем рядом. Местные звали его Курганом пикси. Во время строительства рабочие привыкли винить во всем — от потери молотка до срыва сроков — зловредного пикси (вероятно, кто-то случайно проехал на грузовике по его могиле, а всем известно, что пикси такого терпеть не могут). Конечно, они в это не верили. И в качестве шутки, закончив стройку, рабочие подарили директору станции фигурку садового гнома. Пикси. Она стояла в витрине, и поговаривали, что если ее оттуда убрать, случится что-то ужасное. И вот однажды ее убрали в шкаф, а через три недели ужасный шторм привел к подъему воды и затопил насосную станцию на шесть футов, вырубив четыре реактора и выведя из строя сотни мегаватт генерирующей мощности.

На следующий день с телевидения приехали снимать ремонт, и кто-то из рабочих упомянул пикси, которого немедленно извлекли из шкафа. Хо-хо-хо, проклятье пикси чуть не уничтожило станцию. Хо-хо-хо.

В те дни про атомную энергию еще можно было

шутить. Получились неплохой сюжет в новостях и хороший заголовок для статьи о том, как быстро станцию вернули в строй.

История облетела мир. Где-то в самом начале ее путешествия важнейший элемент «хо-хо-хо» куда-то пропал. Мы стали получать письма. Особенно отличилась Западная Германия, если мне не изменяет память. «Пожалуйста, расскажите нам о существе, которое уничтожило электростанцию», — писали они.

Мне велели придумать стандартный ответ. Должен сказать, что ответ вышел очень хороший.

Там говорилось о гремлинах и о том, что во многих профессиях возникают свои маленькие суеверия и мифы. Но будучи пиарщиком этого заведения, я обнаружил, что далеко не все разделяют мои бодрые заверения о том, что мы ни во что такое не верим. Они были инженерами. Знали о Мерфи. И вовсе не хотели злить пикси.

С одним старшим инженером у меня состоялся такой разговор. Состоялся на новенькой, сверкающей современной электростанции.

— Почему вы говорите, что никто здесь в это не верит?

— А вы хотите сказать, что кто-то верит?

— Нет. Скажите, что это просто… анекдот.

Потом кто-то еще сказал: «Интересно, а какие легенды сложатся об этом месте за тысячу лет, когда здесь опять останется только куча земли? Деревенские жители будут рассказывать, что в полночь здесь можно увидеть физиков?» Мы все согласились с этим. Если не принимать всерьез предупреждения, место захоронения списанного ядерного реактора станет типичной проклятой гробницей. Любой, кто проникнет в нее, скоро умрет таинственной смертью.

Это меня шокировало. Я не знал, что инженеры умеют так думать. Так или иначе, острые грани технологии уже густо смазаны солидолом фэнтези. Или выдумок, а это тоже фэнтези, только без рубашки. Если мы когда-нибудь построим базу на Луне или на Марсе или колонию L5, наш разум немедленно декорирует новый пейзаж всё теми же фантазиями. Например, придумает таинственных существ, которые живут в стенах станции и крадут электричество. Или домовых, которые выползают из компьютеров по ночам и чистят шлемы, если оставить им миску питательной субстанции.

Мы помечаем мир своими фантазиями, как собаки, которые задирают ногу на каждом углу. Таким образом мир становится нашим. Изобретя

богов и демонов, мы можем ублажать их или изгонять.

Поселив фейри в одиноком мрачном кусте терновника, мы сами решаем, как к нему относиться. Мы можем повязывать на него ленточки и видеть под ним вещие сны — или выкорчевать его и заявить, что мы не верим в приметы.

Ну и ублюдки эти эльфы

Программа конвента Hillcon, 1992 год

Я перечитал этот текст двенадцать лет спустя и подумал: «Вау, ну и хреновый денек у меня тогда выдался. Интересно, а я до сих пор так думаю?»

И понял, что да.

В 1992 году фэнтези-бум, который начался в середине восьмидесятых, достиг вершины. От книг, местных и переводных, было не продохнуть. Много было хороших, но плохих гораздо больше — не обязательно плохо написанных. Просто они ничего в себе не несли. Помню выпуск журнала «Локус», в котором рецензировались или рекламировались три книги, в каждой из которых был Темный властелин (ни одна из этих книг не была «Властелином колец»). Господи, давайте выдавать Темных властелинов по карточкам.

Прилавки на конвентах были завалены этими книгами с неуловимо похожими обложками. Хорошие книги там тоже встречались, но как их можно было узнать? Кучи единорогов, драконов, эльфов, артефактов… героическое фэнтези по-

жирало само себя.

Для фэнтези это было плохо, а для меня хорошо. Эта среда была насыщена мишенями.

Но это было тогда. С тех пор я стал намного спокойнее. Возможно, мне лучше какое-то время держаться подальше от этого Диснейленда.

Меня называют писателем фэнтези, и я скоро возненавижу этот термин. Почему? Потому что то, что могло бы быть хорошим, слишком часто становится плохим. Вокруг слишком много мусора, восторженного поклонения скучным мифам, бездумной переработки древних идей и бессмысленного эскапизма.

Я не против повторения старого. Посмотрите хотя бы на смену времен года. Или на пантомимы, или на сказки. Пересказ старых историй — очень достойное занятие, только для него нужно чутье. «Звездные войны» — самое что ни на есть героическое фэнтези, переработанное как раз так, чтобы заиграть новыми красками. «Робокоп» — древняя сказка, рассказанная новым голосом. Он чудесен. «Робокоп 2» — очень дорогой мусор, потому что люди сами не поняли, за что взялись.

К сожалению, мусор всё еще продается. На прошлой неделе я взял свежий фэнтези-роман, так там один из героев сказал другому: «Да возгнева-

ется он». Господи. И эта фраза торчала посреди целой страницы такого же скучнейшего псевдоархаичного текста. Ужель, ручательство… с помощью этих слов высокое фэнтези превращается в третьесортные романтические книжечки. «Юноши зело храбрые вяще взошли на оную гору». Это не фэнтези. Это из Толкина выпарили всё волшебство на медленном огне.

Меня бесят эти милые драконы и благородные эльфы. Эльфы не благородные. Они жестокие ублюдки. И герои мне не нравятся. Засранцам доверять нельзя, они всегда предадут. И во врожденное благородство королей я не верю, потому что почти все короли в нашей собственной истории сходили с ума от власти. И уж точно я не верю в мудрых волшебников. Я работал с их современными аналогами, я точно знаю, о чем говорю.

Задача фэнтези — показывать известное в новом свете. Сейчас я занимаюсь этим в Плоском мире. Я хочу писать о *здесь и сейчас*, а не о *там и тогда*. Фэнтези — это «ур-литература», из которой выросло всё остальное. И поэтому я до боли сжимаю кулаки, когда туповатые критики клеймят его «жанром» и «трэшем». Лучшие из этих книг отлично помогают сбежать от реальности.

Вот только сбегать нужно не только откуда-то,

но и куда-то. Найти достойное место и вернуться, обогатившись новым опытом. Слишком часто фэнтези называют пустыми калориями. Жизнью с обрезанными корочками.

Я пишу эти строчки во Флориде, родине фэнтези и того, что вы смотрите, и того, что пихаете в нос. Тут много странного. Например, студии Disney/MGM и Universal.

Странно то, что это на самом деле не киностудии. Ну, фильмы-то они снимают, но это не основное их занятие. Они и построены не как студии, а как… как парки аттракционов. Фальшивые фасады, хитроумные съемочные площадки, улицы с ложной перспективой. Они построены для того, чтобы выглядеть чем-то, выстроенным, чтобы выглядеть чем-то еще. Они должны казаться ненастоящими.

Кто бы мог такое подумать?

Тут, в Америке — в Англии тоже, но в меньшей степени — в газетах и книгах пишут о телегероях как о живых людях. Мир сходит с ума. Реальность больше не отличить от фэнтези. Думаете, я шучу? В супермаркетах продают газеты вроде «Сан», «Миднайт стар» и «Уикли уорлд ньюс». Типичная статья на первой странице: Элвиса нашли живым в НЛО, выловленном в Бермудском треугольнике.

И люди это читают. Это ведь даже не научная фантастика. И этим людям разрешают голосовать.

Это всё придумано, чтобы сбежать отсюда — Диснейленд, эльфы, тупые сплетни. Они никуда не ведут. А хорошие вещи уводят вас куда-то. Оттуда вы сможете взглянуть на мир по-новому. Детский интерес к фэнтези заставил меня полюбить книги вообще. И в книгах по астрономии и палеонтологии я нашел такие чудеса, на которые не способно даже Средиземье.

Давайте не просто уходить отсюда. Давайте идти куда-то еще. И если по дороге у нас получится пнуть эльфа, тем лучше.

Пусть будут драконы

Журнал The Bookseller, 11 июня 1993 года

Речь в защиту фэнтези, произнесенная почетным гостем ежегодного обеда Ассоциации книготорговцев в Торки в 1993 году

У меня до сих пор сохранилась первая книга, которую я прочитал. «Ветер в ивах». Ну, наверное, не первая — та, скорее всего, называлась «Сказки-малышки» или «Дженет и Джон, книга первая».

Но это была первая книга, которую я открыл, не пожевав предварительно обложку и не мечтая оказаться в другом месте. Это была первая книга, которую я прочел, потому что мне стало интересно. Было мне тогда десять лет.

Теперь я, разумеется, понимаю, что эта книга совсем не годится для детей. В ней всего один женский персонаж, и тот прачка. В ней никто не пытается объяснить, что это социальные предпосылки и отсутствие нормального жилья толкнули хорьков и горностаев на неблаговидный поступок. Дом Барсука — сущее оскорбление для всех детей, которым не посчастливилось жить в Дремучем лесу. Жилищные условия Крота

и Крыса более-менее приемлемы, но только если они сами об этом расскажут.

Но эта книга попала мне в руки. Поскольку ее рекомендовали не учителя и не родители, я прочитал ее в один заход от корки до корки. А потом начал сначала, потому что вообще не представлял, что бывают такие истории.

Есть чувство, знакомое только детям, открывающим для себя книги. Своеобразная лихорадка. Желание немедленно прочитать всё на свете, пока оно не исчезло у тебя на глазах. Мне пришлось самому чертить карту этих неисследованных земель. Да, начальство утверждало, что книги — отличная штука, но мне никто не давал советов. Я был предоставлен сам себе.

Сейчас меня считают автором для подростков. Учителя и библиотекари говорят: «Ваши книги очень любят дети, которые вообще не читают». Видимо, это комплимент, но лучше бы его формулировали как-то по-другому. Жанровые авторы должны очень хорошо представлять себе своего читателя. Я знаю, что многие мои читатели уже могут водить машину или даже претендовать на пенсию. Но все вокруг считают, что этим читателям по четырнадцать лет, и зовут их всех Кевинами, так что я решил заглянуть в мрачную

бездну, именуемую детской литературой.

Насколько я понимаю, так поступают немногие, разве что те храбрецы, которые работают с детьми и интересуются, что читают их подопечные. Они — невоспетые герои Сопротивления в войне, которую выигрывают ежи Соники и бионические жестянки. У них мало союзников, даже там, где их можно было бы ожидать. Несмотря на огромное количество наименований, которые выбрасывают на рынок, чтобы успокоить родителей, в воскресной газете рецензии на детские книги публикуют очень редко и еще печатают рядом с ними плюшевого медвежонка. Наверное, чтобы читатели поняли, что это аналог литературной детской площадки.

Возможно, издатели правы. Насколько мне известно, дети не читают рецензий. Они живут совсем в другом мире.

Вышеупомянутые школьные библиотекари рассказывают, что́ на самом деле читают дети и на что они готовы тратить карманные деньги. Это фэнтези, научная фантастика и хоррор. Библиотекари благодарят бога за то, что в наш электронный век дети хоть что-то читают, но одновременно это их тревожит. А не должно.

Сейчас мне кажется, что любая литература — в

каком-то роде фэнтези. Агата Кристи писала фэнтези. Том Клэнси пишет фэнтези. Джилли Купер пишет фэнтези — во всяком случае, я очень на это надеюсь, ради ее же блага. Но при слове «фэнтези» принято представлять себе мечи, говорящих животных, вампиров, космические корабли (научная фантастика — это такое фэнтези с заклепками), и это действительно довольно глупо. Но при этом фэнтези размышляет о будущем, переписывает прошлое и осмысляет настоящее. Это игра в шахматы со вселенной.

Из-за фэнтези многие взрослые чувствуют себя неловко. Читающие дети называют книги «офигенными» и «клевыми». Это раздражает многих (так сильно раздражает, что когда кто-нибудь вроде Ф. Д. Джеймс использует приемы научной фантастики, услужливые люди тут же сдвигают границы жанров, лишь бы не ставить на писательницу каинову печать. Это не фантастика, «потому что в ней нет роботов и других планет». Филлис Дороти Джеймс пишет фантастику? Что вы. Но «Дитя человеческое» — фантастика, и «Стрела времени» — фантастика, и «Фатерланд», и «Дети Мафусаила» Брайана Олдисса[8], и «Бой-

[8] Примечания: 8

Вероятно, имеется в виду одноименный роман Роберта Хайнлайна (*прим. пер.*).

ня номер пять» Курта Воннегута, и «Человек в высоком замке» Филиппа Дика. Фантастика, на которую редко пишут рецензии, часто бывает хорошей. Она прекрасно обходится без роботов и не выходит за пределы Земли).

Конечно, бывают плохо написанные фэнтези и фантастика. Плохо написанных книг вообще много. Но «литературная ценность» — искусственный критерий, который существует только в глазах смотрящего. В мире, где «Империя солнца» Балларда может получить «Букера», я не сильно полагаюсь на оценку литературных достоинств.

Недавно я разговаривал с учительницей, которая пригласила меня пообщаться с учениками. Из-за этого у нее возникли неприятности с директором, который счел, что фэнтези морально неоднозначно и никому не нужно в девяностые годы.

Морально неоднозначно? Да если убрать кое-какие украшения, бóльшую часть фэнтези одобрили бы в приличных викторианских домах. Мораль фэнтези и хоррора — это, по большей части, однозначная мораль сказки. Вампира убьют, чужого выкинут из шлюза, Темного властелина уничтожат, и добро восторжествует — возможно,

понеся некоторые потери. И не потому, что оно лучше вооружено, а потому, что Провидение на его стороне.

Почему младший из трех братьев, который поделился едой со старушкой в лесу, становится королем? Почему Джеймс Бонд обезвреживает атомную бомбу за несколько секунд до взрыва, а не, так сказать, через несколько секунд после? Потому что вселенная, где этого бы ни случилось, была бы мрачным и негостеприимным местом. Пусть в ней будут орды гоблинов, ужасная экологическая ситуация, даже гигантские слизняки-мутанты, если уж вам так хочется, но там должна быть надежда. Крошечная, слабенькая надежда, отблеск меча Артура в закатных лучах. Покажите нам, что мы живем не напрасно.

Чтобы не сойти с ума — если мне будет позволено слегка перефразировать недавние слова Эдварда Пирса, напечатанные в «Гардиан», — многим необходимы короткие передышки, комфортное убежище, кусочек мира, где всё ведет себя, как полагается. Хотя бы до конца спектакля или книги. И это довольно безобидно. Классическое фэнтези, может быть, и знакомит детей с потусторонним, но этот способ куда здоровее других, которые предлагает нам наше странное

общество. Если вы читаете о вампирах, неплохо бы тут же прочитать и о кольях.

Читатели фэнтези могут заодно узнать, что, выражаясь словами Стивена Сондхайма, великаны бывают добрыми, а ведьмы говорят правильные вещи. Что порой неважно, какое место человек занимает — важно, куда он смотрит. Это часть опасного процесса взросления.

Что до эскапизма — меня вполне устраивает это слово. В эскапизме нет ничего плохого. Вот только надо понять, откуда вы бежите и куда.

Начав запоем читать книги, я поначалу сбегал во «Внешний космос», как это тогда называли. Я читал много научной фантастики, но ведь это всего лишь поджанр фэнтези, родившийся в двадцатом веке. Большая часть этой фантастики была в литературном смысле редкостной дрянью. Но полезной дрянью. Как велотренажер для ума — на нем никуда не уедешь, но мышцы он держит в тонусе.

Никому не нужно? На первое в своей жизни упоминание древнегреческой цивилизации я наткнулся в фэнтези-книге, написанной Мэри Рено. В пятидесятые годы историю в большинстве школ преподавали так: жили-были римляне, у которых была куча бань. Они построили несколь-

ко дорог и пропали. Потом тут много дрались и пихались, пока не появились норманны и история не началась официально.

Примерно так же дело обстояло и с естественными науками. Юрий Гагарин летел над нашими головами, но я не припомню, чтобы в школе хотя бы раз упомянули об этом. Никто не говорил нам, что физика и химия — это не возня с реактивами и магнитами, а способ познания вселенной.

Научная фантастика всё время познавала вселенную. Мне не стыдно за то, что я ее любил. Мы живем в мире научной фантастики. Две мили вниз — и ты поджаришься, две мили вверх — задохнешься. И еще существует небольшой, но значительный шанс, что в следующую тысячу лет в планету врежется огромная комета или астероид. Когда тебе тринадцать лет, это знание немного меняет взгляд на мир. По крайней мере, про прыщи после этого думаешь меньше.

Другие миры заставили меня заинтересоваться и нашим. От путешествий во времени до палеонтологии — один крошечный шаг, как и от мечей с магией — к мифологии и древней истории. Правда куда необычнее вымысла. Ни один фэнтези-роман не захватил меня так, как история об эволюции человека от протомолекулы

до тритона, тупайи, выпускника гуманитарного факультета Оксбриджа и, наконец, до млекопитающего, способного пользоваться орудиями труда.

Слова «эколог» и «перенаселение» я впервые встретил в научной фантастике в конце пятидесятых или начале шестидесятых, задолго до того, как они вошли в моду. Вероятно, Мальтус писал о них и раньше, но в одиннадцать лет не читают Мальтуса. Зато читают Джона Браннера и Гарри Гаррисона, потому что на обложках нарисованы восхитительные космические корабли.

Еще я прочитал слово «неотения», то есть «способность оставаться юным». Это наш, человеческий, способ выживания. Другие животные интересуются миром, живо реагируют на него и умеют играть в детстве, а с возрастом теряют эту способность. А мы как вид ее сохранили. Человечество постоянно сует пальцы в розетку вселенной, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Это нас либо спасет, либо убьет, но именно это и делает нас людьми. И мне больше нравятся люди, заглядывающиеся на Марс, чем те, которые созерцают пупок человечества. Другие миры лучше грязных катышков.

Да, я часто натыкаюсь на мусор. Но у чело-

веческого мозга есть здоровая естественная способность отделять хорошее от плохого. Как при добыче золота: чтобы достать самородок, надо перелопатить тонну грязи. А тот, кто не хочет лезть в грязь, ничего и не найдет. Насколько я понимаю, эскапистская литература помогла мне сбежать в реальный мир.

Давайте не бояться того, что дети читают фэнтези. Это компост для здорового ума. Эти книги развивают любознательность. Возможно, они не так «важны», как другие книги, которые считаются детскими (в основном писателями), но существуют некоторые доказательства того, что богатая и разнообразная внутренняя фантастическая жизнь идет ребенку на пользу, прямо как здоровая почва растению. Примерно по тем же причинам.

Конечно, бывают люди, которые не читают больше ничего другого (хотя в моем опыте фанаты научной фантастики читают очень много разнообразной литературы). Взрослые фанаты могут напугать продавца в книжном магазине — особенно те, кто носит заостренные пластиковые уши. Но такие люди составляют незначительное меньшинство, и они ничуть не более странны, чем, скажем, игроки в гольф. По крайней мере,

они поддерживают индустрию на плаву и создают один из лучших на свете путей к чтению.

Фэнтези — отличная диета для растущих душ. В этих книгах есть всё то же самое, что и в жизни. Моральный кодекс, стремление к порядку, а порой и огромные зубастые зеленые твари. Существуют и другие книги, и я надеюсь, что дети, начавшие с фэнтези, доберутся и до них. Так случилось и со мной. Всем нужно с чего-то начинать.

И, кстати, говорите «фэнтези». Не «магический реализм» — это всего лишь фэнтези в костюме и при галстуке, способ сказать «фэнтези, написанное человеком, который учился со мной в университете».

Фэнтези не нуждается в оправданиях, как и его предшественник, волшебная сказка.

Одним из величайших романистов начала века был Г. К. Честертон. Он писал в те времена, когда на сказки нападали со всех сторон — примерно по той же причине, по какой сейчас в некоторых школах трусливо запрещают книги, в названии которых есть слово «колдовство». Так вот он сказал: «Сказки не говорят детям о том, что есть драконы — дети сами об этом знают. Сказки гово-

рят, что драконов можно убить»[9].

[9] Примечания: 9

Несмотря на огромную популярность этой фразы на английском и русском языках, она принадлежит не Честертону — а, по-видимому, самому Пратчетту. Нил Гейман использовал ее в качестве эпиграфа к «Коралине» в 2002 году — вероятно, после этого она и разошлась по всему миру.

Первоисточником же служит абзац из «Радостного ангела» Г. К. Честертона — в переводе Н. Л. Трауберг он звучит так: «Сказки не повинны в детских страхах; не они внушили ребенку мысль о зле или уродстве — эта мысль живет в нем, ибо зло и уродство есть на свете. Сказка учит ребенка лишь тому, что чудище можно победить. Дракона мы знаем с рождения. Сказка дает нам святого Георгия» (*прим. пер.*).

Волшебные королевства

«Сандей таймс», 4 июля 1999 год

Когда вышла третья книга о Гарри Поттере, «Сандей таймс» попросила меня высказаться на тему, почему британцы так любят писать фэнтези. Задание звучало так: «Текст нужен к четвергу». Когда он был напечатан под названием «Королевство фэнтези», оказалось, что редактор принял слово «нуменозный» за написанное с ошибкой «нумизматический» и переправил. Эх…

Помню один садик, который часто видел из окна поезда. Садик был крошечный, прилегал к крошечному дому и был зажат между грохочущей железной дорогой, билбордом и почти заброшенной фабрикой. Не знаю, что бы сделал в таких условиях француз или итальянец. Возможно, террасу с несколькими кустами в горшках и перголой, которая скрывала бы от глаз постиндустриальное запустение. Но это был английский садик, и его хозяин твердо вознамерился если не устроить там землю обетованную, то хотя бы развести земляные груши. Там был сад камней, состоявший из аккуратно расставленных бетонных

блоков (бетонные сады камней — величайший вклад британцев в садоводство. Сейчас, надеюсь, эти сады сохранились только в некоторых музеях). Был пруд: если рыба хотела развернуться, ей, вероятно, приходилось вылезать на поверхность. Были розы. Была крошечная оранжерея из старых оконных рам, сколоченных вместе (еще одно великое британское изобретение). Вообще я никогда не видел участка, ухоженного так же тщательно, как этот удобренный кошками клочок земли.

Никто не предпринимал никаких усилий, чтобы скрыть мрачные сатанинские мельницы (если не считать турецких бобов). Для садовника они не существовали. Они находились в другом мире.

У британцев есть талант к созданию воображаемых миров. Мы — главные поставщики этого товара. Сейчас лидирует Джоан Роулинг. Вряд ли бы она продавала больше книг, даже если бы ее юный волшебник Гарри Поттер был крестником Ганнибала Лектера. Но почему у нас всё так хорошо с фэнтези?

Это просто носится в воздухе. Буквально. Христианская церковь в первые годы своего существования специально старалась не клеймить язычество. Она просто покрыла некоторые празд-

ники и традиции тонким слоем христианского лоска. Безусловно, в те времена это сберегло ее от множества проблем. А еще сохранило язычество, чего никто делать не собирался. С тех пор мы присвоили себе богов всех завоевателей и создали сорочью мифологию, в которую тащили всё подряд, лишь бы блестело. Кое-что из этого сложилось в британский легендариум, цикл о короле Артуре, который родился из множества мифов и стал британской историей. Он встроен в пейзаж во всех концах страны. Любой холм — это Трон Артура, любая дыра в земле — Пещера Мерлина.

Легенды порождают новые легенды. Я всегда подозревал, что Робин Гуд — просто обычный разбойник, но у него было очень мощное оружие. Нет, я не про тисовый лук. Я про голос Аллена из Лощины, менестреля. Оружие может разве что сохранить тебе жизнь. Хорошая баллада сделает тебя бессмертным.

Кроме того, существует обширная деревенская традиция, перемолотая мельницами Промышленной революции и долго томившаяся на ее огне.

Разумеется, фэнтези существовало всегда. Это протолитература, из которой родилось всё

остальное. Оно появилось в пещерах одновременно с религией. Они выросли из одного корня: если нарисовать правильные картинки и найти правильные слова, то можно управлять миром, обеспечить успешную охоту, спастись от грозы и договориться со Смертью. Иногда фэнтези описывают как «истории о богах и героях», и эти два понятия идут рука об руку. Первыми героями стали те, кто бросил богам вызов, обманул их или ограбил ради блага всего племени, а потом вернулся и рассказал об этом.

Но в прошлом веке у фэнтези появилась еще одна роль. Теперь это был способ сбежать от мрачного реального мира, который захватывала промышленность. Мне всегда казалось, что из этого же котла вылезла английская одержимость садами. Созданием маленьких частных уголков, которые на час-другой могли стать целым миром.

Несколько лет назад, когда посетители книжных магазинов «Уотерстоунз» выбрали лучшей книгой столетия «Властелина колец», появился ряд очень едких статей. Некоторые критики чувствовали, что читатели проявили черную неблагодарность и не оценили их усилия. Но это уже не имело значения. Книга вышла из-под их

контроля. С тем же успехом они могли бросать кирпичи в гору: это не причинило бы ей никакого вреда, но, возможно, сделало бы ее чуть выше. Роман стал классикой, а настоящая классика не создается по указке.

Дж. Р. Р. Толкин стал своеобразной горой, которая появляется по всей последующей фэнтези, примерно как гора Фудзи торчит на многих японских гравюрах. Иногда она большая и изображена на переднем плане. Иногда смутно виднеется на горизонте. Иногда ее вообще нет. Это значит, что художник либо принял сознательное решение не изображать гору, что само по себе интересно, либо просто стоит на вершине горы.

Фэнтези-миры очень привлекательны. В них есть правила. Цель проста и понятна по сравнению со всеми сложностями двадцатого века. Зло локализовано на карте, и против него есть средство — находка меча, возвращение Грааля, уничтожение кольца. Путь будет труден, но на нем хотя бы стоят указатели. Если Добро продемонстрирует достаточно храбрости, добродетели и моральных устоев, оно победит, пусть и заплатит за это свою цену. А потом они будут какое-то время жить долго и счастливо, пока им не придется повторить всё сначала.

И всё же «Властелин колец», пусть и английский до мозга костей, не был типичной британской фэнтези-книгой. Он находился вне основного течения, хотя теперь стал отдельным руслом, породил множество притоков и для многих людей сделался эталоном фэнтези. Это необычный роман, потому что он начинается и заканчивается в мире, похожем на наш, но не нашем, мире с другими правилами, созданном с невероятным вниманием к деталям. И к тому же в мире, куда нельзя попасть отсюда. Не существует магической двери в Средиземье, если не считать книжной обложки. Туда нельзя попасть на ковре-самолете, пройти через шкаф, просочиться во сне или вплыть на колеснице, запряженной лебедями. Это иное пространство.

После Толкина и из-за Толкина появилось множество фэнтези-вселенных, которым можно погрозить затейливо украшенным мечом, но британцы традиционно предпочитали волшебные миры, больше похожие на родной дом. Нам нравится, чтобы нас от них отделяла разве что закрытая дверь, или поверхность зеркала, или даже чтобы они находились прямо здесь, нуминозные миры, невидимые, пока ты не обретешь особый дар. И это сочетается со стремлением к домаш-

нему, к попыткам разбивать сады в населенных гоблинами пустошах, заставлять фэнтези… ну, спуститься на землю.

Аристотель в своей «Поэтике» говорил, что поэтический язык требует, говоря об обыденном, соединить с ним невозможное. Г. К. Честертон сказал, что повседневное и незаметное, повернутое неожиданной стороной, куда чудеснее и страннее любой выдумки. Такова наша традиция, и те, кто пишет для детей, сохраняет ее.

Величайшее достижение Толкина состоит в том, что фэнтези как жанр теперь могут читать взрослые. Обычно мы оставляли такое путешествие детям, которым оно нравилось и казалось легким. Взрослые в этом почти не участвовали, разве что некоторые учителя осторожно выбирали «эскапистскую дрянь», которую читали дети, и выкидывали ее. Такие люди остались и сейчас — я верю, что для них в аду предназначен отдельный круг. Разумеется, фэнтези для эскапистов. Как и другие книги. И что? Учителя — не тюремщики.

Эскапизм сам по себе не хорош и не плох. Важно, откуда вы бежите и куда. Я пишу по собственному опыту. Лично я сбежал к идее, что книги бывают интересными — это тот аспект чтения, который учителям всё еще неизвестен.

Фэнтези привело меня к мифологии, мифология безболезненно перешла в древнюю историю… в общем, я спокойненько получил образование силами общественной библиотеки.

Юные герои Эдит Несбит летали на ковре-самолете, путешествовали во времени и говорили с магическими существами, но оставались при этом детьми эдвардианской эпохи. Дети К. С. Льюиса жили, безусловно, Здесь, но проходили в волшебную дверь и оказывались Там. Волшебные двери — важный элемент традиции. Устойчивый образ, который для настоящего фэнтези намного важнее, чем целая толпа ведьм и драконов, использован в начале «Бандитов времени» Терри Гиллиама, где рыцарь в полном доспехе галопом выезжает из гардероба в обычной комнате обычного мальчика. Кей Харкер Джона Мейсфилда, герой романов «Люди полуночи» и «Ящик наслаждений», вообще не нуждался в двери. Он просто видел магический мир, переплетающийся с нашим, и существ, которые жили между двумя мирами. Писатели вроде Дианы Уинн Джонс и Алана Гарнера позволяют своим героям путешествовать в волшебный мир и из него. В наш мир, увиденный с точки зрения Честертона.

Лучшие писатели не пишут миленькое фэнтези

с фокусами. Они меняют правила, на которых стоит мир, и пишут очень осторожно, не нарушая новой логики. Гоблинов, волшебников и магии уже недостаточно. Мы про них всё знаем. Теперь нам интересно, как волшебники справятся с генетически модифицированными драконами и что гномы будут делать с расовой дискриминацией эльфов. Мы снова возвращаемся к Честертону. Возможно, чтобы понять этот мир, надо взглянуть на него из другого.

«Гарри Поттер» лежит в русле этой традиции. Строго говоря, в этих книгах не так много новых элементов — для тех, кто знаком с детским фэнтези. Юные колдуны и ведьмы и раньше ходили в школу. Но это не имеет значения. Так работает жанр. Если бы он работал по-другому, в мире была бы только одна книга про машину времени. В большинстве детективов есть сыщик, преступление и преступник, а большинство тортов печется примерно из одних и тех же ингредиентов. Важен повар. Приготовь всё правильно, добавь воображение, чутье и большую ложку удачи, и получится редкая и ценная вещь. Жанровая книга, вышедшая за пределы жанра. «Гарри Поттер» приготовлен прекрасно.

Культовая классика

Из «Размышлений о Средиземье» под ред. Карен Хабер, ноябрь 2001 года

Гм. Когда этот текст впервые был опубликован, американские критики заявили, что в моих жалобах на отношение критиков (других критиков, разумеется) к «Властелину колец» слишком много популизма.

Они неправы. Да, у Толкина много поклонников в академической среде, но в Великобритании вплоть до недавнего времени у лондонских медиакратов считалось нормальным принижать Толкина и «дураков», которые его читают. Потом появились фильмы, которые стали очень популярны, и брюзжание попритихло.

Этот текст был написан до выхода фильмов.

«Властелин колец» — культовая классика. Я это точно знаю, потому что читал об этом в газетах, видел по телевизору и слышал по радио.

Всем известно значение слова «культовый». Это оскорбительное слово. Оно означает «необъяснимо популярный, но не достойный этого». Его употребляют стражи единственного истинного

пламени по отношению к тому, что нравится неправильным людям. Второе значение этого слова — «маленький, замкнутый, недоступный чужим». Еще оно ассоциируется с прохладительными напитками в Джонстауне.

У «Властелина колец» больше ста миллионов читателей. Сколько еще нужно, чтобы лишиться статуса культового? Или побывав культовым — то есть родившись с каиновой печатью, — уже никак нельзя стать полноценной классикой?

Последние пару лет в дело вступила демократия. Британская сеть книжных магазинов провела опрос на тему любимой книги Англии. Это оказался «Властелин колец». Вскоре после этого другая сеть выясняла любимого автора, которым оказался Дж. Р. Р. Толкин.

Критики придирались — ожидаемо, но всё равно странно.

В конце концов, книжные магазины просто выбрали слово «любимый». Это очень личное слово. Никто не утверждает, что это синоним «лучшего». Но хор критиков твердил об ужасающем кризисе вкуса британской публики, которая получила драгоценный дар демократии, но впустую потратила его, сделав никуда не годный выбор. Намекали на заговор среди мохноногих фанатов.

Был и другой посыл: «Эй, мы годами рассказываем вам о хороших книгах! А вы нас не слушаете! Вы и сейчас не слушаете! Вы просто идете и покупаете эту дурацкую книгу! Мы вам твердим, что это полная ерунда, что она никому не нужна, что это худшая разновидность эскапизма, что ее автор не ходил на наши вечеринки и плевал на наше мнение! К сожалению, закон позволяет вам нас не слушать! Вы дураки, дураки, дураки!»

И их опять никто не послушал. Еще через несколько лет национальная газета провела опрос, чтобы выбрать пятьдесят «шедевров», созданных человечеством за последнее тысячелетие. Среди них оказалось пять вещей, которые сойдут за художественную литературу. В том числе «Властелин колец».

«Мона Лиза» тоже вошла в этот список. Подозреваю, что многие проголосовали за нее, следуя некому культурному инстинкту, и не совсем честно. Ну-ка, ну-ка, быстренько назовите величайшее произведение искусства за последнюю тысячу лет? Ну… э-э-э… «Мона Лиза», конечно. Отлично. А вы ее видели? Стояли перед ней? Ее улыбка зачаровала вас, ее взгляд преследовал вас по всему залу и до самого отеля? Ну… нет, конечно, но это же «Мона Лиза»! Она должна

быть в списке. И тот мужик с фиговым листком. И тетка без рук.

Это тоже честно. Этот опрос показал хороший вкус ваших сограждан и ваших предков. Джо Обывательс знает, что, если речь идет о тысяче лет, голосовать за картинку с собаками, играющими в покер, не очень разумно.

Но мне кажется, что «Властелин колец» попал в список, когда люди забыли о культуре и тихонечко проголосовали за то, что им нравится. Мы не можем встать перед одной картиной и почувствовать, как она порождает в нас новые мысли, но мы — большинство из нас — можем читать популярные книги.

Не помню, где я был, когда застрелили Кеннеди, но точно помню, когда впервые прочитал Толкина. Дело было в канун нового, тысяча девятьсот шестьдесят второго года. Я приглядывал за детьми родительских друзей, потому что все родители ушли на вечеринку. Я не расстроился. В тот день я утащил из библиотеки трехтомник весом с якорь от яхты. Мне о нем рассказали парни в школе. Сказали, что там есть карты. В то время это казалось мне несомненным признаком качества.

Я довольно долго ждал этого момента. Таким

уж я был тогда.

Что я помню? Я помню буковые леса в Шире. Я родился в деревне, а хоббиты шли по местам, которые — плюс-минус странные дома — очень напоминали те, где я вырос. Я как будто смотрел кино.

Я сидел на холодном диване в стиле шестидесятых, в пустоватой комнате, но на краю ковра начинался лес. Я помню зеленый свет, который проникал сквозь листья. С тех пор я никогда не погружался в книгу так сильно.

Я помню, как щелкнула батарея, выключилось отопление и в комнате стало холодать, но это происходило где-то на краю моего сознания и не имело никакого значения. Я не помню, как шел домой с родителями, но помню, как сидел в постели до трех утра и читал. Я не помню, как заснул, но помню, как проснулся с книгой на груди и продолжил чтение. На весь роман у меня ушло примерно двадцать три часа. Потом я взял первый том и стал читать сначала. И долго разглядывал руны.

Признавшись в этом, я уже чувствую, что сижу в кругу встревоженных, но дружелюбных людей. «Меня зовут Терри, и я рисовал в школьных тетрадях гномские руны. Начал я с прямых, они

проще, но скоро меня затянуло, и я, не осознавая, что делаю, перешел к округлым эльфийским рунам с точками. На самом деле всё еще хуже. Не зная слова “фандом”, я уже писал очень странные фанфики. Я написал кроссовер, в котором перенес сюжет “Гордости и предубеждения” Джейн Остин в Средиземье. Остальным ребятам очень понравилось, потому что класс тринадцатилетних мальчишек, покрытых вулканическими прыщами и страшно заинтересованных всем, что находится ниже пояса, вряд ли способен оценить изящную прозу мисс Остин. Сцена, где орки нападают на дом священника, получилась особенно удачной…» Наверное, примерно в этом месте меня выгонят из психологической группы.

Околдован был я. К библиотеке вернулся я снова и речь такую завел:

«Есть ли у вас еще такие книги? С картами? И рунами?»

Библиотекарь неодобрительно посмотрел на меня, но вышел я оттуда с «Беовульфом» и скандинавскими сагами. Он хотел как лучше, но мне нужно было другое. В этих книгах у человека уходило несколько строф, чтобы представиться.

Но они заинтересовали меня мифологией. Рядом с мифологией стояли книги о древней

истории. Да что б их… там же все были в шлемах? О, а там еще и волшебное кольцо может быть! И руны!

Отчаянные поиски чего-то, похожего на Толкина, открыли мне новый мир. Этот.

Преподавание истории в британских школах тогда сводилось к королям и актам парламента. История была населена мертвыми людьми и странно, механически структурирована. Что случилось в тысяча шестьдесят шестом году? Битва при Гастингсе! Отлично, садись. А что еще случилось? В смысле, что случилось? Тысяча шестьдесят шестой год предназначен для битвы при Гастингсе. Мы «прошли» римлян (они пришли, увидели, построили пару бань, несколько дорог и ушли), но то, что я читал вне школы, расцветило эту картину. Мы не «проходили» греков. А «проходил» ли кто-то империи Африки и Азии? А теперь загляните в эту книгу. Эти ребята не пользовались рунами, рисовали вместо них птиц и змей, но зато умели вытаскивать мозг мертвого царя через нос…

И так я получал наилучшее из возможных образований, думая, что развлекаюсь. Случилось бы это в любом случае? Возможно. Никто не знает, почему происходят те или иные события. Но

«Властелин колец» стал вехой в моем чтении. Я уже любил читать, но именно «Властелин колец» научил меня читать другие книги.

Раньше я перечитывал его раз в год, весной.

Потом понял, что перестал это делать, и задумался, в чем дело. Точно не в сложном и порой тяжеловесном языке. И не в том, что мир затмевает собой персонажей. Не в отсутствии женщин или другом мнимом или реальном нарушении нынешних социальных правил.

Просто в моей голове уже сорок лет есть фильм. Я всё еще помню зеленый свет в буковом лесу, ледяной горный воздух, пугающую темноту гномьих рудников, зеленые склоны Итилиена, запад Мордора, держащийся против наступающей тьмы. Персонажи не так важны для этого фильма, потому что для меня они всегда были только фигурками на фоне пейзажа, главного героя. Я помню это так же ясно — да нет, если подумать, куда яснее — многих мест, где я бывал в так называемом реальном мире. Странно это писать и думать, что я помню просторы Средиземья не хуже настоящих мест. Герои безлики, это просто точки в пространстве и источник диалогов. Но в Средиземье я побывал.

Думаю, это эскапизм. В моей школе он считался

ужасным преступлением. В тюрьме это тоже ужасное преступление — по крайней мере, для тюремщика. В начале шестидесятых у этого слова не было положительных коннотаций. Но можно бежать не только откуда-то, но и куда-то. В моем случае побег был в точности таким, как описал Толкин в «Дереве и листе». Я начал с книги, потом пошел в библиотеку, а потом открыл весь мир.

Думаю ли я до сих пор, как думал тогда, что Толкин — величайший писатель в мире? Строго говоря, нет. Так можно думать в тринадцать. Если ты продолжаешь считать так же в пятьдесят три, что-то в твоей жизни пошло не так. Но иногда что-то сходится в правильном месте и в правильное время — книга, автор, стиль, тема и читатель. И возникает волшебство.

Я продолжил читать. Если прочитать достаточно книг, они начинают изливаться из вас, так что я стал писателем.

Однажды я подписывал книги в Лондоне. Ко мне подошла дама, одетая в костюм, который в восьмидесятых именовали «доспехами», несмотря на смехотворное отсутствие титана и протонных пушек. Она протянула мне книгу. Я спросил, как ее зовут. Она пробормотала что-то. Я переспросил — в магазине было шумно. Она

снова что-то буркнула, и я опять ничего не понял. Когда я открыл рот, чтобы спросить в третий раз, она решительно сказала: «Меня зовут Галадриэль».

Я спросил: «А вы случайно не родились на плантации конопли в Уэльсе?» Она мрачно улыбнулась: «Я родилась в фургончике в Корнуолле, но идея верна».

Толкин в этом не виноват, но давайте посочувствуем всем Бильбо на этой планете.

Нил Гейман, Великий Фокусник

Программа конвента Boskone 39, февраль 2002 года

Когда я познакомился с Нилом, он называл себя халявщиком. Знаете, когда выходит новая книга, на презентации иногда подают выпивку и еду. Туда-то и притащится халявщик в поисках материалов для своего журнала, невзрачных канапе и теплого вина.

Тогда мы оба писали до изнеможения. Он мог позвонить мне посреди ночи и обсудить то, что мы делали. В основном в темноте. Мы понимали друг друга. А писателю очень полезно иметь такого собеседника.

От него я узнал самые чудесные слова в мире: не облагаемый налогом.

Что я могу сказать о Ниле Геймане такого, чего еще не сказал в «Смертоносном воображении: пять практических примеров»?

Он не гений. Он лучше.

Другими словами, он не волшебник, а фокусник.

Волшебникам не приходится работать. Они

просто машут руками, и происходит чудо. А вот фокусники работают много и тяжело. В юности они долгие часы проводят, внимательно наблюдая за величайшими престидижитаторами современности. Разыскивают старые книги о трюках, и если они фокусники от природы, читают и всё остальное, потому что вся история — это одно сплошное волшебное шоу. Они подмечают, как люди думают и как часто они не думают. Они учатся скрытому использованию пружин, узнают, как открыть огромные двери храма легким касанием и как заставить трубы взреветь.

Они выходят на сцену и покоряют вас с помощью разноцветных флагов, дыма и зеркал, и вы вопите: «Невероятно! Как он это сделал? Что сталось со слоном? Куда делся кролик? Он что, правда разбил мои часы?»

А в заднем ряду сидим мы, другие фокусники, и тихонько шепчемся: «Неплохо. Это, кажется, вариация на тему Пражского левитирующего носка? Или Призрачное зеркало Паскаля, где девушки на самом деле нет? Но откуда тогда взялся пылающий меч?»

И задумываемся — а может быть, магия все-таки существует…

Я познакомился с Нилом в 1985 году, когда

«Цвет волшебства» только что вышел. Это было мое первое интервью в качестве писателя. Нил зарабатывал на жизнь журналистикой и имел бледный вид человека, который высидел слишком много пресс-показов плохих фильмов, чтобы бесплатно поесть холодных куриных ножек, которые подают после показа (и чтобы внести пару номеров в записную книжку, которая теперь разрослась до размеров Библии и содержит гораздо больше интересных имен). Он занимался журналистикой, чтобы не умереть с голоду. Хороший способ научиться журналистике. Возможно, единственный.

Еще у него была ужасная шляпа — серая фетровая. Она ему совсем не шла. Между шляпой и человеком не было никакой связи. Тогда я увидел эту шляпу в первый и последний раз. Как будто осознавая свою недостаточную шляпность, он постоянно забывал ее в ресторанах. Однажды он за ней так и не вернулся. Я пишу это для самых ярых фанатов: если вы очень-очень постараетесь, то, может быть, найдете где-то в Лондоне маленький ресторанчик, где на полке валяется пыльная серая шляпа-хомбург. Кто знает, что случится, если вы ее наденете?

Так или иначе, мы поладили. Сложно сказать,

почему. В основе явно лежало общее восхищение невероятной странностью вселенной, которая таилась в рассказах, в мелких деталях, в таинственных старых книгах из забытых магазинов. Мы поддерживали контакт.

[Раздается звук, как будто от календаря отрывают листки. В фильмах такого больше не показывают…]

Постепенно он стал знаменитым автором графических романов, Плоский мир тоже пошел в гору, и как-то раз Нил прислал мне страниц шесть из рассказа и сказал, что не знает, что случилось потом. Я тоже не знал. Примерно через год я вынул рассказ из ящика и понял, что было дальше — но пока не знал, чем всё закончится. Мы написали это всё вместе. Получились «Благие знамения». Роман написан двумя людьми, которым было нечего терять и которые хотели повеселиться. Мы не для денег его написали. Но в результате получили их целую кучу.

…О, давайте я расскажу вам странную историю. Однажды он остался у нас — мы занимались редактурой, — а потом мы услышали шум и зашли к нему в комнату. Два наших белых голубя влетели вслед за нами и не смогли выбраться, они носились по всей комнате, и Нил проснулся

в вихре белых перьев со словами «Пшчтсл?» — по утрам он обычно разговаривает именно так. Или тот раз, когда мы сидели в баре и он встретил там Женщину-паука. Или когда мы поехали в тур, заселились в отель, а утром оказалось, что его телевизор показывал ему странное шоу с полуобнаженными бисексуалами и связыванием, а мой не нашел ничего лучше повторов «Мистера Эда». Или тот случай, когда после десяти минут в прямом эфире мы обнаружили, что журналист с нью-йоркского радио не знает, что «Благие знамения» — художественная книга.

[Врезка с поездом, катящимся по рельсам. Этого тоже больше не бывает в кино…]

И вот, десять лет спустя, мы путешествуем по Швеции и обсуждаем сюжет «Американских богов» (он) и «Удивительного Мориса» (я). Иногда одновременно. Прямо как в старые добрые времена. Один из нас говорит: «Не понимаю, как из этого выпутаться». А второй слушает и отвечает: «Решение, вагонетка, в том, как именно смотреть на проблему. Кофе будешь?»

За эти десять лет многое произошло. Он встряхнул мир комиксов, который никогда не станет прежним. Примерно то же самое сделал Толкин для фэнтези-романа — всё, что написано потом,

так или иначе находится под его влиянием. Помню, мы ездили по США с «Благими знамениями» и устраивали автограф-сессию в магазине комиксов. Мы подписали книги для множества любителей комиксов, многих из которых явно обескуражила идея «книжки без картинок». Я прогуливался между полок и разглядывал конкурентов. И тогда я понял, что Нил хорош. Что его работы отличает тонкость и точность скальпеля.

Услышав замысел «Американских богов», я так захотел их написать, что почти почувствовал их вкус…

Читая «Коралину», я как будто смотрел чудесно нарисованный мультфильм. Закрывая глаза, я видел, как выглядит дом или кукольный пикник. Неудивительно, что теперь он пишет сценарии. Надеюсь, кому-нибудь хватит ума поручить ему режиссуру. Читая книгу, я вспомнил, что настоящий ужас живет в детских сказках. Мои детские кошмары без Уолта Диснея были бы довольно безликими. В этой книге есть несколько моментов с глазами-пуговицами, которые заставляют часть взрослого мозга в ужасе прятаться под кроватью. Но это книга не об ужасе, а о победе над ужасом.

Многих удивит, но Нил либо очень хороший открытый человек, либо отличный актер. Иногда

он снимает очки. Насчет кожаной куртки я не уверен. Кажется, один раз я видел его в смокинге. Но, возможно, это был кто-то другой.

Он считает, что утро — это то, что происходит с другими людьми. Кажется, однажды я видел его за завтраком, но, возможно, этот человек просто был на него немного похож — и лежал лицом в тарелке с фасолью. Он любит хорошие суши и, в принципе, любит людей, но только не сырых. Неплохо относится к фанатам, если они не полные идиоты, и любит поговорить с людьми, которые умеют разговаривать. Он не выглядит на свои сорок: вероятно, это тоже случилось с кем-то еще. Или у него на чердаке хранится портрет.

Веселитесь. Вы в руках фокусника. Или, может быть, волшебника.

P.S.: Он очень обрадуется, если вы попросите его подписать драгоценную засаленную копию «Благих знамений», которую вы хотя бы один раз уронили в ванну и которая теперь держится на старом желтом скотче. Вы понимаете, о чем я.

Речь на вручении медали Карнеги за 2001 год

2002 год

Это была самая большая медаль там, и я ее съел. Она была шоколадная.

Ну, настоящая медаль была не шоколадная, конечно, но я же знал, что меня наградят — такие вещи сообщают заранее, — и мне хотелось немного повеселиться. Мы с Робом бегали по городу в поисках чего-нибудь, что напоминало бы медаль размером и формой. И нашли идеальный шоколадный вариант. Так что после речи я сказал: «…а лучше всего в этой медали то, что ее можно съесть». И сунул ее в рот. Дамы из библиотеки не знали, куда бежать, и я понял, что второй такой медали мне точно не видать.

Я совершенно уверен, что журналисты очень обрадуются, если я скажу что-нибудь скандальное, но сам факт вручения мне медали Карнеги достаточно скандален. Это моя третья попытка. Ну, это я так говорю, что моя, на самом деле я просто сидел, ничего не понимая, а попытку от

моего имени предпринимал кто-то другой, к моему ужасу.

«Удивительный Морис» — фэнтези-роман. Конечно, все на свете знают, что фэнтези — «это когда про волшебников», но я надеюсь, что все умные люди знают также, что то, что знают все… неверно.

Фэнтези — это больше, чем волшебники. Например, это книга о разумных крысах. И о еще более фантастической идее — о том, что разумными бывают люди. Гораздо загадочнее предположения, что зло можно победить, кинув в вулкан очень дорогое украшение, предположение, что зло можно одолеть разговорами. Фэнтези о справедливости интереснее фэнтези о феях и гораздо фантастичнее. В этой книге крысы идут на войну — надеюсь, это интересно. Но потом они заключают перемирие, а это уже удивительно.

Так или иначе, жанр — это просто приправа. Это не блюдо. Антураж не должен вас обманывать.

Действие романа происходит в городе Тумстоун, штат Аризона, 26 октября 1881 года. Что это, вестерн? Судя по месту действия и одежде — да, но только из-за этого история не становится вестерном. Почему вы позволяете паре кактусов диктовать вам свои мысли? Это может оказаться

альтернативная история, исторический роман, жгучее литературное обвинение или что-нибудь в этом роде. Или хоррор, или даже мелодрама — правда, юным любовникам придется говорить чуть громче, а порой даже прятаться под столом, потому что в салуне вдруг началась стрельба.

Мы делаем слишком много выводов на основе одного ненадежного предположения. Роман, написанный Брайаном Олдиссом, обязан быть научной фантастикой, потому что он знаменитый фантаст. Научно-фантастический роман Маргарет Этвуд — это литература, потому что она пишет литературу. Последние романы о Плоском мире затрагивали такие вопросы, как природа веры, политика или даже свободная журналистика, но стоит добавить одного несчастного дракона, как вас сразу объявят автором фэнтези.

Я не жалуюсь. Но, как я уже говорил, мне кажется, драконы — не самое фантастическое в мире. В отличие от человека, который при помощи печатного станка бросает вызов правительству из-за полусформированной веры в то, что на свете может существовать справедливость. Так или иначе, фэнтези больше не нуждается в оправданиях. За последние годы этот жанр стал весьма респектабелен. По крайней мере, он способен у

всех на виду зарабатывать кучу денег, что в наши дни сходит за респектабельность. Купив пластикового Гэндальфа с гранатометом, вы поймете, что фэнтези кое-чего добилось.

Но при этом я пишу юмор, а вот это настоящая проблема. Интересно сравнить, как восприняли «Мориса» здесь и в США. Там, где я только недавно приобрел какую-то известность, рецензии серьезны, подробны и полны словами, которые сам Морис назвал бы «длинными, как гофрированное железо». Здесь рецензии довольно доброжелательны, но сводятся к «очередная комичная дурацкая книга от юмористического автора Терри Пратчетта». В «Морисе» нет ни дуракаваляния, ни комизма. Это очень серьезная книга. Юмор там только в антураже.

Проблема в том, что мы считаем «серьезное» антонимом «смешного». Честертон сказал, что противоположность смешному — это несмешное, а противоположность серьезному — несерьезное. Бенни Хилл был смешным и несерьезным, Рори Бремнер — смешной и серьезный, большинство политиков серьезно, но, к сожалению, несмешно. У юмора есть цель. Смех может просочиться в замочную скважину там, где серьезность будет напрасно колотиться в дверь. Новые идеи могут

подъехать верхом на шутке, старые идеи могут получить неожиданное преимущество.

Что мне это напомнило… Честертона сейчас читают мало. Его стиль и мысли родом из другого времени и сейчас могут раздражать. Он писал на немного другом языке. И всё же, когда его «Эй, добрый человек, подай сюда пинту наилучшего эля» начинают бесить, вы натыкаетесь на очень убедительную жемчужину. Он великолепно защитил сказки от утверждавших, что сказки рассказывают детям про чудовищ, — сказал, что дети и так знают о чудовищах, а сказки говорят, что их можно убить. Теперь мы знаем, что чудовища не обязательно покрыты чешуей и спят в пещере. Иногда они водятся у нас в голове.

В «Морисе» крысам приходится столкнуться и с настоящими чудовищами — у кого-то много ног, у кого-то всего две — и с гораздо более опасными тварями, которых они придумали. Крысы разумны. Это первые в мире крысы, которые боятся темноты и населяют сумерки воображаемыми монстрами. Зажигание огня — невероятно важное для них действие.

Меня уже спрашивали, имел ли я в виду текущую международную ситуацию. Нет. Я бы не стал оскорблять даже крыс превращением в метафору.

Просто так неудачно сложилось, что нынешняя международная ситуация очень похожа на старую скучную глупую международную ситуацию в мире, заселенном выдуманными монстрами и драконами, которых сложно убить. Мы видим вокруг себя международную политику, которая сводится к мести за месть за какую-то прошлую месть. Плеваться тянет. Динозавры были тупы, как бетон, но прожили сто пятьдесят миллионов лет и вымерли только от огромного астероида. Я порой думаю, не встроен ли в разум такой астероид.

Разумеется, как автор юмористического фэнтези я одержим комичными дурацкими идеями. Например, о том, что крысы умеют говорить. Но иногда я выдумываю и более странные вещи — например, возможность хорошего конца. Иногда, когда у меня очень-очень дурацкое настроение и я принял свеженькой комичности, я даже способен выдать совершенно фантастическую мысль о том, что в определенных обстоятельствах *Homo sapiens* действительно способен думать. Может, стоит попробовать, потому что всё остальное мы уже пробовали.

Писать для детей сложнее, чем для взрослых, если делать это хорошо. Я собирался написать за-

бавную историю о коте-мошеннике, основанную на сказках о Гаммельнском крысолове, но получился у меня масштабный проект. Мне помогали Филипа Дикинсон и Сью Коатс из «Даблдей», или, как они теперь называются, Анна Хопп из нью-йоркского «ХарперКоллинз», которая подстерегла меня в темном переулке на Манхэттене и настояла на публикации книги. Она даже пообещала уберечь меня от самого страшного из чудовищ, американского редактора.

Я должен поблагодарить вас, уважаемые судьи, и понадеяться, что разум и критическое мышление скоро к вам вернутся. И вас всех, скопление редакторов, учителей и библиотекарей, которых я обычно именую — чаще с улыбкой — мафией в дирндлях. Вы не даете пламени угаснуть.

Речь, произнесенная при получении премии Boston-Horn Book за роман «Народ»

Речь прочитана Анной Хопп, 2 октября 2009 года

«Народ» — один из романов, которые пришли из ниоткуда. Я не вру. Просто он вдруг оказался в моей голове, хотя в ней и без того уже лежала куча всего. Удивительно, но мне не пришлось проводить никаких исследований. Всё, что мне хотелось знать, я каким-то образом узнавал в процессе написания. Пока я писал этот роман, мы с Лин поехали в Австралию, в симпатичное местечко на самом севере Квинсленда. Как-то я шел по дорожке, которая, судя по любым картам, находилась в Австралии, но я знал, что на самом деле она в мире «Народа». Я посмотрел в сторону моря и, разумеется, увидел их — деревья, которые почти доставали до неба. Это был «Народ». Я оказался там, где должен был оказаться.

Я уверен, что существуют писатели, способные ясно и четко рассказать всему свету, как и зачем

они написали книги, украшенные их именами и фотографиями.

Это настоящие писатели, которые хранят материалы в каталожных шкафах, а не складывают в кучи. У них есть письменные столы — может быть даже со стеклянными поверхностями, — не населенные мышами, в отличие от моего.

Да, я понимаю, что это неправильно, но это старый викторианский письменный стол с тайным ящичком. Тайным для меня, но, к сожалению, не для мышей. Кабинетная кошка Пэтч временами учиняет им pogrom, но сейчас мы находимся в патовой ситуации. Я не могу заставить себя отравить их — мне мешает мысль о маленьких тельцах, гниющих где-то среди потерянных завещаний и утраченных карт острова сокровищ.

Я встречал настоящих писателей. Они составляют списки. Планируют свои книги и записывают эпизоды на карточках. Исследуют материал и делают записи, и, в отличие от меня, их не способна отвлечь чудесная книга о торговле льдом на побережье США в конце восемнадцатого века.

Описать, как я обычно работаю, сложно. Полагаю, стороннему наблюдателю покажется, особенно в начале романа, что я понятия не имею, что делаю. Разумным будет предположить, что

так оно и есть. Цель написания романа — понять, что же я делаю. К счастью, это обычно происходит к середине первого черновика. Я выдумываю идеи, изобретаю героев, пишу диалоги и всячески экспериментирую, пока не нахожу способ рассказать себе, о чем же я все-таки думаю. Часто один из персонажей произносит что-то, объясняющее мне, о чем этот роман.

С «Народом» вышло по-другому. Он явился, как цунами, и поглотил меня.

Это случилось примерно за полгода до жуткого азиатского цунами 2004 года. Увидев новости, я сообщил издателям, что не могу сейчас писать такую книгу. Это было бы неправильно.

Но эта история продолжала крутиться рядом, пока я не сдался. Я мог либо написать ее, либо сойти с ума. Сначала я придумал песню.

Мне казалось, что я всегда знал, как волна, вызванная вулканом Кракатау, забросила пароход на пару миль в глубь тропического леса. Такие вещи обычно не забываешь. И меня всегда очаровывало слово *calenture*, то есть тропическая лихорадка, болезнь, которая заставляет моряков видеть зеленые поля вокруг тонущего корабля. Ведь первый человек, который выглянул за борт корабля, заброшенного в джунгли, решил, что

сошел с ума. Так что я написал дополнительную строфу к «За тех, кто в море», которую напевал бедный капитан Робертс, пока «Милую Джуди» тащило по лесу, птицам и листьям. Моряк оказывался не в море, а внезапно — и очень быстро — на земле.

У меня в голове всё крутился образ корабля под белыми парусами, идущего во тьме из Старого Света в Новый, и его полубезумного капитана, привязанного к штурвалу и сочиняющего, глядя, как гибнет его корабль, новые строки одного из прекраснейших христианских гимнов. Я часто его пел, пока писал книгу.

И всё это время меня не оставляло другое видение. Оно до сих пор совершенно ясно. Ко мне спиной стоял мальчик с копьем в руках и кричал на море. Я знал, что он что-то потерял, но вдруг понял, что он потерял всё.

Должна была быть и девочка. Викторианская девочка, со всем тем багажом, который вручил бы ей тот мир. Жеманная и хорошо воспитанная по стандартам носящих штаны жителей Северного полушария. Но под строгой викторианской одеждой она должна быть очень сильной. Это я принял как должное, потому что талант всегда подводит меня, если мне нужно описать слабенькую девоч-

ку. Я на это не способен. Можете тыкать в меня палками, это ничего не изменит. Поначалу они, может, и пытаются лить слезы, но, обнаружив, что это не работает, немедленно превращаются в близких родственников мисс Пигги.

И так далее. Короче говоря, я едва не утонул в этой книге. Она до сих пор существует у меня в голове в виде картинок, а не слов, как будто я видел фильм, который еще не сняли (а может, и не снимут; посмотрим).

Авторы часто приберегают идеи на будущее. Думаю, у меня таких идей больше, чем у кого-либо. «Народ» стал свалкой для результатов пятидесятилетнего беспорядочного счастливого чтения всякой ерунды. История Тихого океана, написанная Хендриком Виллемом ван Лооном, дала мне много полезной информации. В дело пошли различные отчеты об извержении Кракатау и его последствиях. Три полные полки мирового фольклора дистиллировались в мифологию одного острова. Друзья-ученые поделились эзотерической информацией о том, как можно определить возраст стекла. А потом — вот это была настоящая удача — на каком-то ужине я сел рядом с человеком, который не просто знал, что вода очень сильно замедляет пули и что иногда

они могут срикошетить от ее поверхности, но и имел возможность провести соответствующий эксперимент в огромных танках, просто чтобы удостовериться. Голубой Юпитер — вид огромной планеты в дневном свете — я открыл сам как-то в начале осени. Я увидел в небе Сириус и понял, что очень умная функция перехода в моем сверкающем новеньком телескопе сможет использовать эти данные и найти Юпитер.

Пять минут спустя я его действительно увидел — бело-голубой, как Луна днем, окруженный тремя видимыми спутниками.

Выходит, вселенная работает даже днем! Я всегда это знал, но этот момент стал для меня откровением — не знаю, зачем и почему, но любое откровение хорошо.

Даже теперь, через год с лишним после завершения, я не знаю точно, что такое «Народ», потому что мне кажется, что половина его явилась извне. Я имею репутацию (может быть, это обвинительное заключение) юмористического писателя. Конечно, юмор порой прорывается наружу, и улыбка прокладывает себе дорогу. Но всё же роман начинается с того, что мальчик хоронит почти всех, кого знал. Я восхищаюсь дилеммой Мау, который самостоятельно изобрел

гуманизм, обвиняя богов в том, что их не существует, и одновременно нуждаясь в них, чтобы было кому выслушать обвинения. Мне сложно вспомнить, как я создал Мау. Кажется, он создал сам себя по ходу сюжета.

В этот момент люди обычно нежными голосами говорят, что на роман явно повлиял диагноз (болезнь Альцгеймера), поставленный мне во время его написания.

Это заявление было бы интересным, будь оно верным, но оно неверно и оттого еще более интересно. Первый, довольно сложный черновик был уже закончен к моменту постановки диагноза. Заднюю кортикальную атрофию — так официально называется мой вариант болезни — тяжело обнаружить даже эксперту. Поэтому мне сказали, что болезнь могла тихонько и невозбранно захватывать территорию уже много лет, прежде чем мне пришло в голову, что что-то не так.

Все авторы иногда думают о происхождении волшебства. Порой я тоже не понимаю, откуда взялась сила Дафны или бестолковый гнев Мау. Но откуда бы они ни взялись, я верю, что «Народ» — лучшая книга, которую я написал или когда-либо напишу.

В развязке — или, возможно, в кульминации

— я должен поблагодарить своих редакторов по обе стороны Атлантики, которые выжали из «Народа» максимум, втыкая мне иглы под ногти (это древнее редакторское искусство). Я знаю, что это делалось ради моего блага, и я благодарен. Искренне благодарен. Я не шучу.

Я был бы счастлив (и удивлен) предстать перед вами сегодня, если бы я в самом деле стоял перед вами. Это означало бы, что второй шанс сработал, что бывает редко. До середины девяностых годов я почти не был известен в Соединенных Штатах, хотя уже продавал огромное количество книг по всему миру. Ситуация с изданиями была ужасна. Я помню, что одна книга в бумажной обложке вышла с ошибкой в моей фамилии на каждой второй странице. И да, приезжая на конвенты в США, я каждый раз сталкивался с толпами фанатов, нагруженных контрабандными британскими изданиями, да еще и в твердой обложке.

Мой агент кое-что подсчитал и показал издателям цифры, демонстрирующие, сколько им стоит лень. Что-то зашевелилось. Вскоре после этого то ли мой издатель кого-то поглотил, то ли его поглотили — на практике это всегда сложно понять, потому что издатели сталкиваются, как галактики, и совершенно неясно, кто в кого влетел,

понятно только, что какие-то звезды взорвались, а какие-то созвездия остались не у дел.

Но вскоре мне достались очень яркие звезды — редакторы, которые знали мою работу и любили ее, и даже издатели, знавшие мою фамилию (очень полезная для издателей черта).

Начали происходить странные вещи. Я стал получать роялти. Я стал собирать толпы. Пару лет назад во время автограф-сессии в независимом книжном магазине все мои книги кончились за пару минут. Толпа побежала в ближайший «Барнс энд Нобл» и смела книги и там. Кто бы мог такое предвидеть?

Горжусь ли я? Я англичанин, я рыцарь, и поэтому я скромен и застенчив. Ура! Бинго! Хахха! Я всегда буду гордиться тем, что феминистская группа Американской библиотечной ассоциации включила мой роман в «Список Амелии Блумер». Всегда приятно, когда мужчину с бородой хвалят за феминистические тексты. Но это премия «Бостон Глоуб — Хорн». Я горд тем, что ее вручили мне, особенно если учесть, что ее распределяют либо библиотекари, либо люди, играющие в одной команде с библиотекарями.

Недавно меня пригласили на мероприятие для библиотекарей. Пригласила леди, которая

весело сказала: «Нам нравится считать себя поставщиками информации». Меня поразил этот недостаток амбиций, я извинился и не пошел. В конце концов, если у вас есть выбор, почему бы не назваться Служителями божьей искры Литературы в темной и мрачной вселенной? Согласен, написать это на значке трудновато, так что можно было бы сократить до «библиотекарей».

Уверен, некоторые из вас знают об одном предмете моей гордости. Пару лет я был библиотекарем-волонтером, работал по выходным, получая за это чашку чая с печеньем и возможность уносить домой больше книг, чем полагалось.

Даже тогда мне казалось, что библиотекари и им подобные не просто «поставщики». Информация сыплется на нас, как конфетти, мы стоим в ней по колено.

Я считал своих товарищей-библиотекарей скромными проводниками и дарителями историй. Это мнение сильно укрепилось в тот день, когда один из них положил на стойку три книги, перевязанные веревочкой, и сказал: «Тебе должно понравиться». Это был «Властелин колец». Вот это — настоящий библиотекарь.

P.S.: «Народ» обошел весь Голливуд, но никого не заинтересовал, потому что в него нельзя вста-

вить смешных и остроумных животных. Будем же благодарны за маленькие радости.

При просмотре «Народа»

«Дейли телеграф», 16 декабря 2009 года

Сценические адаптации получаются плохо, если кто-то считает, что знает лучше автора, вот и всё. Во всех остальных случаях всё проходит нормально.

В прошлом году маленькая местная труппа поставила «Держи марку!». Они любители, но очень хороши. Куда профессиональнее профессионалов. У них всё вышло правильно, включая музыку. Поэтому, думаю, я буду выбирать любителей. Их и побить можно, если что. Но не нужно, потому что они всё делают хорошо.

В прошлую среду я ходил в Национальный театр и смотрел пьесу «Народ», основанную на моей книге, которая по счастливому совпадению тоже называется «Народ». Я думаю, что это лучшая книга, которую я когда-либо написал или еще напишу. И она точно потребовала больше всего усилий.

(Если говорить коротко, действие «Народа» происходит в альтернативном девятнадцатом веке, где цунами кракатуанских масштабов опу-

стошило океан и оставило мальчика-туземца по имени Мау одного на пустынном острове в компании Дафны, вежливой викторианской девочки, вынесенной на берег той же волной. Их сложные нежные отношения помогли им спасти смытых волной людей, которые добрались до острова. В процессе им пришлось сражаться с разными захватчиками, которые хотели найти тайну традиций острова, и всё это почти буквально перевернуло мир.)

Это было отступление. Важно то, что когда спектакль показали прессе две недели назад, он получил куда больше пинков, чем похвал. Хвалили постановку, но сама пьеса заслужила эпитеты вроде «расистская», «политкорректная» и «фашистская». Честно говоря, мне кажется, что тот, кто это сказал, просто что-то напутал.

И всё это о пьесе по роману, который отлично приняли во всем мире год назад, а в этом году наградили медалью Принца, присуждаемой Американской ассоциацией библиотекарей. Это высочайшая американская награда в области литературы для подростков, которую может получить британский автор. Я знаю некоторых из этих библиотекарей. Крепкие орешки. Расизм, фашизм и персональные компьютеры бы не

прошли.

Мне стало так грустно, что мои знакомые писатели собрали маленькую группу поддержки, которая твердила «не обращай внимания на критиков» и напоминала, что автора ни в чем не обвиняют.

Я не видел предварительных показов. Труппа Национального театра заявила, что не хочет показывать мне пьесу, пока не отрепетирует ее как следует. Кроме того, они ясно дали понять, что у меня нет права голоса в вопросах режиссуры.

Причина в том, что «написать пьесу — совсем не то, что написать книгу». Это правда. Писать пьесы — совсем другое дело, и оно, на мой взгляд, легче. В распоряжении драматурга множество средств — звук, свет, движение, музыка — и множество людей. У автора книг есть только жалкий алфавит. И не бывает прогонов, которые помогли бы исправить неудачи. Мы делаем всё что можем, нажимаем кнопку «отправить» и молимся.

Множество шпионов в различных обличиях приносили мне сведения с фронта: идет негладко, за действием сложно уследить, непонятно, даже если читал книгу, слишком много танцев, есть и плохое, и хорошее, не хватает объяснений, не хватает объяснений, не хватает объяснений (я

написал это три раза, потому что мне постоянно это говорили), актеры много работают, но шанса у пьесы нет. Никто не сказал мне, что ему не нравится. Мне говорили, что нужно приложить усилия, чтобы тебе это понравилось. Странно, но при этом они говорили мне, что пьеса удостоилась оваций.

Так что вчера я направился в театр, как Уайетт Эрп — на излишне тихую улочку, держа палец на спусковом крючке. Вот что я обнаружил: «Народ» очень хорош. Да, надо следить за действием, но, согласно словам главного шпиона, это довольно просто. Кокс, главный злодей, зачем-то обзавелся предысторией. В книге он жестокий психопат, почти что стихийное бедствие. Я хотел сделать его не то что двухмерным, а вообще одномерным воплощением зла. Есть пара мест, где законы сцены диктуют свое. Если вы хотите, чтобы викторианская девочка во время музыкального номера отпилила кому-то ногу, очень важно, чтобы аудитория понимала, зачем это делается. Беженцы, добравшиеся до острова после ужасных лишений, должны выглядеть умирающими — тогда ампутация будет выглядеть органично. Насколько я могу судить, в финале не хватает примерно двадцати слов, которые бы подчеркнули эту

сложную и очень хрупкую сцену. В общем, мне понравилось. Ничего не могу с этим поделать. Это не моя книга. Многое изменилось. Роман «Народ» шепчет то, что пьеса «Народ» кричит. Это потому, что книга должна достать до ваших глаз, а пьеса — до задних рядов кресел. Увеличение громкости многое меняет. Экспозиция, которую можно было осторожно развернуть с помощью голоса автора и внутреннего монолога героя, занявшего целую страницу, на сцене должна уложиться в несколько секунд. В книге есть время убедиться, что читатель — или даже рецензент — видит разницу между дедушками — усопшими предками племени и птицами-дедушками, стервятниками, а в пьесе они сливаются, но это не так и плохо. Отдавая должное Марку Рейвенхиллу (автору адаптации), должен заметить, что полноценное воплощение «Народа» на сцене потребовало бы спектакля вагнеровских масштабов. Многое, к сожалению, пришлось опустить. В таком виде пьесу можно было бы еще немного улучшить, но я, готовый прийти в ужас, был ей очарован. Зал был полон на две трети — не так плохо для среды, на мой взгляд. Люди всхлипывали, вздыхали, радовались и плакали, и всё в нужных местах. Я вдруг понял, что смотрю странную викториан-

скую мелодраму двадцать первого века.

После спектакля я говорил с кучей людей и дал кучу автографов и не услышал ни одного дурного слова. Даже пожилая пара, которая снизошла до меня с сообщением о том, что они не всё поняли, казалась весьма довольной тем, что в пьесе вообще было что понимать, пусть и не лично для них.

И, конечно, такого цунами аплодисментов не постыдился бы ни один театр в стране. Я не рекламирую Национальный театр. Не забывайте, что автор не виноват ни в чем. Они могли бы прислушаться ко мне раньше, но я должен признать, что мы дружелюбно побеседовали о возможных маленьких изменениях, которые помогли бы публике лучше понять пьесу. Возможно, я не совсем бесполезен. Но актеры были чудесны, и я точно видел на сцене «Народ», пусть и слегка запыхавшийся. Я посмотрю его еще раз. Может быть, даже не один.

Доктор Кто?

Благодарственная речь при получении почетной степени Портсмутского университета, 2001 год

Уже девять раз британские университеты испытывали приступы безумия, во время которых присуждали мне почетную степень доктора литературы.

У меня сложилась традиция отвечать им той же любезностью. Какой-нибудь подходящий преподаватель получает степень в Незримом университете (а еще значок и симпатичный шарф). Все смеются, в газетах печатают фотографию, все довольны. Раньше я произносил речь на латыни или на ее плоскомировом эквиваленте, который по странному совпадению похож на очень плохую латынь. Но чтобы люди это заметили, она должна стать еще хуже. Джек Коэн из Уорвикского университета обратил внимание на «habeum tonsorius per Alberto Einstineum».

Так эта речь прозвучала бы на английском в тот счастливый день в Портсмуте.

Ректор, уважаемые преподаватели, гости,

студенты и выпускники, надеюсь, никто не обидится, если я скажу, что сегодня мы чествуем невежество. Невежество — недооцененный человеческий талант, но мы единственные из животных, которые могут найти ему применение. Мы оказались здесь, начав с невежества.

Так было не всегда. Несколько тысяч лет назад мы знали всё. Откуда взялся мир, для чего он сотворен, каково наше место… всё. Всё было рядом, в историях стариков у костра или в огромной книге. Вопросов не осталось, всё понятно.

Но теперь мы знаем, что существует огромное количество вещей, которых мы просто не знаем. Университеты хорошо поработали в этой сфере. Подумайте только: вы приезжаете в университет, пятерки сверкают в вашем аттестате, и вы, в принципе, во всем уже разобрались. И первое, что вам говорят — ладно, второе, сначала вам рассказывают, где туалеты и всё такое — то, что вы знаете сейчас, не столько истина, сколько взгляд на вещи. За три года вы узнаёте, что существует огромное количество неизвестных вам вещей, и в этот момент вам вручают диплом и выпихивают вас на улицу. Невежество — отличная штука. Это состояние, в которое вы должны прийти, чтобы чему-то научиться.

Молодцы, что выжили. Спасибо вам, ректор, от имени выпускников и от моего собственного.

Я не совсем понимаю, почему вы дали мне степень доктора литературы. Основное, что я сделал для литературы, — отрицал при каждом удобном случае, что я ее пишу. Так или иначе, я польщен. Подозреваю, что это награда за настойчивость. Я пишу книги о Плоском мире почти двадцать лет. Надеюсь, что они доставили удовольствие миллионам людей, и — мне это кажется почти несправедливым — они точно принесли удовольствие и деньги одному. Они десятки раз возили меня в путешествия, в честь меня назвали вид черепах (боюсь, вымерший вид), и я подписал, пожалуй, больше трехсот тысяч книг. Однажды я даже подписывал книги в тропиках Борнео. Пришло три человека. Четыре, если считать орангутанга, а его надо посчитать.

Я всегда думал, как бы сложилась жизнь, если бы в местной газете не открылась вакансия журналиста и я бы поступил в университет. Наверняка я бы пил дешевое пиво. С другой стороны, дело было в конце шестидесятых. Как мы знаем от наших политиков, в это время в университетах учили только тому, как не затягиваться. Возможно, я бы сделал правильный выбор. Так

или иначе, я получил свою степень. Наверное, теперь я могу кинуть шапку в воздух, как мне всегда хотелось. Спасибо вам большое от всех них и от меня. Спасибо. А теперь маленькое, но важное изменение утвержденной программы.

Я не учился в университете, но компенсировал это, заполучив свой собственный. Незримый университет — лучшее учебное заведение для волшебников. Он появился около восемнадцати лет назад в первой книге о Плоском мире и с тех пор становится реальнее с каждым днем. Я имею там некоторое влияние и поэтому надавил на аркканцлера. Он позволил мне провести небольшую ответную церемонию, чтобы укрепить связь между двумя крупнейшими образовательными центрами. Профессор Майкл Пейдж, прошу вас выйти вперед.

Майкл слишком худ для настоящего волшебника, но он впечатлил меня своим чувством юмора — при том, что он бухгалтер. Подобное достижение явно заслуживает почетной степени волшебства. Чтобы произвести его в члены Незримого университета, необходимо, разумеется… официальная шляпа… официальный шарф с гербом университета… и восьмиугольный значок, который носят все выпускники. Теперь,

профессор, вы *causas diabolici volentus*, почетный доктор болтовни. Из-за отсутствия дара предвидения вам придется ставить после своего имени буквы ДБ, но я уверен, что это небольшая цена за величие.

Спасибо вам, ректор, дамы и господа.

Немного о шляпах

«Сандей телеграф ревью», 8 июля 2001 года

Я люблю шляпы, особенно черные широкополые «луизианы», которые большинство людей называет «федорами». Я происхожу из семьи, мужчины в которой лысеют к двадцати пяти годам, и предпочитаю иметь между своими мозгами и Господом что-то еще, кроме костей черепа.

В статье всё это рассказано. Она появилась на свет, потому что я поговорил с журналистом на вечеринке. Возможно, вы решите, что шляпы — довольно забавная штука.

Я очень расстроился, когда мою шляпу похитили. Вы все слышали такие истории. Прикуют ли ее к батарее? Получу ли я фотографию, на которой она запечатлена с газетой? Или — жуткая мысль — вдруг она привыкнет к своим похитителям и откажется их покидать? Кажется, это называется стокгольмским синдромом, хотя шведы ничего не понимают в шляпах.

Так что я просто выписал чек на семьдесят пять фунтов на студенческую благотворительность, что и было целью происходящего. Ужасная драма

закончилась за десять минут, и я даже не смог переговорить со шляпой по телефону.

Я получил большую черную шляпу назад и снова стал собой.

Я люблю шляпы. Они помогают мне справляться с собственной головой.

Все мужчины в моей семье лысеют сразу после двадцати, чтобы поскорее с этим покончить. Зато нам не приходится ужасаться этому в будущем. Но у нас не остается ничего, что амортизировало бы удары и царапины, которые волосатые люди даже не замечают. Современное средство — бейсболка.

Бейсболка? Я бы лучше съел червяка.

Первую черную шляпу я увидел в магазинчике «Билли Джин» на Уолкот-Стрит в Бате в конце восьмидесятых. Она просто лежала на полке. Она воплощала всё, чего я хотел от шляпы, хотя до этого момента я вообще не понимал, что мне нужна шляпа.

Она была, разумеется, черная, широкополая, довольно твердая и при этом достаточно мягкая, чтобы сохранять пристойный изгиб после некоторых усилий и применения кипящего чайника.

Иногда ты что-нибудь видишь и уже не можешь без этого жить. С тех пор у меня перебывал

десяток шляп. На взгляд неспециалиста, все они были одинаковые. Ладно, признаюсь. В детстве меня поразила сцена из «Мстителей», когда Джон Стид открыл дверцу гардероба и продемонстрировал нам уходящие вдаль бесконечные ряды котелков и сложенных зонтиков. Это кое-чему меня научило. Если ты серьезно относишься к шляпам, одной тебе не обойтись.

Некоторые из них после проветривания отправлялись на благотворительные аукционы или становились призами в конкурсах («Выиграй шляпу Терри Пратчетта!»). Одну носит мой переводчик на чешский. Одна погибла. Это была одна из лучших шляп — тонкий войлок, похожий на бархат, идеальная форма, идеальная, как у пикового туза, чернота. Она сидела на голове, как перчатка. Я больше никогда не встречал таких шляп. У меня ушел год на то, чтобы ее достать, и два года на то, чтобы ее сносить.

Не бывает двух одинаковых шляп. У каждой шляпы свой характер. Все завзятые носители шляп это знают. У меня есть тяжелая суконная шляпа, которая очень пригождается для визитов в школы, где ее пытается примерить половина класса, хорошая шляпа для некоторых избранных мероприятий и несколько потертых шляп для ав-

тограф-туров. Черная «федора» или «луизиана» не подойдет для Австралии, где я предпочитаю шляпу акубра — самую большую во всей Австралии, если не считать сомбреро. Если приглядеться, вы увидите, где на нее написала коала.

Когда я официально стал считаться знаменитым писателем, черная шляпа сделалась своего рода торговым знаком. Это случилось не намеренно — она просто нравилась фотографам. «А теперь еще кадр в шляпе», — просили они. Вы же всегда делаете то, что просят фотографы? Так что шляпа — даже Шляпа — появилась на рекламных фотографиях и срослась со мной. Она стала частью меня, судя по фотографиям.

Поэтому люди считают, что я должен носить шляпу всегда. «Где ваша шляпа?» — вопрошают они, когда я подписываю книги в магазине. Как будто они не уверены, что это за маленький бородатый лысый человек, и только Шляпа может подтвердить его личность. Читатели хотят фотографироваться со мной на всяких мероприятиях — это нормально, это часть программы, — но я знаю, что, оказываясь перед камерой, они вдруг всё осознают и просят: «В шляпе, конечно».

Пару раз у меня пытались украсть шляпу.

А еще шляпы растягиваются. Я купил новую

шляпу для тура в прошлом году. Она была немного тесновата, а я не сообразил взять с собой запасную. Но в одной чудесной лавочке в городке Сент-Нейотс, которая раньше была магазином мужской одежды, на дальней полке стояла викторианская машина для растягивания шляп. Ни один книжный магазин не может без такой обойтись. Они были так любезны, что прилюдно растянули мою шляпу, пока я подписывал книги. Кто-то наверняка подумал, что таким образом меня вынуждают давать автографы.

У меня спрашивают, не чувствую ли я себя голым без шляпы. Я чувствую себя голым, скажем, без штанов, но если вы выйдете на улицу, не надев шляпу, полиция вами не заинтересуется. Но я очень к ней привязался за эти годы.

Ага, говорят люди, выходит, это реквизит? Маска? Вы становитесь настоящим человеком, когда надеваете шляпу? Вы и есть шляпа?

Это всё только подтверждает, что не нужно кричать «Ага» и учиться психологии по плохим фильмам. Нет, я не становлюсь настоящим человеком, надевая шляпу. Я становлюсь ненастоящим. Тем, кто продал двадцать пять миллионов книг, собирает огромные толпы на автограф-сессиях и видел слишком много отельных номеров.

Он прячется под шляпой. Там тесно, и иногда шляпе приходится уступить.

Шляпа — это антимаскировка. Я снимаю ее, когда хочу остаться неузнанным. Это удивительно, и это работает. Без шляпы я могу смешаться с толпой лысых людей в очках и бродить среди них, и на меня не будут пялиться и спрашивать: «Это же вы? Распишитесь тут. Это для моей жены. Она мне не поверит».

Не то чтобы мне было до этого дело. Но иногда мне хочется выйти из дома и купить тюбик клея и гаечный ключ.

Без шляпы я могу не брать с собой ручку.

Раздолбай и мечтатель

О школьных годах, разбитых коленках, первой работе, ладане, рождественских роботах, любимых книгах и других нерабочих вопросах

Большой Магазин

Программка сценической адаптации «Угонщиков» от Боба Итона, март 2002 года

Это всё правда. Но всё равно вряд ли я когда-нибудь смогу описать магию первого визита в большой магазин. Это случилось в дотелевизионную эру (по крайней мере, обычным людям телевизор тогда был недоступен). Ничто не готовило меня к этому буйству цвета и звука, к бесконечным, бесконечным рядам игрушек, к огням. Эти картинки навсегда остались в моей голове.

«Угонщиков» я начал создавать, когда мне было четыре или пять. Мама взяла меня в Лондон, чтобы сделать покупки к Рождеству. Представьте себе: я жил в деревне из примерно двадцати домов. У нас не было электричества, а воду мы брали из колонки, общей с соседним домом. И вдруг я оказался в Лондоне перед Рождеством, в огромном универмаге «Гамаджес». Я до сих пор помню его так ярко, что у меня свет из ушей литься должен. Закрывая глаза, я всё еще слышу шелест полотняных облаков, которые кое-как

ползли мимо «аэроплана» в отделе игрушек. Он вез нас, детей, к Отцу Рождество. Его я, конечно, не помню, как не вспомнил бы лик Бога.

Потом, опьяненный новыми ощущениями, я потерялся. Обезумевшая мама нашла меня, когда я катался на эскалаторах и смотрел на цветные огни, открыв рот.

Примерно тридцать пять лет ничего не происходило, а потом я написал «Угонщиков», историю маленьких человечков, которые считают огромный универмаг целым миром. Думаю, что моими руками на клавиатуре тогда управляла моя пятилетняя голова. Я помню, как таинствен мир в этом возрасте. Ничто не имеет смысла. Всё поражает.

Так же себя чувствовали и номы, которые пытались найти смысл своей замкнутой вселенной, не пользуясь картой. Что означает «Снижено до предела»? А «Собак держать на руках»? Чтобы понять, что значат эти слова, нужно, ну, понять, что они значат. Конечно, почти все мы воспитаны людьми, которые помогли нам заполнить эти провалы, но номам пришлось до всего доходить своим умом… и у них вышло неправильно. Они сделали невозможное, потому что им никто не сказал, что это невозможно.

Потом появились «Землекопы» и «Крылья»,

трилогия была закончена, и за нее отвечал уже я. Но первая книга была написана для мальчика на движущейся лестнице.

(Конечно, фантазии бывают разными. Шесть лет назад переводчица сказала мне, что перевести эту книгу на русский будет очень сложно. Я уточнил: неужели русским детям так сложно поверить в маленьких человечков? Она ответила, что проблема не в этом. Они просто не поверят в магазин, где полно товара.)

Раундхед Вуд, Фоти Грин

«Воспоминания с детской площадки. Избранные детские воспоминания знаменитостей. В поддержку средней школы Элангени и начальной школы Честнат Лейн, Эмиршем», под ред. Ника Гаммажа, 1996 год

Фоти Грин находится рядом с Хай-Уикомом, в Чилтернсе. Я там жил, когда учился в начальной школе. Там я научился плеваться, жить с разбитыми коленями и убегать. Родители у меня были чудесные — из тех родителей, которые забирают тебя с уроков и везут в Лайм-Риджис искать окаменелости. Однажды мы были в месте, которое называется Черч-Клифф. Папа принес ведро и велел мне собирать улиток. Мы поставили ведро улиток на заднее сиденье — к счастью, оно не опрокинулось, и поделились со всеми соседями. Быть ребенком в Фоти Грин было здорово.

Моей любимой площадкой для игр была — и до сих пор остается — Раундхед Вуд, хотя теперь там стало меньше деревьев и больше колючей проволоки. Мы вчетвером или впятером носились там, как орущее многоногое чудовище, строили

лагеря, карабкались по деревьям, катались на велосипедах вокруг маленького мелового карьера посередине и каждый день немного подрастали. Это место бывало лесами, джунглями и даже другими планетами. И оттуда было слышно, если мама звала.

Была одна игра, заключавшаяся в том, что нужно было взобраться на буковое дерево, встать в развилке ветвей и прыгнуть примерно на пять футов, на другое дерево с гладким стволом. Важно было сразу же вцепиться в него руками, чтобы не упасть в колючие кусты в десяти футах под тобой. А потом, успешно приклеившись к дереву, ты сползал по нему вниз, крася штаны в зеленый.

Представьте себе это торжественное шествие детей… вверх — прыжок — шлеп ш-ш-ш-ш или прыжок — паника а-а-а-а-а.

Как вы понимаете, в те дни нам приходилось развлекать себя самостоятельно.

Лучший ученик

К шестидесятилетию Холтспурской школы (1951–2011), 2011 год

Я не любил начальную школу. Я поступил в нее позже других. Не то чтобы я был тупицей, но всё же относился скорее к козлищам, чем к агнцам. Х. В. Тейм, наш директор, очевидно, верил, что способен на глаз определить, в какую среднюю школу попадет тот или иной шестилетний мальчик или девочка — и поскольку я был козлищем, определил меня в неудачники. Моя мама не собиралась этого терпеть и сделала то, что делают многие матери, — нашла учителя, который бы мне помог.

Я помню день объявления результатов экзамена «11+», когда Х. В. Тейм ходил по классу и рассказывал, куда мы денемся дальше. Когда я вылез из-за парты и вышел из класса, чтобы рассказать о результатах родителям, повисла тишина. Я оказался единственным козлищем среди сдавших экзамен.

Х. В. Тейму посвящена книга «Избран в шесть лет», но если бы моя мама была учительницей,

она бы тоже стала директором.

Разумеется, я помню директора своей начальной школы, Х. В. Тейма, огромнейшего человека. Миль шесть ростом, как я сейчас припоминаю. Он первым ввел половое просвещение для учеников старших начальных классов, и я отлично помню, как в одиннадцать лет возвращался домой после его урока, который мы все ожидали с тревогой и волнением. Я шел домой, пинал осенние листья и взвешивал в голове вероятности и возможности. К большой своей радости, я решил, что он, очевидно, не прав.

Честно говоря, я вспоминаю Холтспурскую школу не слишком тепло, но, возможно, дело в том, что я был идеальным воплощением раздолбая и мечтателя. По счастливой случайности я выжил, а талант к мечтам, как я обнаружил впоследствии, может приносить неплохие плоды, если взять его под контроль. То, что нас не убивает, делает нас сильнее. На самом деле это была довольно приличная школа. Со временем ты сам начинаешь выбирать, через какие очки рассматривать свои воспоминания, в зависимости от настроения.

Я помню пантомимы, которые Х. В. Тейм писал и в постановке которых порой участвовал

— обычно если требовался великан. Потом, уже взрослым, я встретил его на каком-то мероприятии и удивился произошедшему чуду. Он был одного роста со мной. Это была школа. Если вам удалось выбраться из нее в относительно благодушном расположении духа, это уже плюс.

О Бабушке Пратчетт

«Вставная челюсть и курящая русалка»: знаменитости вспоминают странную и прекрасную правду о себе и своих бабушках и дедушках, 2004 год

Бабушка Пратчетт была очень миниатюрной, очень умной, малообразованной и курила самокрутки. Она тщательно потрошила окурки и складывала их в старую жестянку из-под табака, откуда и брала материал для новых сигареток, порой досыпая туда свежего табака. В детстве меня это очаровывало, потому что не надо быть математиком, чтобы понять, что могли существовать крошки табака, которые она курила несколько десятилетий подряд, а то и дольше.

Она говорила по-французски, потому что до Первой мировой войны уехала во Францию и нанялась в горничные. Дедушку Пратчетта она встретила случайно, ввязавшись в какую-то программу переписки с одинокими солдатами на фронте. Думаю, это был счастливый брак — в детстве бабушка и дедушка просто есть. Но мне кажется, что для нее было бы лучше, выйди она

замуж за человека, любившего книги, потому что они были ее тайной страстью. У нее была одна драгоценная полка книг, сплошная классика. В двенадцать лет я начал делиться с ней научной фантастикой, которую она читала с удовольствием.

По крайней мере, так она говорила. С ней нельзя было быть уверенным ни в чем. Она была одним из умнейших людей в моей жизни. В другое время и в других обстоятельствах она бы управляла корпорациями.

Сказки о чудесах и порнографии

Noreascon Four: программа конвента WorldCon, 2004 год

То, что мы любим в юности, остается с нами навсегда. У меня так было, например, с астрономией. В тот день, когда мне диагностировали болезнь Альцгеймера, я как раз купил интересное новое приспособление для телескопа. Альцгеймер сильно действует на глаза — ты видишь, но иногда не видишь, потому что мозг не справляется с обработкой сигнала от глаз. Я могу это пережить, но читать мелкий шрифт стало сложно. А что до телескопа… ну, сидеть рядом и пить пиво, пока с телескопом возится Роб, тоже неплохо.

Я не чувствую, что со мной плохо обошлись. Я читал — господи, как я читал, — я везде складывал книги. Комиксы, с которых для меня всё началось, были дешевкой, но кое-какие из них дожили до сегодняшнего дня и до сих пор лежат где-то в моей библиотеке.

Так-так-так…

Мой первый «Ворлдкон» случился в тысяча

девятьсот шестьдесят пятом году. В Лондоне, само собой. Только американцы и очень богатые люди (эти термины считались взаимозаменяемыми) в те дни летали через Атлантику. Почетным гостем был Брайан Олдисс, а на банкете выступал Артур Кларк. Свою жизнеутверждающую речь он проиллюстрировал гвоздем с «Мэйфлауэра» и кусочком тепловой защиты «Меркурия-Атласа-6» (кажется).

За завтраком Джеймс Блиш пожаловался мне на отсутствие вафель. Я был очень горд! Автор трилогии «Города в полете» выбрал именно меня, чтобы выразить недовольство скудным выбором блюд для завтрака в Британии.

В те дни они были гигантами. Или, по крайней мере, людьми значительно меня выше.

Но это было позже.

Началось всё, пожалуй, с комикса про Супермена, который другой мальчик дал мне как-то на каникулах. Мне было лет девять. К концу каникул я уже ходил, завязав красное полотенце на шее. Постоянно.

Вообще-то я всегда предпочитал Бэтмена. Почти все так делали. Если ты ешь брокколи и пьешь молоко, то теоретически можешь стать Бэтменом, когда вырастешь. А чтобы стать Су-

перменом, нужно родиться на другой планете. Мой друг Ниббси, большой фанат Супермена, считал, что можно стать почти Суперменом, если эта планета взорвется, а твоему отцу хватит ума заранее посадить тебя в космическую ракету. Он думал, что у меня неплохие шансы, потому что мой отец умел ковать. Боюсь, что эта теория оказалась несостоятельной.

В школе часто спорили, умеет ли Бэтмен летать. Мы считали, что нет, и были в меньшинстве. Поэтому нас били дети покрепче. Но, ха-ха-ха, мы зато не ломали ноги, выпрыгивая из окон. Кричать «Бэтмэ-э-э-э-э!» было явно недостаточно…

Подспудные течения всё равно искали выход. В Готэм-сити было слишком много ярких пятен и глупых сюжетов даже для девятилетнего. Примерно в это время в каждую пачку чая «Брук Бонд» начали вкладывать коллекционные карточки. Точнее, серию «Вперед в космос».

Они все сохранились у меня до сих пор. Не знаю, что там вышло у Пруста с его мадленками, но моим билетом в прошлое навсегда останется карточка номер девять, «Планеты и спутники».

Цвета там аляповатые, графика никуда не годится, но моя семья всегда заливалась чаем по уши, так что у меня были все карточки. Запомнив

рисунки на оборотах, вы бы выучили о ночном небе больше, чем большинство людей знает до сих пор. Правда, кое-какие сведения оказались бы неправдой. Марс там был изображен с каналами. Но они пристрастили меня к космосу. Это очень удобная любовь — космоса много, и он бесплатный. Тем более тогда как раз началась космическая эра.

Мои родители — да-да — купили мне телескоп. Это был один из тех телескопов, которые покупают, не прочитав ни одной книжки по теме. Юпитер казался мятым комом радуг, но зато я как следует изучил луну.

Я собирался стать астрономом, потому что астрономам не обязательно отправляться в постель к десяти. Но оказалось, что это не имеет никакого значения, потому что я обнаружил рассказы о космосе.

С удовольствием сообщаю, что я сделал всё правильно. Я нашел правильный магазин. Разумеется, правильный магазин — где хозяин сам фанат и так хорошо знает покупателей, что порой они помогают ему за прилавком, — должен удобно располагаться между тату-салоном и лавочкой, где торгуют порнухой.

Мой источник наслаждения скрывался внут-

ри порномагазина. Основным направлением деятельности этого заведения была торговля порнографией[10]. Занималась этим милая пожилая леди, которая вязала в перерывах между покупателями. Однако по какой-то причине — вероятно, чтобы иметь какие-то основания считаться книжным магазином — половина пола в этом крошечном помещении была уставлена картонными коробками с подержанными британскими и американскими научно-фантастическими журналами. Часто совсем новыми.

Откуда они брались? Я так и не знаю. Зато запасы восполнялись с той же скоростью, с какой я их поглощал. Других любителей фантастики я там никогда не встречал. Порой какие-то мужчины в плащах изучали содержимое верхних полок, впав в подобие транса, но они никогда не обращали внимания на мальчика, который ковырялся в коробках на полу. Владелица, которая меня очень любила — вероятно, как единственного покупателя, которого не интересовали верхние полки, — и порой даже угощала чаем, изрекла

[10] Примечания: 10

Довольно мягкой, насколько я помню. Хотя после некоторых переговоров покупатели получали таинственные коричневые конверты. Конечно, это могли быть и по-настоящему редкие фантастические журналы.

как-то: «Их просто бросают». «Аналог», «Фэнтези и научная фантастика», «Галактика», «Новые миры», «Научная фантастика»… эти невиданные богатства обходились мне в шесть пенсов за штуку. Они не были основным товаром милой леди, и она ничего не знала о научной фантастике, так что примерно три раза в неделю я возвращался домой с набитой сумкой. Правда, время на домашнее задание всё равно оставалось.

А потом в каком-то британском журнале мне встретилось упоминание Британской ассоциации научной фантастики.

Контакт. Это привело меня на конвенты, где царила атмосфера, подталкивающая к писательству. Я писал. В основном всякую ерунду, но кое-что было неплохо, и я учел распространенное мнение: «Если вы хотите стать писателем, найдите настоящую работу». Это оказалась работа в газете, давшая мне, стажеру, чудесную возможность работать каждый божий час. Вообще следовало бы говорить: «Найдите другую работу, но такую, которая не занимала бы всю жизнь». А еще были девушки. Работа и, разумеется, девушки выиграли.

«Ворлдкон» шестьдесят пятого года стал моим последним конвентом на двадцать один год. Я

состоял в фэндоме не больше трех лет, не считая ученичества в маленьком магазине, и не вернулся в него, пока не написал четыре романа. Приятно снова оказаться дома.

Когда я последний раз проходил мимо, тот магазинчик исчез. Его место занял забетонированный двор автосалона.

Или же в тот день, когда я закрыл за собой дверь в последний раз, та леди, закончив свою работу, потянула рычаг под столом, и магазинчик снялся с места и улетел.

Письмо в «Вектор»

«Вектор», 21 сентября 1963 года

Когда я был подростком, случалось всё — на дворе стояли шестидесятые, — но в школе мне сильно влетело за то, что я принес с собой журнал «Мэд». Мне кажется, нас учили каким-то глупостям.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ (Беконсфилд)

Статья «Научная фантастика в школах» в 20-м номере [«Вектора»] заинтересовала меня, потому что:

А) я учусь в школе и

Б) я очень люблю научную фантастику.

Во-первых, ученикам Рона Беннета страшно повезло, потому что их директор любит фантастику. В моей школе мы читаем все эти древние «Мои домашние животные» или «День на железнодорожной станции». Сначала они приятные, но через пять или шесть повторений приедаются (если я и преувеличиваю, то совсем чуть-чуть).

Конечно, поднимется шум. «Не всем интересна научная (брр!) фантастика!» И что? «День на железнодорожной станции» тоже не для всех. А еще

почти все ребята в моем классе переписывают рассказы из разных журналов. Может, лучше бы это были «Новые миры» или «Научная фэнтези».

[Ответ редактора: два заголовка, которые вы упомянули, вполне подходят для научно-фантастических рассказов. «Мои домашние животные» — про Маленького Пушистика и маленькую жабу, как у Берроуза (когда-то у меня был бант, но потом их запретили). «День на железнодорожной станции» — о раскопках древних руин. Дело происходит в далеком будущем после распространения телепортации.]

Выбор писателя

«Книги квартала» от Waterstones, 12-й номер, 2004 год

У моей бабушки была одна книжная полка. Насколько я помню, там стояла большая книга, которая помогала ей в часы тревог и уныния. На моей памяти она открывала только ее. Она называлась «В помощь кроссвордисту».

Но на той же полке стоял «Наполеон ноттингхильский» Г. К. Честертона, книга, которая объясняет душу и сердце фэнтези. Кстати сказать, они мало отношения имеют к магам, зато очень много к… ко всему остальному. В детстве мы населяем мир вокруг опасностями и ужасами (в паре миль от нашего дома стоял амбар, где, как мне точно было известно, жили великаны). Честертон знал, почему так происходит, и в одном предложении мог выразить то, на что иному философу понадобилась бы целая книга. Один его урок я запомнил навсегда: нет ничего такого же странного, как «нормальное».

Я начал читать поздно, но запойно, поэтому детские и взрослые книги я читал вперемешку,

не делая между ними разницы. К чтению меня пристрастил «Ветер в ивах». У меня до сих пор где-то лежит то дешевое бумажное издание. В пластиковой папке, потому что переплет куда-то делся за годы. В следующий раз, когда будете перечитывать эту книгу, обратите внимание на размер животных. Он меняется на протяжении книги, но это не имеет никакого значения.

По счастливой случайности я набрел также на «Отдохновение миссис Мэшем» Т. Х. Уайта и полюбил его, потому что это была детская книга, не делавшая никаких уступок детям. К тому же это была книга, в которой оживала другая книга («Путешествия Гулливера»). В одиннадцать лет открывать такие вложенные идеи очень интересно. По сути дела, я полюбил книги, в которых реальность рассматривалась с другой точки зрения. Отсюда было уже недалеко до научной фантастики.

Любому романисту прекрасно известно, что научная фантастика — «это про роботов», космические корабли и другие планеты. Да, этого там много в качестве приправы, но хорошая научная фантастика рассказывает о нас и о фаустовых сделках с собственными мозгами, которые помогли нам слезть с дерева, но всё еще могут

отправить в жерло вулкана. Лучшая научно-фантастическая книга в истории печатается очень редко. Это «Эволюция человека» позднего Роя Льюиса. Роботов вы там будете искать напрасно. Как, впрочем, и *Homo sapiens*, поскольку герои — плейстоценовые гуманоиды.

Они научились ходить вертикально и теперь готовы к серьезным вещам. К огню, стряпне, музыке, искусству и невероятному известию о том, что не стоит спариваться с собственной сестрой. Потому что это слишком просто — так утверждает Отец, воображаемый лидер племени. Чтобы развиваться, человечество должно создать запреты, сомнения и комплексы и уйти из животного рая. Чтобы двигаться вперед, нужно ограничивать себя. Великолепная вещь, которую я перечитываю каждый год. По-моему, ее пора переиздать приличным тиражом.

И еще вещь, которой не найти в современном книжном магазине, но в большинстве хороших букинистических она есть (если там не побывал я, потому что я их скупаю и впихиваю друзьям). Это «Специалист» Чарльза Сэйла, рассказ в несколько десятков страниц. Строго говоря, это воспоминания строителя, но они многое объясняют в природе юмора. Ему нужен глубокий почвенный

слой. Остроумие можно вырастить на мокрой тряпочке.

Предисловие к «Эволюции человека» Роя Льюиса

Corgi, 1989 год

Вы держите в руках одну из самых смешных книг за последние 500 000 лет[11].

Коротко говоря, это забавное описание семьи очень первобытных людей, которые открывают и начинают использовать самые могущественные и страшные явления, с которыми когда-либо сталкивалась человеческая раса, — огонь, копье, брак и так далее. Это напоминание о том, что проблема прогресса возникла не с началом атомной эры, а тогда, когда надо было научиться добывать еду так, чтобы тебя не съели, и готовить ее, не попадаясь на костер другим.

И о том, что первым оружием, способным убивать людей, не разрушая зданий, была дубинка.

Это пока не бестселлер (по крайней мере, не в общепринятом понимании). Может быть, потому, что эту вещь очень сложно классифицировать. Людям делают больно книги, которые

---

[11] Примечания: 11

А вы, к сожалению, нет — по крайней мере, не «Эволюцию человека». Но если у вас получится, раздобудьте ее.

непонятно на какую полку ставить. Поскольку впервые роман был опубликован в 1960-м, с тех пор он много раз переиздавался под разными названиями (не только «Эволюция человека», хотя именно это название мудро выбрал Брайан Олдисс, когда решил начать с этой вещи научно-фантастическую серию издательства «Пингвин», но и «Давным-давно в ледниковом периоде» и «И что мы сделали с Отцом»).

Олдисс заметил то, чего раньше не замечал никто, включая автора, — что это великолепная научная фантастика. Подлинная. Конечно, ракет тут нет. Ну и что? Кому нужны ракеты? Мы о них уже всё знаем. В 1960 году такая идея была меньше распространена.

Я купил свой экземпляр, потому что на обложке стояли буквы «НФ». В те мрачные дни я готов был купить что угодно с этой пометкой, примерно как в пустыне вы выпили бы любую жидкость. А потом я понял, что читаю нечто литературное, настоящий роман, и к тому же очень смешное. За прошедшие двадцать восемь лет я давал эту книгу почитать так часто, что давление взгляда почти стерло буквы со страниц.

Если вы дочитали досюда, пожалуй, можно уже сказать, что это культовая книга. Но не бойтесь.

Это значит просто, что люди нашли ее не из-за навязчивой рекламы, а по счастливой случайности и испытали приятное чувство, что они единственные о ней знают. Другими словами, это хорошая культовая книга. Когда вы ее дочитаете, у культа будет на одного последователя больше.

Она изменит вашу жизнь. Например, первая сцена «Космической одиссеи 2001 года» больше никогда не станет прежней, потому что вы будете думать, которая из обезьян — дядя Ваня. А увидев очередную полезную книжечку о том, как отличать съедобные грибы от ядовитых, поблагодарите сотни обезьянолюдей, которые пожертвовали жизнями, чтобы это выяснить.

И вы наверняка оцените правдивую историю о том, что зародыш идеи пришел к Рою Льюису, когда он, будучи репортером отдела иностранных дел журнала «Экономист», попросил знаменитого антрополога Луиса Лики объяснить значение некоторых доисторических пещерных рисунков. Лики протанцевал ему это значение.

Из этого, а еще из наблюдения за разрушением британского колониального владычества в Африке и из отражений исторических глубин в современных политических событиях, Льюис собрал свою книгу.

Знаменитый французский биохимик Жак Моно впоследствии указал на одну-две технические ошибки, но добавил, что они не слишком важны, потому что он так смеялся, читая книгу, что упал с верблюда в Сахаре.

Так что сядьте на что-нибудь поустойчивее.

Апрель 1988 года (где-то в голоцене)

Волхв и я, или Как у волхвов ничего не вышло

Western Daily Press, 24 декабря 1970 года

Эту статью я написал на своей второй работе, сразу после ухода из «Бакс Фри Пресс». В «Бакс Фри Пресс», моей первой работе после школы, я познакомился с тремя по-настоящему мудрыми людьми. Мистер Черч был очень строг, серьезно относился к своей работе и заставлял новичков тоже серьезно к ней относиться. Багси Берроуз мог наорать на тебя, если ты что-то делал не так. Они меня многому научили. В первый же день я увидел первое в своей жизни мертвое тело — совсем мертвое. Я марал бумагу, а мистер Алан, третий мудрый человек, вводил меня в курс дела. Я подумал, что за один день узнал больше, чем за все годы в школе.

Мне были нужны золото, ладан и смирна. И всё. Как будто я современный волхв. Невозможно представить себе более простой список рождественских покупок. Ерунда, думал я. Пара пустяков.

В результате я оказался в «Бродмеде», в Бристоле, под дождем, одетый как персонаж «Песни пустыни» и чувствующий себя низложенным ближневосточным правителем.

Я думал, что не подхожу для такого. Что, если мне дадут верблюда, я не разберусь, как с ним обращаться.

Поначалу было довольно весело. Я даже взял с собой пакет. Видите, как я был наивен?

Золото. Довольно распространенная вещь, из него делают кольца и зубы.

Ладан оказался порошком с горьковато-сладким запахом, смирна — целебной смолой.

Целебной. Я направился в «Бутс».

— Ладан? Кто его производит? — спросила леди в отделе парфюмерии.

Ладно. Есть ведь и другие аптеки. Я пошел туда.

Бристольские аптекари молодцы.

Они выслушивали просьбу о ладане и невозмутимо отвечали:

— Простите, сэр, мы его не держим.

Один, правда, сказал:

— Господи.

Мне порекомендовали обратиться в Ассоциацию британской фармацевтической промыш-

ленности.

— Что? А. Серьезно? Мы вам перезвоним, — сказали мне там. И перезвонили:

— Вы поставили нас в тупик. Смирна, оказывается, используется для зубных эликсиров. Возможно, вы найдете ее в старомодной аптеке.

Зубной эликсир звучал как-то не слишком подходяще, но я попробовал. Я обнаружил некого мистера Пью-Джонса, аптекаря с Вест-стрит в Бедминстере.

— Сейчас на такие вещи спроса нет, — объяснил он, — мы продавали смирну до войны. Может быть, немного еще осталось, но вряд ли я ее найду.

Я начал думать, что дело во мне. Что мне не хватает стиля, и поэтому люди не понимают, чего я хочу.

Так что я отправился в Центр искусств Бристоля и потребовал, чтобы меня незамедлительно превратили в восточного принца.

Одеяние это явно принадлежало еще Ироду. Я сказал, что я не сноб.

— Не так и плохо, — решила заведующая костюмерной, оглядев меня, — в конце концов, им пришлось проделать длинный путь.

Бристольские торговцы тоже молодцы. Никто

не обратил внимания на восточного принца, поднимающего подол при переходе через лужи.

Вот что случается с волхвом, который пытается купить золото в Бристоле…

Если он направляется в Банк Англии, то попадает в руки милого молодого человека и скоро узнаёт, что нет смысла пытаться купить золото только потому, что вам его хочется.

Ему говорят:

— Не хотелось бы вас расстраивать, но это худшая из возможных причин.

Если он действительно мудр, он сдается. Форма выглядит очень зловеще. Примерно треть букв в ней — прописные, и она полна фраз типа «НЕВЫПОЛНЕНИЕ УСЛОВИЙ».

Если он настойчив, он зайдет к нескольким ювелирам, как я и сделал. Мне показали тяжелое золотое кольцо для салфеток, и я его чуть не купил, но всё же пришел в себя.

Не удалось, короче. Золота, ладана и смирны нигде не найти. В следующем году куплю набор конфет.

Если бы волхвы оказались в Бристоле, их верблюдов эвакуировали бы за неправильную парковку.

Но они, разумеется, через Бристоль не пошли.

Они же были мудрецами.

Милая, у этих пчел было золотое сердце

Bath and West Evening Chronicle, 24 апреля 1976 года

В этой газете я был помощником редактора. К тому времени я уже несколько лет работал журналистом. Здесь всё еще пользовались свинцовым наборным шрифтом, как в старые добрые времена, и это меня очаровывало. Без горячего набора настоящая журналистика невозможна. В любой газете нужен человек, который умеет писать — не только статьи, но и всё остальное. Так что я вполз на это местечко и получил сарай на крыше, где можно было кормить птиц. А еще мне платили за эти зарисовки — в основном из сельской жизни.

Список покупок, который я привез в Лондон, был короток. Золото. Я его достал. Но это плохое начало.

Майкл Айртон, скульптор, романист, художник и гений, умер не так давно. Я дважды с ним встречался. Я не знаю другого человека, чья смерть

повлияла на меня так же сильно.

Он написал книгу «Создатель лабиринта» о жизни полумифического ремесленника Дедала, отца Икара и создателя крыльев — в этой книге они оказались примитивным дельтапланом, — которые стали причиной эффектной смерти его сына, бросившего вызов солнцу.

Не думаю, что эта книга была бестселлером, но многие люди перечитывают ее по многу раз.

Так или иначе, одним из достижений Дедала считаются отлитые из золота соты. В своей книге Айртон размышляет о том, как это проделать.

Для отливки металла можно сделать восковую модель, заключить ее в гипс, растопить воск и заполнить пустоты. Соты — своя собственная восковая модель. Возможно ли это? Описание было таким интересным, что я решил попробовать.

Дедал украсил свои соты золотыми пчелами. С мертвыми насекомыми можно поступить так же, как с воском, и сжечь содержимое гипсовой формы в пепел.

Стоял ноябрь. Я записался на вечерние курсы по ювелирному делу, которые дали мне возможность купить золото. Золото! Его продают в маленьких лавочках в Лондоне, разукрашенное, как металлическую колбасу. Я купил достаточное

количество (достаточное, чтобы увидеть невооруженным взглядом с близкого расстояния) и еще сколько-то серебра. С серебром всё просто, оно продается свободно, как конфеты, это золото покрыто мраком тайны.

Была зима, но ассоциация по изучению пчел пришла мне на помощь, обеспечив меня коробком мертвых насекомых, куском сот и увлеченными пожеланиями успеха.

Я сделал из воска пирамидку и положил сверху пчелу, придав ей позу летящей. Пинцетом и раскаленной иглой прижал крошечные восковые нити к усикам и крыльям, чтобы раскаленный металл заполнил каждую полость.

Потом я заключил ее в глиняный кокон, запек его до красного цвета, расплавил в тигле кусочек 22-каратного золота, раскрутил всё это в центробежной литейной машине и бросил отливку в ведро с холодной водой. Она взорвалась. Из кипятка мы достали золотую пчелу с фасетчатыми глазами, с идеальными крыльями, с полными — золота — корзиночками для пыльцы. Еще два дня ушло на то, чтобы освободить ее от золотых заусенцев и остатков глины.

А потом я ее расплавил. А почему нет? Мне было нужно золото. После некоторых уговоров

я получил в Лондонском зоопарке штук пять саранчи — еще дюжина вылетела наружу, когда я вошел в маленькое помещение под инсектарием, где разводят саранчу для насекомоядных. Там сущий «Куотермасс и колодец». Впрочем, беглецы не смогут опустошить страну. В Британии они не размножаются.

Саранчу я отлил в серебре. Музей естественной истории пожертвовал мне четырех мертвых кузнечиков. Задние ноги золотых кузнечиков можно использовать в качестве пилы — один раз с бронзовым кузнечиком так и поступили, кстати. Из серебра я отлил соты, несколько квадратных дюймов. Несколько дней я заполнял их серебряным медом. И наконец пустил золото на еще одну пчелу, которая всё это время оставалась вне досягаемости тигля.

У меня всё получилось, и я стал экспертом в превращении насекомых в золото. Проблема в том, что потом я бы неизбежно начал повторяться, так что я прекратил. Но по крайней мере я точно знал, что это возможно.

Майкл Айртон тоже это сделал. Когда я с ним встречался, я увидел золотые соты, которые он сделал по запросу богатого читателя. На них сидели семь золотых пчел — лучшие пчелы из сорока

попыток. Вся эта штука стоила, думаю, тысячу фунтов (в то время). Новый владелец поставил соты в траву у своих ульев, и пчелы слетались на них. Я всё думаю, приносили ли они туда мед и был ли этот мед особенно сладок.

Грибы поют, пора вставать

Bath and West Evening Chronicle, 2 октября 1976 года

Думаю, я был одним из первых, кто начал работать из дома. Я оценил работу, которую делаю, и необходимость находиться в каком-то месте, и сказал начальнику, что мог бы каждую неделю брать по одному отгулу и получать немного меньше денег. Я ехал домой на мопеде, и это было отличное время. Я тогда только что стал отцом. Денег у нас было немного меньше, чем раньше, зато времени, проведенного вместе, — гораздо больше.

Песня гриба разбудила меня. Я оделся на ощупь и пробрался вниз, потому что включать свет в пять утра как-то неправильно.

Мимо кошки, задремавшей на стуле, мимо последнего полена, рассыпающегося в пепел. В саду орет петух. Чертова птица все-таки заметила свет в кухне. Где этот бумажный пакет?

На улицу, мимо спящих домов, стараясь ступать по траве, потому в этот час ботинки слишком громко топают по дороге. Возможно, меня всё

равно заметили (отец как-то рассказывал, что пытался поставить новое ветровое стекло на свой старый «Сингер» — в кустах, на заросшей травой дорожке. Стекло не подошло. Когда вечером отец пришел в паб, человек с другой стороны деревни ухмыльнулся и спросил: «Не подошло, да?»).

Туман клубится над полями, как клише, идти примерно полмили. Под ногами скачут кролики. Кто-то покрупнее — может быть, бегемот — ломится через подлесок.

Вдоль лесной дорожки стоят группы навозников. Это грибы, которые со временем растекаются черной слизью. Но они съедобны и довольно вкусны, а невежественные массы их, слава богу, игнорируют. Так что у меня нет конкурентов, я могу собирать их и есть большими тарелками, как положено есть грибы.

Но сегодня поиск грибов больше напоминает охоту на фазанов. Добыча неуловима, она ускользает, она ведет себя, как дар богов.

За зарослями ежевики маленькое туманное поле. Оно кажется чисто зеленым, пока не настроишь зрение и не начнешь выглядывать нужную траву.

Как только глаз привыкнет, грибы начнут зажигаться в траве, как звезды.

Берешь один, и тут же раздается тихое покашливание. Никакой агрессии. Просто вербальный позывной. На поле есть кто-то еще. У него пластиковый пакет.

Пару мгновений мы смотрим друг на друга, а потом возвращаемся к своим делам, иногда подозрительно поглядывая на соперника. Он в деле разбирается — не трогает маленькие пимпочки и гниющих гигантов, берет только крепеньких розовых подростков. По-настоящему спелые грибы тоже довольно вкусны, если у вас крепкий желудок. Два года назад я разведал поле, поросшее огромными луговыми шампиньонами. Я снял с себя рубашку и набил ее грибами, но меньше их не стало.

Через несколько минут я набираю достаточное количество. Мой одинокий соратник проходит мимо меня, направляясь к перелазу на другой стороне поля. Мы киваем друг другу. Разговоры среди грибов в половине шестого утра — кощунство.

И обратно домой, делая две остановки, чтобы оставить немного грибов под дверями самых любимых соседей. К этому моменту несколько навозников уже лопнуло в сумке. Жаль их терять.

Радостные мысли мешаются с грустными. Ра-

достные о том, что впереди завтрак из грибов и больших тугих помидоров. Грустные о том, что где-то есть грибные поля, которых я никогда не увижу и о которых никто не знает. Даже пальцы холодеют.

После завтрака небо сереет, в соседних домиках зажигается свет. Чьи-то резиновые сапоги топают по дороге — этот человек считает, что идет за грибами. Скорее всего, он заглянет на ближайшее поле, которое фермеры посыпают удобрениями из пакетов, и скажет, что год опять не грибной. Нужно смотреть в оба, когда песня грибов слышится в ночи.

Предисловие к роману Дэвида Лэнгфорда «Прохудившийся аппарат»

Январь 2001 года

Эта вещь говорит сама за себя. Мы оба работали там, где сталкиваются наука, инженерное дело и бюрократия.

Как пресс-атташе, то есть человеку, ответственному за скорейшее распространение информации, мне было запрещено прикасаться к печатной машинке. Предполагалось, что я пишу свои релизы от руки и отсылаю машинисткам, которые возвращают мне их на следующий день. За этот срок ситуация со средним атомным реактором уже может оказаться освещена достаточно ярко, так что я всё печатал сам, и мне никто не возражал.

Если подумать, это была отличная работа для любителя научной фантастики. После Чернобыля не было таких вопросов, какие местные «Шапочные знакомые Земли» не задавали бы репортерам. Сможет ли ваша атомная электростанция пережить ледниковый период? Нет? А почему? (Ответ: потому что ледник в две

мили высотой, слизывающий целый континент, немного мешает работе.) Разве не позорно, что под парковкой электростанции проходит геологический разлом? (Ответ: не очень. Он длиной примерно двести футов и находится тут уже шестьдесят миллионов лет.)

Одной из моих странных задач было сопровождение исследователей с телевидения или из кино, которые бродили по станции и искали там признаки будущих драм. Я приводил их к ростверку реакторного отделения, и они разочарованно оглядывались, не видя зеленого дыма. Я говорил, что зеленый дым не обязательно сопровождает работу ядерного реактора, но они мне не верили. Для съемок они приносили его с собой. И огромные панели, по которым бегают молнии, тоже — у нас их не было. Вообще какая-то дурацкая у нас была электростанция. Совсем непохожая на настоящую.

Я проработал там восемь лет. Это отличная работа, если у вас хватает чувства юмора.

Насколько я понимаю, «Прохудившийся аппарат» очень близок к реальности.

Я ненавижу Дэйва Лэнгфорда за то, что он написал эту книгу. Это я должен был ее написать. Этого от меня хотел Господь.

Бóльшую часть восьмидесятых годов я провел (это вовсе не то же самое, что работать) в промышленности, связанной с использованием ядерной энергии в мирных целях, а точнее, в целях выработки дешевого и безопасного электричества (если я правильно помню свои тексты). Дело было в Юго-Восточной Англии.

Реакторы почти никогда не взрывались. Я был пресс-атташе, так что вы можете мне поверить. Но им и не надо было взрываться. Некий малоизвестный компонент ядерной радиации делает так, что жизнь любого человека, имеющего дело с публичным обликом индустрии, становится очень странной. Я всё время работал с Дэйвами Лэнгфордами. Пришлось. Я знал всё о словах, а они — об уране. Они были отличными ребятами и воспринимали вселенную совсем по-другому.

Если обычный человек попадал на электростанцию и оказывался слишком радиоактивным, чтобы подпускать его к реактору, они давали мне советы. Если мне приходилось работать с новостным сюжетом о пикси, который уничтожил атомную электростанцию, они опять же давали мне советы. Ученые с извращенным чувством юмора очень полезны для вашего образования, если верить только половине того, что они вам

говорят (хотя, если подумать, то процентам тридцати. Я никогда всерьез не использовал фразу: «Выделилось так мало радиации, что ее с трудом можно было увидеть невооруженным глазом»).

Они выдают цифры, согласно которым солнце генерирует слишком сильное лазерное излучение и людям нельзя выходить на улицу по санитарным нормам. Или другие цифры, измеряющие фоновое излучение гранита. Эти цифры говорят, что работникам атомной индустрии можно ездить в Корнуолл только в защитном костюме. А слова «три совершенно независимые отказоустойчивые системы» я никогда не смогу слушать без смеха.

На этой работе я познакомился с государственной службой. Каждые шесть месяцев приходил человек и проверял, не выбросил ли я еще древний калькулятор с четырьмя функциями, который получил при найме. Стоил он, может, пенсов десять. Некоторые из Лэнгфордов печатали свои отчеты на личных текстовых процессорах, а потом вздыхали и, как того требовали правила, отправляли распечатки в машинописное бюро. А один человек как-то вошел в ядерный реактор и… ладно, об этом я умолчу, потому что вы всё равно не поверите. Или тот случай с уборной.

Неудивительно, что такой конфликт образов мысли создал «Прохудившийся аппарат» (конечно же, там речь идет о совсем других ядерных комплексах, не тех, где работал я. Там не предполагалось, что что-то будет взрываться). Эта книга — практически документальная. Я читал ее и ужасался между взрывами смеха. Этот человек сидел на тех же самых собраниях. Он работал с такими же людьми! Проводил такие же дни открытых дверей! Реальность просто стекала со страниц! Именно эту книгу я планировал когда-нибудь написать. Но больше я написать ее не мог. А потом я дошел до конца и… возможно, сад Дэйва Лэнгфорда выдержит проверку Комитета по вопросам здравоохранения и безопасности. Больше я ничего не скажу.

Я ставлю эту книгу в один ряд с «Оловянными солдатиками» Майкла Фрейна, еще одним недооцененным классическим романом. Я много лет ждал, что его переиздадут. Это одна из тех книг, которую ты покупаешь в нескольких экземплярах, потому что ее постоянно берут почитать друзья. Она очень смешная и очень реалистичная.

Я надеюсь, что она будет страшно успешной. И с радостью оставлю планы написать свою

книгу на эту тему. В конце концов, меня греют воспоминания. И, кстати, огромная, серебристая и удивительно тяжелая кружка, которую мне подарили на прощание.

Что для меня значит Рождество

Western Daily Press (Бристоль), 24 декабря 1997 года

Ровно через двадцать семь лет после поиска ладана в Бристоле я написал о Рождестве для «Вестерн дейли пресс». Снова.

Я не принадлежу ни к какой религии и не верю ни в какого метафизического Санта-Клауса, как бы его ни называли, и я все-таки люблю Рождество.

Но я чего-то не понимаю. Мне кажется, что все одержимы идеей раздобыть Тинки Винки Спайс, хотя в феврале его можно будет купить за пятерку.

Я подозреваю, что родители, которые бродят от магазина к магазину в поисках правильного телепузика или экшен-мена, просто повторяют древние ритуалы охотников и собирателей. Они пробуждают в людях что-то изначальное.

В своей последней книге в мягкой обложке, «Санта-Хрякусе», я размышлял о традициях праздника середины зимы. Нужно быть совсем отбитым христианским фундаменталистом,

чтобы отрицать очень старую традицию праздновать возрождение солнца.

Даже сейчас, когда дома отапливаются централизованно и мы отделены от «великого природного цикла», мы всё равно стонем, что ночи становятся длиннее. Нам нужно Рождество.

Мне сорок пять лет. В моем детстве Рождество было огромным праздником. В это время мы получали то, чего не могли себе позволить обычно. Но сейчас многие люди роскошно живут весь год, и Рождество уже не так важно.

Но всё равно праздники сохраняют свое значение. Если вы работаете сами на себя, как я, прекратить работать часто бывает сложно. Если ваш офис находится рядом со спальней, очень легко забрести туда и начать писать. Субботы и воскресенья становятся самыми рабочими днями, потому что звонят вам гораздо реже.

Одна из причин, по которой я люблю Рождество, в том, что оно позволяет не работать целую неделю. Можно сделать переучет.

Да, я согласен, что Рождество излишне коммерциализировано. Что хорошего, когда рождественские товары появляются в магазинах уже в начале октября?

Для некоторых магазинов Рождество — это всё.

Возьмите, например, книжные. Они живут ради Рождества. Даже если бы они открывались первого декабря и работали двадцать четвертого, это, возможно, дало бы им средства к существованию на всё остальное время. Они становятся храмами этих магазинных святых, святого Майкла и святой Делии.

Но хорошего всё же больше, чем плохого. Благотворительность в это время года отлично работает. Даже если бросите в ящик пару монеток в декабре, это всё равно лучше, чем не дать ничего за весь год.

И мне нравится история Рождества. Она добрая и больше не включает в себя убийство детей. Школы теперь должны быть политкорректными, а учителя не могут быть уверенными в том, что родители их учеников — христиане.

В нашем светском обществе нет другого праздника, которому мы могли бы порадоваться посередине зимы. От дня Блэра и всякого такого тепло на душе не становится.

Это Рождество наша семья проведет, как обычно. Мы разожжем огонь в камине, приготовим индейку и что-нибудь вегетарианское. Мне будет хорошо. Какое-то время я считал, что гораздо круче не радоваться и рассказывать, что это всё

коммерческое предприятие, но потом решил, что это же всё равно весело.

А теперь я думаю, что я больше не должен быть крутым. Так или иначе, во время праздника середины зимы всегда предавались излишествам, от целого кабана до запеченной в печи индейки. А если вам позарез надо, празднуйте Рождество как захотите.

Да и коммерция не так уж плоха. В конце концов, волхвы же принесли подарки, хотя в магазинах были толпы и им пришлось толкаться за смирной.

Вся эта шумиха заставляет людей быть добрее друг к другу. Они перестают друг от друга отгораживаться и становятся дружелюбнее. Ну и что, что только на Рождество? Раз в год лучше, чем никогда.

В моей семье действует пакт о ненападении. Мы стараемся покупать друг другу небольшие, но продуманные подарочки. У Санта-Клауса лучше просить пару тапочек, чем мир во всем мире. Их, по крайней мере, можно получить.

Веселые бородатые толстяки не отвечают за мир. Этим нам придется заняться самим. И в это время года лучше всего начать с собственных соседей.

Инопланетное Рождество

1987 [Послеобеденная речь, последовавшая за «Рождественским обедом» на «Бекконе] 87-го года… он же банкет перед награждением на Истерконе-1987]

Мечтаю о белом Рождестве…

Это, наверное, не очень изящно, но мне кажется, что десять вечера на банкете на британском конвенте (там ПЬЮТ) — не время для Оскара Уайльда. Я не знаю, произнес ли я эту речь, но что-то я явно сказал, потому что надо мной смеялись.

Отличная идея, как мне кажется. Гораздо приятнее праздновать Рождество сейчас, а не в конце декабря, когда в магазинах столько народу. Напоминает те ролики о королевском Рождестве, которые показывали по телевизору во всем Содружестве наций в пятидесятых. С обязательным кадром с пляжа Бонди, где австралийцы едят креветок, индейку и рождественский пудинг. В песке всегда торчала елка, украшенная чем-то, что сейчас мне кажется похожим на рвоту.

На прошлой неделе мне досталось предска-

зание из печенья со словами «Вы едок». Круто, подумал я. Люблю ролевые игры, едоком никогда не был, интересно, сколько у него хитов.

А потом я увидел внизу приписку, что в 2200-м я был Тем, кто произносит речь после обеда. Этого монстра можно найти только в самых жутких подземельях, он рыскает по ним в белой рубашке с жабо и ищет публику. Три часа спустя приключенцев находят умершими от скуки, с заледеневшим кофе и растаявшими мятными конфетами.

Тут я вспомнил, почему забросил «Драконов и подземелья». Там было слишком много монстров. В старые добрые времена можно было обойти всё подземелье и встретить разве что пару орков и ящеролюдей, а теперь все стали изобретать своих монстров, и очень быстро без магического меча стало не обойтись. Теперь, чтобы стать настоящим приключенцем, нужен был пятнадцатитомник Маркуса Роленда о монстрах и умение очень быстро читать, потому что если вы не опознаете монстра с первого взгляда, скоро получите шанс полюбоваться на него с другой стороны миндалин.

Короче, предполагалось, что я должен поговорить об инопланетном Рождестве. Это удобно,

потому что я люблю знать, от какой темы мне лучше держаться подальше. Я попробую. Хотя в свое время я совершил немало дурного, всё же, слава Господу, я никогда не был фанатом «Семерки Блейка».

И вообще Рождество всегда довольно странное. Это, конечно, забавно, но на всех картинках у Санта-Клауса в мешке одни и те же игрушки. Мишка, кукла, барабан и деревянный паровоз. Иногда еще парочка красно-белых полосатых конфет. Одному небу ведомо, почему, но в магазинах их никогда не бывает. Если ребенок попросит на Рождество деревянный паровоз, значит, он живет на дне бездны на необитаемом острове и никогда не слышал о телевидении. На последнее Рождество моя дочь получила кучу игрушек, в том числе машинок и самолетов, и, понимаете, все они были роботами. Не простыми роботами. Я отлично знаю, как выглядят роботы, у меня у самого в детстве был один. Было сразу понятно, что это робот, у него в груди вращались две шестеренки, а глаза загорались при повороте ключа. Ваши, наверное, тоже загораются. И волшебный робот у меня был. У нас у всех он был, кажется. Наевшись по горло самодовольным видом, с каким он вертелся на своем зеркале и раздавал

правильные ответы, мы просто меняли все ответы местами. Ну и сволочи мы были.

Новые роботы провоцируют. Они работают под прикрытием. Вокруг нас идет какая-то война роботов. Я еще не до конца выяснил подробности, но дети прекрасно об этом осведомлены. Кажется, хороших роботов можно отличить от плохих, потому что у хороших роботов человеческие головы, как в той сцене в «Сатурне-3», помните, где робот решает, что лучший способ стать похожим на человека — оторвать кому-нибудь голову и нацепить ее на свою антенну. Они похожи на игроков в американский футбол, врезавшихся в «Фольксваген».

Они заняты тем, что спасают вселенную от других роботов. Спасение вселенной состоит из постоянных битв на огромных лазерах. К моменту спасения вселенная выглядит довольно потрепанной, но, ей-богу, она спасена.

В общем, ни один из ее подарков не выглядел как полагается. Был там набор пластиковых камней, которые оказались Каменными лордами с милыми каменными именами вроде Булыжник. Да, опять чертовы роботы.

Единственной рождественской вещью в нашем доме оказался вертеп. Я совершенно не уверен,

что при нажатии кнопки он бы не трансформировался, а Мария и Иосифоид не полетели бы на войну с тремя Волхвоидами.

Страннее всего был, конечно, Краак, князь Тьмы. Он обошелся в 14 фунтов 95 пенсов — неплохая цена за князя тьмы. Он Зоид, наверняка с планеты Зоид в галактике Зоид. Даже если сами фигурки хороши, сюжет никуда не годится — это фантастический эквивалент гамбургера из «Макдоналдса». Но старый Краак мне по нраву, потому что на его сборку мы потратили только одно рождественское утро. Он сделан из красно-серого пластика, истинное торжество полистироловой технологии, и похож на курицу, умершую месяца три назад. Если сунуть в его роботизированную задницу две батарейки, он начнет терроризировать вселенную, как сказано в рекламе. Вот как он делает: проходит примерно девять дюймов о-о-о-очень ме-е-едленно и мучительно, дергая десятками маленьких пластиковых отростков, а потом падает.

Инстинкт выживания Краака заставил бы камикадзе вести себя как Человек — Зеленый-крест. Не знаю, как выглядит планета Зоид, но Крааку сложновато ходить по обычному ковру. Неудивительно, что вселенная в ужасе. Очень страшно,

когда тысячетонный боевой робот падает на тебя и лежит, продолжая размахивать крошечными лапками. В этот момент очень хочется покончить с собой. Есть у него и еще одно зловещее оружие: голова у него отваливается и закатывается под диван. Очень страшно. Мы пробовали его в бою против Зоидов, и, судя по всему, основной боевой прием гигантских роботов — рухнуть под ноги сопернику, чтобы он споткнулся. Это сложно, потому что природный инстинкт любого Зоида велит ему падать, как только ты убираешь от него руку.

Но даже Краак не идеален по сравнению с роботом, которого нам гордо продемонстрировал соседский мальчик. Кажется, это был трансформер. И это не какой-нибудь один самолет или грузовик, это целая группа машин, которые, когда надвигается катастрофа, складываются в одну огромную боевую машину. В теории. Мне кажется, что когда настанет момент истины, чертова штуковина отправится в бой полусобранной, потому что ее торс только что приземлился в Гатвике, а левая нога застряла в пробке где-то под Лутоном.

Мы недавно смотрели «Санта-Клауса». Кто-то еще видел этот фильм? Он жуткий. Есть только

один смешной момент, где оленям дают кокаин, чтобы они летали. Неудивительно, что у Рудольфа красный нос — если половину времени из него торчит соломинка.

Короче, там показывают мастерскую Санты. Как я и думал. Каждую чертову игрушку там делают из дерева и красят яркими красками. Очень может быть — полагаю даже, это неизбежно, — что если нажать на кнопку на лошадке-качалке или деревянной кукле, они превратятся в роботов. Но я в этом сомневаюсь. Я очень внимательно рассмотрел всю мастерскую и не увидел ни единой экструзионной машины. Ни один эльф, по-моему, не умеет держать в руках паяльник. Там не было никаких традиционных детских игрушек, ни Рэмбо, ни пластиковых Карате-Кидов, ни странных машинок для письма, из-за которых дети начинают говорить как диспетчеры НАСА с насморком и отставанием в развитии.

Вообще-то у меня есть теория на этот счет. Наверняка Отцов Рождество делают для каждой планеты по отдельности, и нам достался неправильный.

Думаю, что испытания атомного оружия в начале пятидесятых замкнули, ну, ткань пространства и времени и привели к этому. Засекреченные

испытания на Северном полюсе пробили дыру между измерениями, и все игрушки, которые делает наш Отец Рождество, улетели на Зоид или куда там, а мы получили его игрушки. Поскольку он пластиковый робот, он умеет делать только один тип подарков.

Кому действительно приходится нелегко, так это детишкам с Зоида. Они просыпаются рождественским утром, отключают себя от зарядки, ковыляют к изножью кровати, падая разок-другой, игриво пихают друг друга своими смертельными лазерами, заглядывают в съемные корпусы нижних оконечностей и что же они там видят? Может быть, веселые и интересные орудия убийства, которых они имели все основания ожидать? Нет. Деревянные поезда, барабаны, тряпичных кукол и странные кривые сахарные трости, какие в реальной жизни никогда не встречаются. Игрушки, работающие без батареек. Игрушки, которые не надо собирать. Игрушки, покрытые лаком, а не пластиком. Инопланетные игрушки.

Та же самая удивительная двусторонняя дыра во времени приносит нашим детям всё остальное. Странные пластиковые фигуры властителей вселенной, которые делают с воображением то же, что наждачка с помидорами. Инопланетные

игрушки. Возможно, это делается специально, чтобы превратить детей в Зоидов. Как поется в песнях, лучше смотреть в оба.

Но мне не кажется, что это сработает. Я заглядывал в кукольный домик дочери. Старый Краак обретается там с тех пор, как у него сели батарейки, а мегапушки отвалились. Мистер Т. жил там пару лет, когда обнаружилось, что ему подходит одежда для Барби, а пластиковая женщина-кошка нашла приют в ванной.

Я не знаю почему, но это внушило мне надежду. Краак пил чай с механической собачкой, тремя куклами и двумя супергероями. И он никого не пытался разорвать. Что бы ни делал Санта-Клаус, мы всё равно победим.

А теперь мамы и папы будут уводить вас домой. Не забудьте взять с собой шарики и конфеты. Не забывайте, что скоро Отец Рождество принесет подарки всем мальчикам и девочкам, которые хорошо себя вели.

«Космическая одиссея 2001 года»: ожидание и реальность

Sunday Times, 24 декабря 2000 года

Журналисты в Великобритании, а вообще-то и во всем мире, с трудом отличают авторов фэнтези от авторов научной фантастики. В их блокнотах я записан как «можно спросить про НФ». Когда на знаменитом марсианском метеорите ALH84001 обнаружили что-то, что могло оказаться следами жизни, за комментарием пришли ко мне. Правда, с учетом того, что у них было примерно двенадцать секунд на мои слова, это ничему не помешало. В течение двенадцати секунд экспертом может быть любой человек, учившийся на журналиста.

Этот текст меня попросили написать по похожим причинам. Теперь я могу немного его отшлифовать. Вся техника успела сильно — или несильно — устареть. В этом проблема будущего. Оно не живет долго. Впрочем, это журналистика, а она не обязана вечно оставаться верной. Только до завтрашнего утра. Но мне понравилось это писать.

Бам… БАМ… БААААМ! (дин-дон-дин-дон-дин-дон дин… дон…)

Таких фантастических фильмов еще не снимали. Да и приблизились к этому уровню немногие. Тут не видны были никакие веревочки. Всё выглядело, как положено. Даже диалоги работали, хотя порой создавалось ощущение, будто герои пытаются продать друг другу страховку. Они не говорили: «Сдохни жуткой смертью!» Они говорили: «Как поживает ваша очаровательная дочь?»

И с научной точки зрения всё было отлично. В космосе было тихо и просторно. Он был полон жуткой удушающей тишины и звуков человеческого дыхания. Это было великолепно. Нас зачаровал фильм, несколько минут мы просто смотрели, как космический корабль причаливает к космической станции. Никаких взрывов, никаких чужих, никаких выстрелов. Просто… величие. И технология, отточенная до стадии балета.

Эх.

Я помню этот космический корабль. В те времена у нас были настоящие космические корабли, не то что сейчас.

Если подумать, сейчас их не так и много. Я вырос, думая, что увижу первого человека на Луне.

Мне и в голову не могло прийти, что последнего я тоже увижу. Мы думали, что на Луне будет база. А оттуда мы полетим на Марс.

В 1968 году будущее было другим. Оно было чище, людей там было гораздо меньше. И еще оно казалось… старомодным. Мы думали, что будущее понесет нас вперед, как огромная волна. Мы думали, что увидим ее. А вместо этого она затекает нам под ноги и постепенно доходит до ноздрей, пока мы заняты другими делами. Мы живем в научно-фантастическом фильме и сами этого не замечаем.

Да, базу на Луне мы не выстроили. Потому что космическая гонка оказалась только безумным придатком международной писькомерки. Поэтому исследование космоса мы оставили летающим наборам лего, а сами заполонили орбиту скучными спутниками, которые делают всякие скучные вещи.

Помните трансатлантические телефонные звонки? Обычно они происходили на Рождество, требовали огромной суммы денег и долгих технических переговоров. А потом мы еще кучу времени тратили на вопрос: «У нас темно, а у вас?», и долго удивлялись, что в одно и то же время времени может быть два. А недавно я

позвонил домой, пока гулял по австралийскому Перту — спросил, как поживает кошка. Я просто набрал номер. Ничего интересного. Даже не спросил, темно ли у них.

За цену очень дешевого видеомагнитофона теперь можно купить маленькое GPS-устройство, которое поможет найти нас в любой точке планеты. Вы читали «Долготу»? Чувствовали волнение человека, пытающегося определить, где он находится? А теперь маленькая черная коробочка справляется с этим куда лучше любого специалиста с секстаном и хронометром. Скучно. Даже моя машина знает, где находится, и приятным голосом — примерно как сестра ЭАЛа — ведет меня по Суиндону. Больше мы никогда не потеряемся.

А прогнозы погоды вы помните? Они больше походили на лотерею, чем на более-менее точное описание того, что случится.

Скука, скука, скука. Научная фантастика стала правдой — Артур Кларк оказался убедительным и проницательным адвокатом спутниковой технологии — и превратилась в рутину. Мы держим в руках мощь, о которой великие императоры могли только грезить, и говорим: «О, в “Диксонсе” распродажа, всего шестьдесят девять девяносто пять».

Что же теперь не так в фильме «Космическая одиссея 2001 года»? Вовсе не надпись Pan Am на борту космического корабля. Компании приходят и уходят. И даже не Леонард Росситер, который ходит по кораблю в черно-бело-вишневом, как в шестидесятые. Проблема в отсутствии клавиатур.

Доктор Хейвуд Флойд — достаточно важный человек, чтобы иметь собственный лунный шаттл. Однако он пишет ручкой. Где его портативный компьютер? Где гарнитура? Вы хотите сказать, что он не постоянно на связи? Почему он не орет: «Алло! Я на шаттле!»? А что это за видеофон компании «Белла»? Что? Вы хотите сказать, что у них по-прежнему есть телефонные будки?

Я не сразу соображу, сколько компьютеров у нас есть, но самое удивительное — то, что три… нет, четыре… да нет, пять настоящих чудес техники по стандартам шестидесятых пылятся в шкафу или разобраны на запчасти, потому что они безнадежно устарели. У меня, как и у многих людей, есть несколько ящиков, набитых новейшими технологиями, которые мгновенно потеряли всякий смысл. Даже я — а по возрасту я мог бы уже быть дедушкой (я бы говорил детям: «Видите Луну в небе? Мы там побывали») — пользуюсь

ими более-менее непринужденно. Я вырос, читая о них. Но я страдаю от другого проявления футурошока. Меня удивляет, что у нас до сих пор нет хорошей системы распознавания голоса. Хотя бы такой, как у ЭАЛа.

Научная фантастика предсказала эру компьютеров. Если вы достаточно глубоко закопаетесь в старые журналы, вы рано или поздно обнаружите, что она предсказала что угодно. Если швырнуть в доску тысячу дротиков, несколько штук обязательно попадет в мишень. Есть даже несколько упоминаний чего-то, похожего на Интернет. Но удивительнее всего оказалось то, что компьютеры используют не новые сверхлюди, а всё те же самые старые глупые человеческие существа, какими мы всегда были. Они — в основном — пользуются технологиями вовсе не для получения образования. Они смотрят порно, играют в игры, болтают и совершают кражи.

Мы всё делаем неправильно. Мы получили все эти новые технологии и плохо с ними обходимся. И это к лучшему, потому что сама мечта выглядит как-то подозрительно. Это всемирное сообщество, если вы знаете американский английский. Это отличный бизнес-инструмент, если вы в правильном бизнесе — в том, который не приносит

ничего, кроме убытков. Это объединяет людей, если ваша идея о социальном взаимодействии — корзина, полная спама от людей, обладающих социальными навыками дохлой свиньи. Это отличный способ образования, если вы хотите научиться вставлять чужие работы прямо в свои рефераты.

Мы — электронные питекантропы. Мы проснулись на заре электронной эры и увидели в светлеющем небе огромный черный прямоугольник. Мы тянемся к нему с вопросами: «А ВАП тут работает? А переспать с ним можно? А другой цвет есть? А так дешево потому, что в следующем месяце выходит «Монолит-2» со встроенным электронным помощником? А переспать-то с ним можно? Видите, тут написано: “Заработайте миллион, сидя на заднице”? А, а бить этих свиней по голове можно? А переспать с этим, кстати?»

Как и питекантропы, которые впервые видят палки, камни и огонь, мы часто тычем сами себя в ногу, случайно роняем камни на детей, пытаемся переспать с огнем и так далее. Нам еще нужно научиться с этим обращаться.

Куда нас это заведет? Мы не знаем, потому что мы снова стали питекантропами. А если питекантропы попытаются предсказать будущее, они

придумают разве что свиней побольше.

Мы не знаем, что нам принесет новая волна технологий, потому что она пока достает нам только до колен и мы не привыкли к ней. Так что мы постоянно пробуем и отбрасываем идеи. Читать книги с экрана? Кажется, это нам не подходит. Но уже появилась электронная бумага. Может быть, вы предпочли бы иметь на полке только одну книгу, которая выглядит как книга и листается, как книга, но при этом может стать любым из тысяч романов, который вы выберете с помощью маленькой клавиатуры на задней обложке? Но это тоже мысль питекантропа. Сейчас рождаются технологии, которые могут сделать нас равными богам. Хотя бы самым невзрачным.

В фильме обезьяночеловек бросает в воздух кость, которая не падает. Ему повезло. Мы швыряли тысячи костей, и они все падали — часто там, где мы их не замечали, часто на головы другим людям. Вода поднимается — на этот раз буквально. Всё больше и больше людей пытаются уместиться на всё меньшем и меньшем пространстве. Мы не убиваем планету. Она восстанавливалась после куда худших катастроф. Но кости всё еще падают, и мы можем не пережить их падения. Нам пока не хватает разума.

Даже без космических кораблей мораль фильма верна — так же, как была верна в том будущем. Обезьянолюдям надо научиться быть людьми. И неплохо было бы сделать это побыстрее.

Божественное мгновение

Mail on Sunday, 22 июня 2008 года. Подзаголовок: «Я постоянно создаю богов, а теперь думаю, что бог существует»

Я люблю мелких богов. Вроде Анойи. Мне кажется, что во Вселенной есть смысл. Что у нее есть цель. Может быть, она отличается от нашей цели, но мы всё же ее часть.

Когда я жил в Пенне, викарием у нас был преподобный Муспратт. Для священнослужителя он жил довольно роскошно — пожилые леди жертвовали ему довольно много денег и регулярно звали его на чай. Однажды он зашел через судомойню[12].

Мой отец привез из Бирмы статуэтку Будды, которая очень нравилась матери. Преподобный Муспратт указал на него и заявил, что это языческий идол.

Даже в то время я уже понимал, что любого, кто говорит с моей матерью в таком тоне, ожидают серьезные проблемы. Она скинула его

---

[12] Примечания: 12
В те дни у нас были судомойни. Мне они нравились.

с крыльца.

Я сам вроде как атеист. Потому что никогда не знаешь...

Ходят слухи, что я нашел бога. Я в этом сомневаюсь, потому что мне довольно сложно найти даже ключи, а у меня есть эмпирическое свидетельство того, что они точно существуют.

Но в недавнем интервью я действительно описал внезапное и неожиданное ощущение, которое пришло ко мне в один безумный день. Я вдруг почувствовал, что всё делаю правильно и всё вокруг происходит точно так, как должно. Это походило на воспоминание о голосе и поставлялось вместе с коротким моментом покоя. Я к такому не привык.

Как автор фэнтези я создаю свеженьких богов и философии примерно в каждой книге (особенно я доволен Анойей, богиней вещей, застрявших в ящиках, храм которой завален погнутыми взбивалками для яиц и лопаточками. В нашем мире она тоже существует). Столкнувшись с болезнью Альцгеймера, я стал посвящать свои долгие зимние прогулки попыткам понять, есть ли что-то, во что я действительно верю.

Ветхий Завет я прочел примерно лет в тринадцать и был в ужасе. Через пару месяцев после

этого я прочитал «Происхождение видов», слегка галлюцинируя, потому что болел в это время гриппом. Несмотря на это — или благодаря этому — мне всё показалось идеально логичным. Как только мне позволили выходить на улицу, я разыскал продолжение и сразу же понял, что Дарвину не удалось название. Если бы нашелся хороший публицист, который сказал бы, что «Восхождение человека» привлечет больше читателей, возможно, такой шумихи бы не было.

Эволюция показалась мне гораздо более захватывающей, чем библейская версия. Разве быть возвысившейся обезьяной не приятнее, чем падшим ангелом? Каждый день я находил новые свидетельства правоты Дарвина. Снова стать мартышкой не так уж сложно.

А вот Новый Завет мне понравился. Иисус говорил много полезных вещей, а что до его отца, о нем, по всей вероятности, заботилась община. Иначе как бы он работал с деревом — материалом, который в Палестине встречается редко?

Но я никогда не рассматривал два завета как единое повествование. Кстати, к этому времени я, изучая мифологию ради развлечения, наткнулся на «Фольклор в Ветхом Завете» Джорджа Фрэзера, слегка замаскированное оскорбление. К

четырнадцати годам я оказался слишком умен для собственного бога.

Понимаете, я никогда не мог найти ответа. Может быть, я задавал неправильные вопросы или был неправильным ребенком, даже в начальной школе.

Меня озадачивал церковный гимн, где пелось, что где-то есть зеленый холм «без городской стены». Что такого странного в холме без стены? Если бы кто-то мог мне это объяснить… Так и пошло. Объяснений мне никогда не давали.

Я спросил учительницу, что можно считать противоположностью чуда, и она, не раздумывая, сказала, что это божий промысел. Не говорите такие вещи ребенку, который вырастет и станет писателем. У нас хорошая память. Но я задал этот вопрос, потому что мама рассказала мне о двух семьях из лондонского Ист-Энда. Они жили в смежных домах. Дочь из одной семьи должна была выйти замуж за сына из другой, но ночью перед свадьбой немецкая бомба уничтожила всех членов обеих семей, которые оказались в домах. В живых остался только брат жениха, моряк, который приехал как раз вовремя, чтобы успеть разгрести обломки голыми руками. Как и многие другие мамины истории, эта сильно на меня

повлияла. Я думал, что это чудо. Оно выглядело точь-в-точь как чудо. Только… перевернутое.

Благодарил ли матрос своего бога за то, что бомба его миновала? Или проклинал за то, что она убила всю семью? И если благодарил, то не предавал ли он тем самым своих родных? Если Господь уберег одного, что ему мешало уберечь остальных? В конце концов, разве не бог за это всё отвечает? А почему тогда он так себя ведет? Он хочет, чтобы мы вели себя так, как будто его нет? (В детстве я очень ясно представлял себе Всемогущего. Он был во фраке, в полосатых брюках, с черными прилизанными волосами и орлиным носом. Я был довольно странным ребенком. Интересно, как бы сложилась моя жизнь, если бы в девять лет я повстречал хорошего священника?)

Примерно пять лет назад этот ребенок снова напомнил о себе. Я начал работать над книгой, которая вскоре вышла в свет под именем «Народ, или Когда-то мы были дельфинами». Она явилась мне во сне во всех подробностях.

Действие происходит в мире, очень похожем на этот, в дни извержения, очень напоминающего извержение Кракатау. Осиротевший тринадцатилетний мальчик взывает к своим богам, требуя ответов и не понимая при этом вопросов.

Он ненавидит богов слишком сильно, чтобы в них не верить. Ему пришлось похоронить всю семью, он не способен никого за это благодарить. Я наблюдал за его попытками создать новый народ и новую философию. В старости он говорит: «Создатель дал нам столько ума, чтобы мы смогли прийти к выводу, что его не существует»[13]. Лучше создать сейсмограф, чем поклоняться вулкану.

Я согласен. Я не верю. Я никогда не верил — только не в бородачей на небе. Но меня воспитали англиканином. Хотя поход в церковь никогда не значился в планах моей семьи на выходные, все десять заповедей исполнялись инстинктивно, и царила общая атмосфера разумности, доброты и порядочности. Про веру в доме никогда не говорили, но правильным поступкам учили на собственном примере.

Может быть, именно поэтому я никогда не отрицал религию. Я думаю, что она зачем-то нужна нам на каком-то этапе развития. Я не разделяю распространенную идею о том, что «религия — причина всех войн». Очевидно, что войны развязывают безумные, жаждущие власти ма-

[13] Примечания: 13
Цит. по пер. Т. Боровиковой (*прим. пер.*).

нипуляторы, которые просто прикрывают свои амбиции богом.

Среди моих друзей есть разные верующие. Кто-то из них молится за меня. Я рад, что им хочется это делать, правда рад, но, наверное, наука помогла бы лучше.

И что мне делать с голосом, который недавно заговорил со мной, пока я готовился к очередному интервью? Точнее, это было воспоминание о голосе, который сказал, что всё в порядке и идет так, как должно. На мгновение мир наполнился покоем. Откуда это взялось?

Из меня. Из той части каждого из нас, которая заставила меня замереть в восхищении, когда я впервые услышал *Spem in alium* Томаса Таллиса, и ощутить восторг тогда, в феврале, когда заходящее солнце окрасило вспаханное поле в ярко-розовый. Я верю, что именно это Авраам почувствовал на горе, а Эйнштейн — когда обнаружил, что $E=mc^2$.

Это мгновение, краткое озарение, когда вселенная раскрывается и показывает нам нечто, и нас охватывает чувство порядка, который больше небес и всё еще находится за пределами понимания Хокинга. Оно не требует поклонения, но, как мне кажется, вознаграждает за разум,

наблюдательность и пытливость. Я не думаю, что я нашел бога. Но, может быть, я видел, откуда боги берутся.

Настоящий рассеянный профессор

Вступительная лекция, прочитанная в Тринити-колледже в Дублине 4 ноября 2010 года

Мне нравится Тринити-колледж. Я надеюсь еще раз там побывать, хотя теперь у них всем заправляет кто-то новый. Профессор Дэвид Ллойд теперь заведует Университетом Южной Австралии, очень далеко от Дублина. Когда они предложили мне стать профессором, я спросил, не сошли ли они с ума.

Они ответили: «Мы же ирландцы».

Дамы и господа из университета, а также уважаемые гости.

К своему собственному удивлению, я обращаюсь к вам как ваш самый новый и самый сомнительный профессор. Совсем недавно я не мог даже написать слово «академик», а теперь стал одним из них.

Я приветствую вас как автор пресловутого Плоского мира, о котором больше тридцати лет пишет человек, сдавший только один экзамен А-уровня, и тот по журналистике, так что это не считается. Хотя, как ни странно, я порой

натыкаюсь на свидетельства того, что создаю академиков. За годы я получил множество писем от благодарных родителей, рассказывающих, что их сын — обычно это бывает сын — не брал в руки книг, пока не наткнулся на Плоский мир. Тогда он начал читать, как сам дьявол, а теперь учится в университете. Я ужасно смущаюсь, но и радуюсь, когда профессора говорят мне, что стояли в очереди за моим автографом в девятнадцать лет. Смущен, рад и чувствую себя очень-очень старым.

Сегодняшний вечер может стать для всех нас интересным экспериментом, потому что, дамы и господа, вы неожиданно обзавелись настоящим рассеянным профессором. Всем известно, потому что я приложил к этому много усилий, что я страдаю редкой формой болезни Альцгеймера, которая называется задней кортикальной атрофией. Я бы описал ее как топологическую версию традиционной болезни. Коротко говоря, у меня возникают топологические проблемы со сложными штуками, вроде вращающихся дверей с зеркалами, когда мне приходится долго думать, чтобы понять, вхожу я или выхожу. Хотя, честно говоря, я бóльшую часть жизни этого не понимал. Надевание трусов по утрам тоже было

проблемой, пока я не понял, что нужно перевернуть ситуацию с ног на голову и посмотреть на нее с другой стороны. Как и все разумные мужчины моего возраста, я ношу хлопчатобумажные плавки (надеюсь, вы записываете). Как бы я ни старался, шанс надеть их правильно с первого раза составляет пятьдесят процентов. Не то чтобы я не понимал, куда засовывать ноги, и на голову я трусы ни разу не надел, но понять, где перед, а где зад, удается не всегда. Мне понадобилось некоторое время, чтобы понять, что нет смысла возиться с трусами, потому что мои глаза и мозг раскоординированы. Так что если я надеваю трусы задом наперед, я просто спускаю их на пол, обхожу и надеваю снова с правильной стороны. Это всегда срабатывает. К тому же это дополнительная зарядка.

Я не буду извиняться за то, что рассказываю вам это. Хотя бы потому, что несколько пожилых джентльменов, услышав это признание, подумают: «Отличная идея! Надо попробовать!»

Точности ради я должен сказать, что вчера — начав день с оздоровительной прогулки вокруг трусов — я направился, верно скоординированный в паховой области, в свой кабинет, где работаю над вторым черновиком следующей

книги. И это настоящая литература. Я точно знаю, когда я в хорошей форме, так что я почти летел.

Обычно, если рядом нет теплого тела, которое помогло бы с первыми черновиками, я диктую компьютеру. Это легко дается любому, кто произошел от болтливой обезьяны, хотя способ неидеален. Первый закон цифровых систем по Пратчетту гласит, что любая достаточно сложная цифровая система ведет себя так же, как аналоговая, и генерирует собственные идеи. Это похоже на езду на хорошей, но нервной скаковой лошади: ты понимаешь, когда она готова взять в галоп и когда нужно ее притормозить. Но даже если моя способность печатать чудесным образом ко мне вернется, я всё равно продолжу говорить вслух, потому что истории нужно рассказывать.

Тут, в Дублине, я буду обращаться к молодым людям — то есть к тем, кто меня моложе, — которые, рискуя своей душой, хотят зарабатывать на жизнь писательством. У них есть чудесная возможность узнать, что все мои книги, по крайней мере их первый черновик, пишутся инстинктивно. Я просто смотрю кино в голове. Ко второму черновику я понимаю, что я хотел сказать.

Это мне кое-что напомнило. Много лет назад я заявил, что не знаю, как пишу, и оставлю эту

дискуссию, цитирую, «умным чувакам в университетах». Эту фразу мне повторил ваш декан по научной работе. Отличный парень, но, по-моему, худоват для этой должности. Он заметил, что я теперь стал одним из этих чуваков. Официально! Я был поражен. Хотя вся моя жизнь состояла из потрясений, как я теперь вспоминаю.

Тут есть одна досадная проблема. Болезнь путает мою память, и я практически не способен читать записи. Если оратор хочет удерживать внимание аудитории, он должен постоянно переводить взгляд с тщательного написанного текста на публику. У меня украли эту способность. Так что я попытаюсь произнести свою речь по памяти, с помощью своего драгоценного ассистента Роба Уилкинса. Мы договорились, что учитывая, что мы все здесь друзья, он будет периодически вставлять комментарии типа: «Ты ничего не сказал о гиппопотаме, старый слабоумный пердун», а я буду отвечать: «Спасибо, но в следующий раз будьте любезны говорить “Профессор старый слабоумный пердун, офицер ордена Британской империи и Дежурный по доске”».

Почему я вам всё это рассказываю? Потому что такова истина. Мир стареет. Мне с моей техникой повезло больше других.

Дважды, когда я высказывался об Альцгеймере и эвтаназии, услужливые христиане предлагали мне рассматривать эту болезнь как дар свыше. Лично я бы предпочел коробку конфет. Возможно, в этом есть какая-то поразительно извращенная правда, потому что болезнь заставила меня взглянуть на мир по-новому, как на трусы. Если верить Честертону, в этом и есть задача фэнтези. Теперь я живу в своеобразном фэнтези. Во мне растет какой-то стержень, о котором я раньше не подозревал. Взгляд на мир, который делает из Боба Дилана человека, слегка недовольного правительством. Раньше я просто дрейфовал по миру, иногда немного отталкиваясь от берегов. Я начал открывать глаза и задавать власти ужасные вопросы, потому что власть, которой нельзя задать вопрос, — это тирания, а я не принимаю тиранию, даже райскую.

Задавать власти вопросы — это не то же самое, что нападать на нее, хотя власть всегда считает именно так. Это потому, что власть должна постоянно подтверждать свое право, а если это делается силой, значит, мы имеем дело с тиранией. Господи, поверить не могу, что рассказываю это ирландцам! Просто подумайте: четверть часа рационального мышления, и англичанин стано-

вится ирландцем.

Недавно одна организация, расположенная недалеко от моего дома, была вынуждена сократить штат. Людей вызывали в кабинет какого-то начальника, который заявлял им, что они, цитирую, «были вычеркнуты». Это попало в местные новости. Удивительнее всего то, что никто после столкновения с этим да́леком не дал этому ублюдку в глаз и не поджег его стол. Я бы внес за них залог.

Мы живем в корыстном мире. Им управляют люди, имеющие дело с цифрами. Поскольку людей тоже можно пересчитать, они полагают, что люди — это цифры. Мы смиряемся с полуправдой, мы научились думать, что должны слушаться правительства, хотя на самом деле это правительство должно слушаться нас. Правительства напуганы. В Англии, в отличие от Ирландии, где, как я понимаю, вы можете лупить друг друга просто для удовольствия на похоронах и на свадьбах, правительство не любит проводить референдумы. Это значило бы, что глупые люди — то есть не политики — приняли бы решения, которые лучше оставить глупым и, как мы всё сильнее убеждаемся, нечестным политикам. Они презирают нас, пока не начинаются выборы.

Тогда они притворяются, что это не так.

Тем временем на Ближнем Востоке три человека, которые верят в одного и того же бога, вцепились друг другу в горло. Насколько глуп может быть наш вид? И мы будем глупо себя вести, пока не осознаем, что железный век окончен. Я пишу фэнтези, но не смог бы придумать ничего подобного.

Наверное, я не удивлю вас, сказав, что среди моих предков были ирландцы. Подозреваю, они у всех были, точно так же, как мы все состоим в некотором родстве с Карлом Великим.

У моей мамы, которая, к сожалению, больше не с нами, был дедушка-ирландец. В детстве он рассказывал ей сказки, а потом радовался, когда она пересказывала их совсем маленькому мне. Я был слишком мал, чтобы их запомнить, но иногда подозреваю, что многие из них притаились в глубинах моего подсознания, ожидая возможности вырваться в то мгновение, когда мне в руки, к ужасу всех литературных богов, попался первый текстовый редактор. Я почти уверен, что одна из этих сказок всплыла в «Дамах и господах», потому что в этой книге есть что-то неуловимо ирландское.

Я многим обязан родителям. Моя мама видела,

как меня произвели в рыцари, но она бы больше гордилась, если бы могла рассказывать о своем сыне-профессоре. Меня растили в любви, при необходимости в строгости (это были короткие и эффективные периоды) и — да будут они благословлены за это решение — без религиозных убеждений. Насколько мне известно, никто из моих родителей во взрослом возрасте не заходил в церковь с религиозным умыслом. Я знаю, что кто-то из маминых родственников был католиком, но только потому, что как-то, лет в шесть, нашел распятие и очень развеселил маму, сообщив, что нашел «палку с акробатом». Я никогда не видел, чтобы она молилась, но акробат следовал за ней при всех переездах, а после ее смерти я перерыл все ее вещи, чтобы его найти. Он лежал передо мной, пока я писал эту лекцию. Я всегда считал его примером для подражания, но — возможно, к сожалению — «Происхождение видов» впечатлило меня раньше Библии.

В детстве я не читал ради удовольствия. Чтение ассоциировалось со школой. Кроме того, я постоянно отставал от всех. По-моему, это и определило мою жизнь. Начнем с того, что я родился слишком поздно! Меня это шокировало, скажу я вам, но вот мою мать, которая лежала и ждала

меня еще несколько часов после назначенного времени — нет. Три чертовых часа, как она позже мне сказала.

Через несколько лет, когда началась школа, моя семья задержалась в отпуске, и я пропустил первый день. Все знают, что это очень важно. Именно в первый день ты заводишь врагов и друзей и, главное, выбираешь крючок, на котором следующие три-четыре года будет висеть твоя куртка. Мне мог бы достаться танк! Я мог бы претендовать на солдатика! Я бы даже не возражал против улыбающегося солнышка. И лиловая собака меня бы вполне удовлетворила. Но мне достались две чертовы вишенки. В общем, я отставал. Хотя невозможно было отставать слишком сильно, имея маму вроде моей, которая учила меня читать любовью и заботой. А когда они не сработали, то взятками. Пенни за каждую идеально прочитанную страницу. Впоследствии это оказалось очень мудрой инвестицией, особенно гораздо позже, когда родители переехали в новый дом в богатом и ухоженном районе…

Но она сделала ошибку, научив меня слишком многому для моего возраста. Я помню один день в третьем или четвертом классе — этот случай навеки остался в моей душе, — когда учительница

спросила нас, откуда берется дождь. Так получилось, что мама рассказала мне о круговороте воды и о том, как моря медленно испаряются, превращаясь в облака, которые ветер потом относит к земле, они остывают и проливаются дождем. Разумеется, все умные дети, на чьих крючках не было ягод, подняли руки и закричали «можно мне, мисс, мне», но взгляд учительницы остановился на глупом мальчике, который поднял руку выше всех. После ее удивленного кивка я гордо выкрикнул: «Из моря, мисс!»

Результат? Насмешки класса и подначки учительницы, которая даже не удосужилась спросить, что я имел в виду. Даже будучи смущенным ребенком, я в ужасе и замешательстве думал: «Конечно, она не может думать, будто я не знаю, что дождь падает с неба. Она спросила, откуда он берется, и я сказал правду». Для подобных учителей в аду отведен отдельный круг — рядом с тем, куда попадают учителя, которым не нравится, что родители учат детей читать до школы, через один котел от людей, считающих, что детям надо давать подходящие для них книги. Мне кажется, этот круг недостаточно велик и недостаточно низко расположен. Маме я, конечно, ничего не рассказал, потому что такие

вещи никогда не рассказывают мамам — а вдруг станет хуже? Но именно тогда что-то во мне стало расти и крепнуть. Я торопился. В моей школе директор, основываясь на твоем умении читать в шесть лет, сразу решал, сдашь ли ты экзамен «одиннадцать-плюс». Победители отправлялись в так называемые гимназии, а проигравшие — в обычные средние школы, где не смолкал плач и скрежет зубовный, особенно твой.

Несмотря на все мамины попытки научить меня читать, я не прошел этот тест и оказался среди козлищ, а не среди агнцев, и это было лучшее, что случалось со мной в смысле образования. Я был сообразительным ребенком, хотя и странноватым. Поскольку учителя натаскивали агнцев на сдачу экзамена, я, мальчик, который всегда был средним по успеваемости, сумел стать первым, не прикладывая почти никаких усилий. Оказавшись на вершине, вы захотите там остаться. Впервые в жизни я начал работать как следует.

Примерно в это время, когда я поехал с родителями в Лондон, дядя подарил мне «Ветер в ивах». Я взорвался. Я никогда не слышал о таких книгах. Я считал, что книги — это то, что тебе читают учителя, но здесь был крот, у которого был друг-крыса, а у этого друга был свой друг-барсук, и они

все дружили с жабой, и не просто с жабой! Эта жаба умела водить машину, а иногда ее принимали за прачку! Хотя я был почти уверен, что прачка вряд ли могла бы претендовать на звание Мисс Вселенной, вряд ли ее можно было перепутать с жабой.

В тот момент я не мог выразить свои чувства, потому что не знал подходящих слов. Но теперь я могу сказать, что с восхищением понял, как автор пудрил нам мозги, насмехался над нами, выворачивал мир наизнанку. Где, чёрт возьми, дают такое же, думал я?

Пока я это писал, я вдруг вспомнил, что меня очень волновала лошадь. Помните? Лошадь. Которая тащила канареечно-желтую повозку. Я помню, как думал в детстве, что все остальные животные умеют говорить и могут не ходить на работу, в отличие от моего папы, а лошадь работает за всех и не разговаривает. Это чувство было на самом деле идеальным социализмом. Так я прописался в местной библиотеке и добывал себе новые читательские билеты, как только появлялась книга, которую я хотел прочитать.

Я читал всё.

Возникла своего рода цепная реакция. Одна книга отсылала меня к другой, я читал ее и пере-

ходил к следующей, без всякого порядка, метода или плана, кроме плана прочитать всё на свете. «Рабочих и бедняков Лондона» Мэйхью я читал одновременно с «Муми-троллями» Туве Янссон и читал с одинаковой, так сказать, мысленной интонацией.

Что-то я считал полной ерундой, возможно, так оно и было, но у меня складывалась какая-то система. Книга о Шелковом пути — мне понравилось название — привела к истории, которую мы не учили в школе. Не потому, что у нас были плохие учителя. Просто никто не подумал, каким на самом деле должно быть образование. Помню, что в школе мы проходили Хлебные законы, но слабо представляю, в чем была их суть. Зато я помню, что они были ошибкой правительства, а пострадали бедняки. С тех пор ничего не изменилось! Но настоящая история — история, которую должны знать все, — возникновение земли, пляска континентов, путешествия человечества, развитие науки — всё это почти не упоминалось в школьной программе. Зато, к счастью, этого было полно в библиотеке, благослови ее Господь.

Библиотечное образование походило на складывание огромного пазла научной фантастики, истории и палеонтологии. Я воспринимал их

частями одного целого. В холистическом смысле слова так оно и было.

Еще один прорыв произошел, когда в двенадцать лет я познакомился с букинистическими магазинами. Там оказались книги, которые уже не попадали на библиотечные полки. Моя родная библиотека в Беконсфилде была отличной новой библиотекой с отличными новыми книгами. Но папа сказал мне, что в деревне Пенн есть букинистический магазин. Туда можно было доехать на велосипеде, хотя сложновато ехать на велосипеде, когда на руле висят две набитые сумки с книгами. Это был восхитительный книжный магазин. Там я узнал, что такое юмор.

Я выбрал простой путь, хотя чаще всего он оказывается не так уж и прост. Ради удовольствия я прочитал все комплекты журнала «Панч» с тысяча восемьсот сорокового года по середину девятьсот шестидесятых. Зачем? Ну уж не для того, чтобы научиться писать юмор. Просто смеха ради. Тем не менее урок я получил, потому что читал лучших сатириков и юмористов столетия, включая Марка Твена и Джерома К. Джерома. Мне кажется, что оба они писали похожим лаконичным стилем, хотя их разделял океан. Джеффри Уилланс и Рональд Сирл восхитили меня своим

циклом о Молсуорте. Вы его не знаете? Лучший на свете школьный юмор. «Далой школу», «Как нащет атомов», «Как стать крутым» и «Снова за решетку». Потом я начал поглощать колумнистов. Бичкомбера, Патрика Кэмпбелла, Роберта Робинсона и не в последнюю очередь, совсем не в последнюю, Алана Корена — пожалуй, лучшего из них, если говорить о юморе наблюдений.

Я читал всё это, будучи, по меркам конца пятидесятых, еще ребенком. Делая это ради удовольствия, я изо всех сил давил на педаль роста. Я выяснил, что юмор должен быть актуальным. Читая заплесневелый «Панч», я путем осмоса впитывал темы, проблемы и даже речевые паттерны тысячелетия, что для писателя равносильно банковскому вкладу. Я не искал идей, техник, или — жуткое слово — советов. Я просто впитывал. Наверное, это делают все писатели, каждый по-своему. Сложно представить писателя, который не был сначала читателем. Меня поражало открывшееся мне богатство. Я учился у мастеров и думал о том, чему научился. Тогда я об этом даже не знал, но дьявольская мельница уже начинала перемалывать содержимое моей головы. Через некоторое время из нее высыпался писатель, но, как и любая мельница, она нуждалась в дунсте (а

если вы не знаете, что такое дунст, выясните! В конце концов, вы же ученые!).

Особенно меня впечатлила способность Алана Корена передавать манеру разговора обычного растерянного англичанина. И еще тех, кого мы называем рабочим классом. Я это знал, потому что моя лондонская бабушка любила брать меня на рынок. Каждый пекарь, зазывала, продавец, торгаш, кондуктор и даже сама бабушка говорили диалогами из Корена. Чудесный был человек.

Помню интересный спор с мамой, после того как бабушка рассказала мне, что можно понять, куда идет автобус, потому что название написано спереди. Мама рассказывала мне греческие мифы и упомянула первый марафон, который пробежал Фидиппид. Как знает каждый школьник, он бежал из Марафона в Афины. Я помню, как предъявил маме веский аргумент — раз он бежал в Афины, выходит, пробежал он афины, а не марафон, потому что совершенно очевидно, что так бы оно и было, работай он в лондонском транспорте. Этот аргумент моя мама снисходительно приняла, не надрав мне уши.

Все та же дьявольская мельница, ответственная за мое постоянное удивление, сделала так, что расписание, по которому мои работающие

родители ходили в отпуск, привело к тому, что в среднюю школу я тоже пришел с опозданием на один день. И это был тот самый день, когда, если вы внимательно читали, происходит всё важное. Нет ничего хорошего в появлении во второй день, потому что он не первый. В этот день рассказывают только те вещи, которые принято рассказывать во второй день. И снова это ощущение: «Все вокруг знают что-то, чего не знаю я».

Судя по всему, в первый день была раскрыта тайна алгебры. Позже я буду мечтать, что смогу разгадать алгебру и покорить мир, но десять лет назад мой друг Йен Стюарт, профессор математики в Уорвике, сел рядом со мной после ужина в университете и набросал на салфетке простые и очевидные объяснения квадратных уравнений. На лбу у него блестел пот. Я отреагировал философским эквивалентом слова «э-э-э-э». (Между прочим, мне пришлось обучить распознавание речи слову «э-э-э». Да, я научил компьютер быть глупым. Неплохое занятие для дождливого дня.)

Я снова привык быть середняком и делал ровно столько домашних заданий, сколько требовалось для выживания. Не больше. Настоящее образование происходило в библиотеке, при помощи научно-фантастических книг, которые я погло-

щал, как конфеты. Это было удивительное время рассвета космической эры, но, к сожалению, моим единственным надежным источником первоклассных подержанных американских журналов был магазинчик под названием «Маленькая библиотека», занимавший какую-то халупу во Фрогморе, Хай-Уиком. Симпатичная пожилая леди распространяла радость, порой угощала меня чаем и торговала порнографией. Но, чтобы оправдать название магазина и иметь возможность выставить что-нибудь на витрину, она продавала приличную научную фантастику и фэнтези из картонных коробок, стоявших под, так сказать, розовыми полками, которые меня тогда еще совершенно не интересовали. Как можно поднять взгляд, если перед тобой лежит еще не читанный Брайан Олдисс, что-то из Гарри Гаррисона и третья книга «Городов в полете» Джеймса Блиша. Я глотал все эти книги и сделался постоянным покупателем. Дважды в неделю мне была гарантирована чашка чая, после которой я покидал магазин с раздутым ранцем — к изумлению прохожих, явно не подозревавших о моей фантастической добыче.

Помню, как-то после школы я весело копался в коробке, когда дверь внезапно распахнулась

и вошел человек, который очень старался — это было очевидно даже мне — не выглядеть как полицейский в гражданском. Он злобно ткнул в меня пальцем и сердито спросил у хозяйки, чудесной старушенции:

— А этот что здесь делает?

Она радостно потрясла перед ним свеженьким экземпляром «Чужака в чужой стране» Хайнлайна (таким я и был) и ответила:

— Honni swarky marley ponce, Джеффри.

Он ее явно не понял, но, к моему удивлению, согласился. Если вы не знаете французского, это переводится примерно как «Позор тому, кто дурно об этом думает». Шах и мат. Я полагаю, она была достойным человеком и хорошим другом мальчику, которого считала своим единственным законным покупателем. Она никогда не пыталась продать мне что-нибудь с верхних полок и не предлагала мне тонкие конверты, которые, когда думала, что я не вижу, вручала насупленным вороватым любителям грязных плащей, страшно смущенным моим присутствием. В те времена я думал, что в конвертах лежат совсем новые и поэтому дорогие фантастические журналы (дошло до меня примерно через год, когда многое уже изменилось).

Она была вдовой. Кажется, я так и не узнал ее имени. В каком-то смысле она стала одним из моих наставников, поскольку становление автора требует разных удобрений, и я нуждался в этом, потому что не работал в школе, а школа не сработала для меня.

Это была хорошая школа с обычными для тех дней учителями: были среди них энтузиасты своего дела, вдохновенные творцы, реликты военных времен, неумелые насмешники и, конечно, сумасшедший, которого все мальчишки очень любили.

Мои соученики тоже были совершенно обычными. Большинство из них твердо нацелилось на экзамены А-уровня и хорошую работу, некоторые явно попали сюда случайно, был хулиган, был странный мальчик и был смутьян, место которого занимал я.

Это было самое злосчастное время, это было… ладно, давайте на этом остановимся. Это было самое злосчастное время, потому что я был смутьяном. Представьте себе: в Хай-Уикоме медленно тянулись шестидесятые, а директор школы считал себя несгибаемым противником всего шестидесятнического.

На самом деле большинство детей просто хоте-

ли получить свой аттестат. И я тоже. Но, принеся в класс журнал «Мэд», я стал плохо влиять на остальных. Я! Ребенок, который столько времени проводил в библиотеке, что ему приходилось долго моргать, чтобы снова приспособиться к дневному свету. Я был очень удивлен. Надо сказать, что в журнале «Мэд» в те времена печатались очень неплохие и наблюдательные пародии на бродвейские шоу, часто с толикой безвредного политического юмора. Директору это казалось подрывом устоев общества. И его общество действительно было под угрозой. Но мне просто нравился журнал. Как-то раз меня поймали с журналом «Прайват ай», что опять же было признано преступлением. На самом деле я был дружелюбным, хотя и слишком разговорчивым мальчиком, который очень любил читать и даже не имел пластинок Боба Дилана (этим я выделялся среди других). Наверное, Гарри Уорд был хорошим учителем, но вот директором — не слишком хорошим. По крайней мере, он никак не мог понять, что подростки — это просто, ну, подростки, и мало у кого из нас действительно были проблемы. Все мы носили с собой складные ножи, которые куда удобнее точилок, если вы много чертите — а мы чертили. Я помню

только один случай, когда нож использовали в драке. Это был тот самый странный мальчик, который вскоре ушел из школы. Но Гарри совершил классическую ошибку тирана, разглядев бунт в самом невинном проступке и проступок в самом невинном поступке — или вообще на пустом месте. Помню мальчика — здесь я буду называть его Чарльзом, — которому не повезло родиться с добрым характером и ртом, который сам собой складывался в улыбку. Помимо этого, у него было только одно выражение лица — сдержанное непонимание, когда улыбка приносила ему неприятности. Но в школе царила атмосфера подозрительности, и его считали либо клоуном, либо наглым дураком. Влияние Гарри поставило его в сложное положение.

Будучи идиотом от природы, я постоянно сталкивался со школьным хулиганом, потому что я предпочитал разрешать конфликты словами, а он кулаками. Мой школьный друг любит вспоминать, как я вышел из себя, разбежался и ударил хулигана в живот так сильно, что он упал и раскроил себе голову об железную каминную решетку. После этого я стал для него невидимым, и проблемы исчезли. Школьный кодекс чести гласил, что если речь не идет об убийстве, взрос-

лые не привлекаются.

Недавно один мой одноклассник рассказал, что после моего ухода (это случилось раньше, чем ожидалось), он, шестиклассник, разговаривал с директором и узнал, что тот страдал от последствий пережитого во время Второй мировой войны и, в частности, поэтому был так скор на расправу. Ну не знаю.

Теперь я знаю, где он побывал, и могу посочувствовать, но что я мог сделать тогда? Я был в лучшем случае шутом, а жестокость директора вытащила на поверхность то, чего раньше не было. Но я благодарен ему за то, что он укрепил меня в решении уйти из школы, не сдавая экзамены А-уровня — раньше это казалось немыслимым. Я знал, что хочу стать писателем. Я выиграл конкурс в «Панче» и продал два рассказа в научно-фантастические журналы. Но будучи сыном своих родителей, я провел некоторые исследования и понял, что шансы зарабатывать писательством на жизнь были равны нулю, а журналисту в газете платили каждую неделю. Еще в школе, присматриваясь к должности главного библиотекаря, я написал редактору местной газеты «Бакс фри пресс» и спросил, будет ли у них в следующем году вакансия. Он мгновенно

ответил, что не знает насчет следующего года, но прямо сейчас она есть.

Спасибо Гарри Уорду — в субботу я поехал на встречу с редактором, а в понедельник вернулся в школу, сдал учебники и вышел через дверь, предназначенную для гостей и старост. Чудесное ощущение. Школа может быть довольно жалким местом. Гарри подтолкнул меня к этому решению, публично заявив, что я не стану старостой — пост, который традиционно получали главные библиотекари. Узнал я это нечестным образом. Каждый четверг я убирал библиотеку и реставрировал книги, и это был акт чистой злобы. Пост старосты хорошо выглядит в резюме. Он бы мне пригодился. Но Артур Черч, редактор «Фри пресс», принял меня на работу прямо на собеседовании. Кажется, он сказал: «Мне нравится ваше упорство, молодой человек». Действительно ли он это сказал? Это на него похоже. Но не забывайте, что я писатель и бывший журналист и подсознательно считаю, что любая фраза только выиграет, если ее немного подправит специалист. Кажется, Дуглас Адамс однажды сказал, что если ты говоришь о себе так часто, то сам перестаешь понимать, насколько некоторые вещи реальны.

Работа журналиста-стажера в середине шести-

десятых мало отличалась от рабства. Ты мог жить дома, и тебя не пороли. Иногда я работал семь дней в неделю, включая большинство вечеров. Конечно, субботы, особенно летом, тоже редко бывали выходными. Ходили слухи о мифическом звере под названием «отгул», но я редко встречал его до более поздних этапов карьеры. Я был подмастерьем, настоящим подмастерьем, отцу даже пришлось подписать за меня договор ученичества, выглядящий совершенно по-средневековому. По этому договору я запродал свою душу на три года, а в ответ меня обещали научить основам, хитростям, неприличным анекдотам, подозрительному фольклору и клише местной новостной журналистики. Если твоим младшим редактором становился Джонни Хоув, ты быстро узнавал все неприличные анекдоты, поскольку Джонни достался удивительно извращенный ум, который был ему необходим. Младший редактор, во всяком случае, в местной газете, обязан различать малейшую двусмысленность. В самом ли деле некий корреспондент однажды прислал репортаж об устроенной Женским институтом выставке цветов и прочих плодов сельского хозяйства, где упоминался голый мужчина, который пронесся по проходу «трогая булочки, пока

его не поймали в районе яиц»? Джонни, как две капли воды похожий на пожилого Стабби Кея, сказал мне это, твердо глядя прямо в глаза. Наверняка соврал. Любой писатель должен уметь различать двусмысленности, как лесник должен замечать браконьеров. Но не стоит пренебрегать хорошо продуманными двусмысленностями. Я сам однажды сотворил трехсмысленность. Полагаю, за достойные деньги мы бы справились и с четырехмысленностью.

Джонни был толстым коротышкой, а Кен Берроуз (за глаза его звали Багси), угрюмый заведующий новостным отделом — высоченной жердью. Когда они в обед выходили в паб, это выглядело так, как будто число десять собралось прогуляться. Багси научил меня сдавать работу вовремя, проверять факты и никогда не пытаться его обманывать. Джордж Топли, ведущий корреспондент и самый талантливый журналист, которого я встречал в жизни, научил меня пользоваться правдой и раскрыл кое-какие полезные секреты человеческой природы. И, наконец, был Артур Черч, местный парень, редактор местной газеты, который очень серьезно относился к делам Хай-Уикома. Он научил меня честности, самоуважению и тому, что, по возможности, не

стоит оскорблять методистов. Этого достойного человека шестидесятые приводили не в меньшее замешательство, чем моего недавнего директора, но Артур был готов смириться с шестидесятыми, если они включали в себя Хай-Уиком. Когда с «Аполлона» прислали знаменитые снимки Земли, сделанные с Луны, «Вестминстер пресс», владельцы газеты, раздобыли их в один прекрасный четверг и начали отчаянно искать, какая из их газет сможет быстрее всего напечатать цветные фотографии. Как они, должно быть, скрежетали зубами, поняв, что кому-то придется позвонить Артуру Черчу и велеть ему освободить передовицу и еще минимум две страницы. Возможно, они там бросали монетку. Мы, репортеры, подслушивали под дверью, как Артур в ужасе отстаивал преимущества Хай-Уикома над всей вселенной. В чем-то он был прав. На следующий день в каждой национальной газете могли бы красоваться фотографии с Луны, но только в одной была бы информация о важных происшествиях в Хай-Уикоме, не говоря уж о Марлоу, Лейси-Грин, Лузли-Роу, Вест-Уикоме и Спине. Этот момент отдавал Честертоном. Несомненно, он был прав, но хотя его просили, после долгой схватки он все-таки распознал в этой

просьбе замаскированный приказ. Мы бросились прибирать столы, пока он ходил по редакции со слезами на глазах. В конце концов, Луна — это просто большой булыжник. Но потом он вдруг разрешил вопрос ко всеобщему удовольствию, улыбнувшись и вежливо сказав: «Полагаю, что Луна светит над Хай-Уикомом так же, как и над другими местами». Мы чуть не зааплодировали!

На следующий день «Бакс фри пресс» распродали за считаные минуты, даже в Спине. Телефон Артура разрывался. Важные люди городка поздравляли его с замечательным выпуском. Хай-Уиком одобрил! Он был так доволен, что чуть не купил нам выпить.

Редакторов местных газет часто обвиняли — и, возможно, до сих пор обвиняют, если они еще существуют, большинство из них давно уступили место бесполезным и подозрительным «информационным листкам» местного управления — часто обвиняли в зашоренности. Но она необходима для этой работы.

Весь мир знает, как погиб Джон Ф. Кеннеди. Почти никому не хочется знать о смерти неудачливого горожанина, найденного мертвым в собственном гараже, со шлангом, тянущимся из выхлопной трубы в окно машины. Убийство?

Вряд ли. Суицид? Возможно, но город или район должен узнать правду. В те дни она до них доходила, потому что я мрачно сидел в углу в коронерском суде и стенографировал — довольно прилично — все заключения коронера. Нам не нравилось этим заниматься. Люди выдумывают множество разных способов резко оборвать свою жизнь, и все эти способы противные, особенно для тех, кому приходится иметь дело с последствиями. Для самоубийства нужна практика, вот в чем проблема. Альберт Пирпойнт знал, как повесить человека быстро, какой длины взять веревку, где нужно расположить узел. Большинство людей этого не знают. Однажды родственник человека, который совершил особенно мерзкое самоубийство, попросил коронера запретить газетам публиковать результаты расследования. Он очень корректно сказал, что мы обязаны присутствовать по закону, и всё бы было хорошо, если бы он не добавил что-то вроде «хотя я вас прекрасно понимаю и сам порой хочу, чтобы вся пресса оказалась на дне морском».

Разумеется, мы это опубликовали. Артур Черч, который, как я уже говорил, очень серьезно относился к журналистике, написал очень выразительный текст в защиту репортажей о самых

гадких вещах. Суть была в том, что общество должно знать правду, и для этого лучше всего ее опубликовать. В противном случае вы будете полагаться на слова человека в пабе и прочие слухи, возможно, злонамеренные. Если местная газета по какой-то причине донесет информацию неверно и это станет известно, газета должна принести извинения и опубликовать разъяснения. Это, может быть, не лучший вариант, но он всяко лучше сплетен. Артур изложил всё это очень осторожно, коронер немедленно и довольно мило извинился, и наша честь была спасена.

Артур обожал точность. Субботы, когда какой-нибудь сердитый горожанин заходил к нам и жаловался на статью, были не слишком приятными днями, особенно если оказывалось, что невезучий репортер действительно ошибся. Если же, с другой стороны, оказывалось, что репортер был прав, разъяренному читателю вежливо указывали на дверь. Такое бывало не только с коронерскими судами. Вместе с другим стажером мы катались по всей округе на ненадежных мотоциклах, освещая всевозможные местные события, включая заседания мировых судов, где я приобрел на редкость циничный взгляд на судебную систему. К сожалению, еще я узнал,

что пожилые леди испытывают странную привязанность к панталонам времен Директории. Учительницей стала одна из судей, которая любила сидеть, расставив ноги. Кажется, она просто не знала, что у стола не было передней панели. Интересно, думала ли она, почему люди никогда не смотрели ей в глаза? Порой каждый мужчина в зале, включая адвокатов, таращился на свои ботинки.

Ко мне часто обращаются интернет-журналисты, которые хотят интервью или развернутый комментарий. Когда они представляются журналистами, я отвечаю: «Отлично, перечислите мне шесть способов защиты от иска за клевету». Хорошо, если кто-то представляет, о чем я говорю. Я всё еще горжусь своим умением стенографировать и своим ученичеством.

Я был неплохим журналистом для местной газеты, знающим и аккуратным, но когда дело дошло до суеты больших региональных и национальных газет, оказалось, что у меня нет шансов. У меня не было воли к победе, как заметил Эрик Прайс, выкинув меня из «Вестерн дейли пресс» в Бристоле. Он не любил, когда правда оказывалась не такой, как ему хотелось. Наверняка запись о работе в «Вестерн дейли пресс» красовалась в

резюме многих молодых журналистов, которых Эрик нанимал, а затем увольнял. Правда, гораздо позже он сказал, что писателей лучше меня у них не работало. Возможно, это было правдой, потому что я умел, а может быть, и до сих пор умею разобраться в теме и написать внятную, содержательную и читабельную колонку примерно за полчаса. Возможно, мне понадобится телефонный звонок или пара вырезок.

Почему я рассказываю вам эти бессвязные истории? Наверное, я хочу показать, как рождается автор. Большая часть моей биографии подчищена, подкрашена и вставлена в книги. Например, я почти уверен, что умный и вдумчивый ученый сумеет соотнести волшебников Незримого университета с преподавателями Высшей технической школы Хай-Уикома конца пятидесятых годов. Не всех их съели драконы. Некоторые из них, включая историка, который мне нравился, увековечены в книгах. Пейзажи напоминают маленькую деревню, где я рос. Некоторые персонажи говорят, как моя бабушка. Кажется, мельница перемалывает любой опыт, каждую встречу и никогда не выключается. Часто я замечаю влияние своих учителей, даже если они не знали, что стали ими. Так или иначе,

мельница постоянно что-то выдает.

За несколько дней до того, как я это написал, подруга рассказала мне, что один бригадир нашел в Афганистане аккуратную стопку книг о Плоском мире. Я знаю, как это бывает: рядовому говорят: «Мы меняем диспозицию, бросай всё несущественное». К сожалению, книги считают несущественными. Но бригадир подобрал одну из книг, и она ему понравилась. Наверняка он сказал моей подруге: «Как он это делает? Он не служил в армии, а в этой “Пехотной балладе” есть штуки, каких в книгах не вычитаешь. Ну и как?»

Мне кажется, я знаю ответ. Наверное, это то же маленькое открытие, которое помогло мне попасть в список феминистской прозы Амелии Блумер в Америке… дважды. Я не стану объяснять, потому что, подумав, вы сами поймете.

Всю свою жизнь, с девяти лет, я любил слова. Необязательно организованные, просто слова сами по себе, например «парадокс», «ономатопия» или «шушуканье». Слова, которые как будто отвечают тебе. Мне нравятся слова и их значения, порой я обращаюсь с ними так, что меня поняла бы сама Линн Трасс. Ну, например, ору в телевизор: «Если полисмен сказал, как он увидел подозреваемого, то он либо описывает свое по-

ложение в пространстве, либо читает короткую лекцию об оптике». На самом деле там имелось в виду слово «что».

Слишком педантично? Я теперь ученый. И вообще, глупо говорить, что так уж волноваться из-за словоупотребления — заносчиво (так любит говорить Стивен Фрай, воплощение заносчивости). Полная фигня. Вы же уверены, что меломан вздрогнет, услышав фальшивую ноту? Сами подумайте. Слова превратили нас из обезьян в людей. Мы придумываем их, меняем, ищем, питаемся и живем ими. Они — рабочие лошадки, несущие весь груз. Автор должен уметь их использовать и использовать по-разному. Иногда неверное слово — это неверное слово. Иногда слова можно расставить так, что тишина будет вопить. Забота, кормление и разведение слов — часть ремесла, которому я так и не научился в совершенстве.

Я закончу словом, которое хотел бы навсегда исключить из английского языка. Дамы и господа, могу ли я предложить вам отказаться от «веселья»? Ибо, братья и сестры, это ублюдочное слово, эрзац, фастфуд! Что оно значит? Вспомним эти позорные фразы: «Я просто хотел немного повеселиться». «Я думал, будет весело». «Я просто веселился». И самая отвратительная белая

капля на этой куче куриного помета: «Мы уже веселимся?»

Зачем веселиться? Можно же развлекаться, радоваться, отвлекаться, расслабляться, проказничать, получать удовольствие?

Веселье делает вид, что оно и есть наслаждение, но у него получается плохо. В поисках веселья люди тянутся в разрекламированные места, но их, пожалуй, следует избегать. Насколько я помню, веселье — это тащиться под дождем по приморскому городу в пластиковом дождевике, который воняет рыбой. Хотя, может быть, я просто решил немного повеселиться за ваш счет. На наших островах говорят на самом разнообразном в мире языке, потому что мы не только судорожно придумывали полезные слова, но и крали их откуда придется.

Так что давайте повеселимся. Вдруг будет весело?

Спасибо, дамы и господа.

Субботы

«Британия за день: Терри Пратчетт описывает свою обычную субботу»
Radio Times, 12 ноября 2011 года

Просыпаюсь. Это важно. Сегодня суббота, выходной для большинства людей, но для меня все дни делятся на два типа: те, когда Роб Уилкинс, мой помощник, работает, и те, когда его нет.

Честно говоря, я пишу каждый день (по семейным обстоятельствам). Сегодня я занят первым черновиком новой книги, а это весело. Так что я лежу в постели, радуюсь щелчку чайника и готовлюсь к первой чашке чая за день. Потом иду в туалет, в душ, подстригаю усы и принимаю утренние таблетки. В основном от давления, которое я вполне научился контролировать.

Одна из остальных трех таблеток спасает меня от редких приступов ишиаса, а еще две защищают от неумолимого развития болезни Альцгеймера.

Поскольку мне уже за шестьдесят, некоторую часть утра я посвящаю изливанию яда в адрес фармацевтических компаний, которые пакуют свои товары в пластиковые и металлические па-

кеты. Чтобы извлечь таблетки, нужно обладать силой тяжелоатлета и иметь под рукой защитную сетку. Кому мешали маленькие коробочки, которые любой человек мог открыть без помощи ножниц?

Я обсуждаю планы на день с Лин, своей женой, и набрасываюсь на «Таймс», приканчивая миску очищающих кишечник мюсли. Утверждается, что они полезны. Потом иду на улицу кормить кур и другую живность. Стоит чудесный поздний осенний день.

Если не считать огорода, который неприкосновенен, мы разводим в основном диких животных. Это значит, что у нас живут ежики, а в амбаре — амбарные совы. Всё немного заросло, но день так хорош, что я рад, что родился, и даже не очень огорчаюсь рождению всех остальных людей.

А потом, как выразился бы П. Г. Вудхаус — вперед! в капеллу! — этим грандиозным словом именуется здание, где находятся мои кабинет и библиотека. Там будут раскочегарены компьютеры и написаны какие-то слова.

Как ни странно, субботы и воскресенья — хорошие дни для писателя вроде меня. В будни телефон звонит так часто, что можно и позабыть о работе над книгой. Хотя моя последняя книга

«Дело табак» уже стала достоянием публики, всё равно я обязан посещать какие-то пиар-мероприятия в странном послеродовом мире, куда попадает автор, избавившись от своего последнего детища.

Лекарство от этого одно — написать что-то новое. Но ради своего здоровья и зрения я периодически надеваю что-нибудь теплое и иду рубить дрова, что очень приятно. А на обед ем карри.

Вечерняя прогулка непредсказуема, потому что в деревне ты обречен встречаться со знакомыми, а деревенский этикет предполагает, что ты остановишься и поговоришь с ними. Потом нужно второй раз покормить кур, немного поработать в саду, пока солнце не село, может быть, вернуться в капеллу и почитать почту (и не ответить! Выходной же, ради всего святого!), а потом наконец вернуться в дом.

У нас много старых DVD-дисков, так что, если мы никуда не идем и других планов нет, мы выбираем диск, который давно не смотрели. Однако существует непреложное правило — в десять часов я должен посмотреть новости. Когда-то я был журналистом, а это клеймо не смывается.

Последнее дело на день — зайти в кухню, где толпа кошек требует еды, потом подняться на-

верх, принять душ и лечь — в кровать с пологом, достаточно большую, чтобы мы оба могли в ней раскинуться. Чудесно. Тихий день с возможностью подумать и порадоваться жизни. Ничего особенного не произошло, но порой это и хорошо. Я рад, что бывают такие дни.

Дни гнева

О болезни Альцгеймера, орангутанах, кампаниях, противоречиях, достойной кончине и попытках сделать мир лучше

Об отличной учебе в школе: что для вас значит образование

Министерство образования и трудоустройства, июль 1997 года

[Кроме Терри, на эту тему высказался еще десяток человек, включая Тревора МакДональда, Кита Уотерхауса, Кэрол Вордерман, Артура Кларка и Стивена Хокинга]

Бóльшая часть того, что я выучил в школе, не принесла мне никакой пользы. Просто там всё делалось неправильно — зачем, например, давать мальчикам-подросткам «Гордость и предубеждение»? У них полно других дел.

Для начала надо построить библиотеку, а потом окружить ее школой. Дети должны нормально читать, связно писать — пусть даже просто — и достаточно знать арифметику, чтобы понять, что калькулятор врет. А потом научите их пользоваться библиотекой и не пускайте в интернет, пока они не научатся читать, писать и не повзрослеют до такой степени, чтобы не путать данные с информацией. Иначе это всё равно что

выпустить обезьян на банановую плантацию.

Не забудьте о мастерских и цехах. Я был знаком с отличной чертежницей, которая не представляла, что у нее есть хоть какие-то способности, пока от безнадежности не устроилась подавать чай в конструкторском бюро, а потом не заинтересовалась работой… Таких, как она, наверняка много. Десятки тысяч людей никогда не узнают, что талантливы. А где это можно выяснить, если не в школе?

Орангутаны вымирают

Статья в Mail on Sunday, 20 февраля 2000 года

Этот текст был написан несколько лет назад. Изменилось ли что-то? Терпение и переговоры помогли одержать несколько маленьких побед. Я снимаю шляпу — все свои шляпы — перед людьми, которые это сделали.

Но главный факт остался фактом. Орангутанам нужен лес. Людям он тоже нужен — и сам лес, и то, что остается на его месте. Не нужно быть пессимистом, чтобы задуматься, выживут ли виды в дикой природе. Тут поле, там плантация… и вот обезьянам уже негде жить, кроме как в заповеднике. Примерно в этот момент нам понадобится чудо.

За последние десять лет погибла примерно половина. Еще через десять лет, если не случится чудо, их можно будет найти только в зоопарках и парочке заповедников. Я говорю о наших родственниках. Их осталось всего пятнадцать тысяч. Столько же, сколько фанатов у третьеразрядной футбольной команды.

Забудьте всю эту ерунду насчет совпадения

ДНК. Это ничего не значит. Наш геном во многом совпадает с крысиным, да и с золотыми рыбками у нас больше общего, чем вы думаете. Орангутаны похожи на нас. Они умные. У них есть воображение. Они думают и решают сложные проблемы. У них есть личности. Они умеют врать. Просто их предки остались на деревьях, а наши слезли посмотреть, как там внизу.

Мы возвращаемся к деревьям. Возвращаемся с бензопилами. Несколько лет назад я знал, что орангутаны — это такие грустные обезьяны, которые сидят, надев на голову картонную коробку, в дальнем углу обезьянника. А потом, в одной из первых книг о Плоском мире, появился библиотекарь-орангутан. Мне показалось, что это будет интересно. Чтобы его придумать, у меня ушло пятнадцать секунд. Извините, но это правда.

В этом не было высшего смысла или большой любви. Я просто пошутил. Библиотекарь мог бы стать и трубкозубом.

Книги стали невероятно популярны, библиотекарь покорил читателей, один библиотекарь поблагодарил меня за подъем престижа профессии, и разные организации стали платить мне деньги за разговоры. Это меня смущало, пока я не услышал о Фонде спасения орангутанов. Я

позвонил им. Спросил:

— Мне дают кучу денег, они вам не нужны?

— Неплохо бы, — осторожно ответили мне.

Потом всё стало серьезно. Я стал членом правления. Я сидел на собраниях в Лондоне, впадая то в гнев, то в отчаяние. Иногда мне хотелось порезать себе вены, но чаще всё-таки хотелось порезать их кому-то другому.

Фонд поддерживает работу доктора Бируте Галдикас в лагере Лики в Танджунгпутинге. Она провела тридцать лет, изучая орангутанов в дикой природе, но ей всё больше приходилось работать над сохранением предмета изучения. Когда я побывал в ее лагере шесть лет назад и снял там маленький фильм, там всё еще царил оптимизм. Было ощущение, что мосты наведены и контакты налажены, оставалась надежда найти какой-то разумный способ сосуществования людей и обезьян.

У меня есть проблема, типичная для старых журналистов. Иногда я отключаюсь и впадаю в своеобразный режим записи. Тогда я просто всё записываю, и в голове у меня создается целый фильм, как будто при записывании факты становятся реальностью.

Я помню каждое драгоценное мгновение своего

визита. Я совершенно уверен, что трубкозубы не вызвали бы у меня таких чувств. Я помню, что у орангутанов глаза, как у людей (а у кошек и собак совсем другие), помню, как они берут мыло и моются в реке, помню, что моторку приходилось ставить на якорь посреди реки, потому что один молодой самец заинтересовался и научился заводить двигатель. Я помню нежное прикосновение руки, которая могла бы сломать любую мою кость.

И я помню, что, когда я уезжал с Борнео, по реке Секоньер сплавляли бесконечные бревна, а в воздухе пахло дымом.

Всё стало только хуже. Орангутаны вымирают, потому что люди убивают тропические леса Индонезии.

Больше половины дерева, которое поступает к нам с Борнео и Суматры, свалено незаконно. Даже национальные парки не охраняются. Несколько недель назад браконьеры разгромили штаб-квартиру национального парка Танджунгпутинг. Если вы большой, сильный и платите нужным людям, то можете творить что угодно. Жадность и коррупция решают.

Как говорят на Борнео: «Это незаконно, но официально».

Да, были и кое-какие успехи. Они достигнуты долгими терпеливыми переговорами, похожими на чечетку в зыбучих песках. Снимаю шляпу перед людьми, которые это делают.

После моей поездки туда орангутаны продолжили вымирать, несмотря на все усилия. Я надеялся, что новое индонезийское правительство переломит тенденцию, но ничто в Индонезии не делается просто.

Люди вроде меня, далеко не такие терпеливые, не понимают, как можно называть национальные парки заповедниками, если это просто еще один источник леса.

Фонд даже спонсирует дополнительные патрули из местных, которые помогают смотрителям. Эту инициативу приняли в штыки. Она потребовала крайне деликатных переговоров. Патрули не должны показываться на глаза, чтобы не вмешиваться во внутренние дела суверенного государства. Никакого оружия. На самом деле парк не настолько дик, как, например, некоторые районы Лос-Анджелеса, так что здесь не стреляют, даже плохие парни. Но у браконьеров есть огромные мачете и наглость. У смотрителей… ну… сознание собственной правоты. Вероятно, если их зажать в угол, они смогут выругаться.

Это далеко от идеала, но помогает донести до местных, что орангутаны ценны сами по себе. Сколько вы готовы заплатить, чтобы увидеть орангутана в естественной среде обитания, особенно зная, что эти деньги помогут сохранить лес? Сейчас эта сумма составляет примерно двенадцать пенсов, цена дневного билета в парк. Птицы и деревья бесплатно. По-моему, там есть над чем поработать.

К сожалению, на горизонте видна новая опасность. Лес валили всегда, законно и незаконно. Лесорубы приходят и уходят. Деревья могут восстановиться со временем.

Но теперь появились плантации. Огромные участки бывшего леса используют для сельского хозяйства, привлекая иностранные инвестиции. Там растят пальмы, из которых делают масло, и акации, источник целлюлозы. Это прибыльный бизнес, но он не дает лесу возрождаться. На этих голых лесных заводах приматам делать нечего.

И мы пользуемся этим, сами не зная того. Из целлюлозы делают бумагу, из дерева — всё, от ДСП до ваших красивых новых дверей. Можно пытаться потреблять осознанно, но это становится сложнее. У нас тут глобальная экономика, а у обезьян нет. Их прижимают к стенке и даже

выжимают за нее. Простите, не могу пошутить на эту тему.

Когда пошли слухи о микробах на Марсе, была большая шумиха. Если бы орангутаны оказались марсианами, мы бы ценили их, удивлялись, как они на нас похожи и одновременно не похожи, приглашали бы их на чай и на сигары в Белом доме.

Но они просто обезьяны. Грустно сидят в зоопарке, снимаются в веселых фильмах, пригодны для рекламы и для фэнтези. Мне немного стыдно об этом говорить, но библиотекарь Незримого университета кое-что сделал для своего вида и принес ему немало денег. Но проблема не в деньгах, к сожалению. Проблема в куче денег.

Миллион лет назад орангутаны видели, как питекантроп пришел в Индонезию. Возможно, всего через несколько лет мы увидим, как последних орангутанов загонят в клетки и огороженные парки и заставят жить в симулякре реального мира. Они станут призраками, потому что им нужен лес, как рыбам нужно море.

И всё это ради дешевой бумаги и экзотических дверей.

Если вы, конечно, не верите в чудеса.

Национальная служба здравоохранения получила серьезную травму

News of the World, 17 августа 2008 года, подзаголовок: «Отвратительно. Я могу получить у NHS виагру, но не лекарство от Альцгеймера»

Сначала врач говорила мне, что у меня нет никакого Альцгеймера, но я чувствовал, что что-то не так. Я снова обратился к ней, и она отправила меня к специалисту. После постановки диагноза оказалось, что я могу получить кое-какие лекарства, но я слишком молод, чтобы мне их выдала NHS (Национальная служба здравоохранения). Тогда я впервые рассердился и заговорил о том, что происходит.

У Национальной службы здравоохранения серьезные проблемы. Болезнь Альцгеймера — неприятная и страшная штука. Я не знаю никого, кому бы стало лучше.

Она потихоньку лишает нас личности — так медленно, что ты сам этого не замечаешь, пока не становишься овощем.

Однако лекарство под названием «Донепезил»

может замедлить развитие болезни. Оно стоит всего два с половиной фунта в день.

К сожалению, в Великобритании четыреста тысяч страдающих болезнью Альцгеймера, и NHS запретила распространять «Донепезил» на ранних стадиях болезни везде, кроме Шотландии.

В Шотландии у больных есть шанс получить лекарство. По-моему, это неплохой способ здравоохранения. У них там двухуровневая система — шотландская и британская. Подробнее я остановлюсь на этом позже.

Я миллионер, так что я готов платить, но многие люди не могут этого сделать.

Мне кажется, что это достаточно неприятная болезнь, чтобы тратить два с половиной фунта в день.

Моя жена и помощник заметили значительные изменения через два или три месяца приема лекарства. У меня были сложности с пуговицами, и я не мог сам застегнуть ремень безопасности. Но теперь я нормально одеваюсь и с первого раза застегиваю все ремни. Для меня самого пасмурный день как будто сменился солнечным.

Поверьте, это того стоило!

Диагноз был поставлен девять месяцев назад. Мне еще не исполнилось шестидесяти пяти, по-

этому это считается «ранней формой».

Есть множество пациентов моложе меня, и я очень злюсь, потому что Альцгеймер в любом случае оскорбителен, но чем ты моложе, тем это противнее. Болезнь поражает людей, которым надо содержать других (моложе или старше) и надо сохранить работу.

Я всё еще могу работать дома и контролировать то, что меня окружает. Мой редкий вариант болезни не так уж и ужасен. Романы получаются так же, как и всегда, труднее стало только печатать. Бывают моменты, когда буква А, ну, исчезает. Как будто клавиатура моргает, и на ней больше нет А. Тогда я тоже моргаю пару раз, концентрируюсь, и буква возвращается.

Я сдал водительские права. Если мой мозг не показывает мне букву А, он может не показать и ребенка на пешеходном переходе. На этой стадии такое маловероятно, но кто станет рисковать?

Я знаю, что мне повезло сильнее многих людей, старше или моложе меня, которым трудно платить тысячу фунтов в год.

И я могу позволить себе компьютерную программу распознавания голоса.

Я не собираюсь уходить на пенсию, я буду писать до самой смерти. Это моя главная страсть.

У меня есть люди, которые будут меня возить. В общем, мне пока везет. Я не думал так в прошлом ноябре, когда мне сказали, что я болен задней кортикальной атрофией, редкой формой болезни Альцгеймера, которая поражает заднюю часть мозга. Поставив диагноз, мне не предложили никакого лечения. Один из местных врачей не был знаком с этой болезнью, а перенаправить меня к другому он не мог, потому что другой занимался только пациентами старше шестидесяти пяти.

Это была не их вина. Но услышав диагноз, я почувствовал себя очень одиноким и уязвимым.

Черт, я подумал, что проще будет добыть наркоту у Жирного Чарли с автобусной станции, чем найти «Донепезил» (я его только что придумал, если что).

Так далеко заходить не пришлось. Частный врач прописал мне «Донепезил» в виде исключения на несколько месяцев, а потом я нашел отличного специалиста в Бате.

Тогда я заявил, что у меня болезнь Альцгеймера. Я не ожидал такой суеты и не думал, что у меня лопнет почтовый ящик. Господи, двадцать пять лет пишешь бестселлеры и пребываешь в благожелательном забвении, а потом подхватываешь какую-то дурацкую болезнь, и каждое

телешоу жаждет тебя заполучить.

Я стал, как это называется, «политизирован».

Решения о том, какие лекарства может распределять NHS, принимает Национальный институт передового опыта в области здравоохранения. Именно он выбирает, какие методы лечения считаются подходящими.

Мне было очень интересно услышать, на основании чего принимаются такие решения, потому что многие из них бессмысленны. Кстати сказать, я бесплатно могу получить виагру. Я не совсем уверен, что раздавать виагру — задача государства.

Даже рак всё чаще лечится, если человеку везет. Для меня не существует лекарства. Болезнь Альцгеймера неостановима, как и сам процесс умирания.

И это не вина института, хотя его не слишком-то любят. Но нам всем стоит повнимательнее присмотреться к исключительным случаям в работе NHS — именно это привело, например, к пугающей разнице обеспечения лекарствами Англии и Шотландии и к оскорбительным доплатам за визиты к врачу.

Такие доплаты запрещены, однако они позволяли пациенту частным порядком заплатить

за лекарство, которое не финансируется NHS, не теряя при этом базовой страховки. Мне бы хотелось, чтобы NHS еще раз обдумала эту ситуацию. Запрет доплат ударил по людям вроде моих бережливых родителей, которые экономили и откладывали, как тогда было модно.

Я не вижу ничего ужасного в оплате дополнительных медицинских услуг. Это ничем не отличается от покупки машин или домов. Люди сами решают, что делать со своими деньгами. Несправедливо наказывать тех, кто может сам заплатить за дополнительное лекарство, но при этом не может оплачивать лечение целиком.

NHS не должна была стать такой. Предполагалось, что она будет выдавать нам стеклянные глаза, деревянные ноги, вставные зубы, делать прививки, ну и лечить травмы. Сейчас появились лекарства, о которых во времена моего детства слыхом не слыхивали. Я уверен, что на протяжении жизни следующего поколения появится средство от болезни Альцгеймера, которое загонит благородный «Донепезил» в тень.

Это будет недешево. И как же справится NHS? Та NHS, которая наказывает людей, готовых платить за лекарства? Это ведь даже не как в Советском Союзе. Это никак не влияет на богатых, которые

могут пренебречь страховкой. Но портит жизнь экономным людям.

У нас сейчас работает двухуровневая система здравоохранения. Можно пойти к своему врачу, а потом обратиться к частному доктору. Стоматолог NHS, если вы вообще такого найдете, возьмет с вас дополнительную плату за многие услуги.

Когда NHS только появилась, люди могли вроде как скинуться на собственное лечение, и всем было хорошо. Что изменилось?

Теперь, насколько мне известно, возникло множество проблем. NHS может отказаться вас лечить, если вы сами платите за часть лечения. Но мы же люди, а не обезьяны. Мы должны разумно делать выбор.

Всё больше и больше людей предпочитают частную медицину, если у них есть выбор. NHS справляется с простыми болезнями и с экстренными случаями, но она бесполезна на длинной дистанции.

Это фраза из Австралии, самой эгалитарной страны мира, где система общественного/частного здравоохранения прекрасно работает.

Мне кажется, мы должны решить, чего хотим от NHS, за что мы готовы платить и что готовы покупать себе сами.

Беби-бумеры, к числу которых я принадлежу, стареют. С нынешней NHS старость им не понравится.

Приближается цунами из пациентов, и NHS к нему не готова. Их будет до черта. Это уже началось.

Я потихоньку ускользаю… и могу только следить за этим

Daily Mail, 7 октября 2008 года

В тот день, когда мне диагностировали заднюю кортикальную атрофию, Роб спросил, кого проинформировать об этом. Я сказал, что хочу рассказать всем. Я был зол. И это сработало. По-настоящему. Мне написало так много людей, что мы задохнулись в потоке писем.

Хотелось бы мне сказать, что я сумел что-то изменить. Думаю, это уже наполовину так. Когда мне поставили диагноз, больной любым видом болезни Альцгеймера ничего не мог сделать, никого не мог попросить о помощи, не мог выбрать для себя золотую середину. По-моему, теперь всё стало немного лучше.

В этой стране семьсот тысяч страдающих деменцией людей, которых никто не слышит. Мне повезло. Меня услышат. Как ни прискорбно, удивительно много людей готовы вас выслушать, если вы выступаете на публике и жертвуете миллион долларов на исследование, как поступил я.

Почему я это сделал? Я счел свой диагноз оскорбительным и решил задействовать в борьбе с этой мерзкой болезнью все возможные силы.

У меня задняя кортикальная атрофия, ЗКА. Врачи откровенно говорят, что это самая удобная форма болезни Альцгеймера. Спорная точка зрения. ЗКА постепенно крадет вашу память, зрение и еще многие вещи, о которых вы вообще не думали, пока их не лишились, но при этом оставляет вас почти таким же разумным и собранным, как всегда.

Недавно я общался с товарищем по диагнозу (или, как мне нравится говорить, с «лицом, которое заметно обеспокоено наличием деменции»), который говорил голосом университетского лектора и принимал полноценное участие в беседе.

Но при этом он не видел чашку чая на столе. Его глаза знали, что чашка там стоит, но мозг не принимал этой информации. Болезнь уносит вас по кусочкам и позволяет вам на это смотреть.

Оглядываясь назад, я полагаю справедливым наблюдение о том, что деменция (а болезнь Альцгеймера — самая распространенная ее форма) обычно развивается довольно долго до постановки диагноза.

Я впервые столкнулся с трудностями в конце

лета две тысячи седьмого года. Я начал промахиваться мимо клавиш и делать ошибки в словах. Я научился распознавать так называемые дни станции Клэпхем, когда я решительно не мог справиться с повседневной работой.

Сначала мне диагностировали не болезнь Альцгеймера, а ишемическую болезнь, нормальную утрату клеток мозга из-за старения. Это удовлетворило меня до следующего дня станции Клэпхем. Я вернулся к врачу и сказал, что происходит что-то серьезное.

К счастью, ей хватило квалификации, чтобы не мучить меня душераздирающим тестом оценки психического статуса (три десятка вопросов, которые используются для проверки функционирования мозга). Она отправила меня в больницу Адденбрука в Кембридже, где после МРТ и целого дня сложных тестов мне диагностировали ЗКА, редкий вариант деменции, который ускользнул от орлиного взора изначального диагноста.

По сравнению со мной в тот день мильтоновский Сатана из «Потерянного рая», который стоял в аду и гневался на небеса, был всего лишь немного раздражен. Мне было ужасно одиноко, мир убегал от меня во все стороны, а пламенем моей ярости можно было плавить сталь. Пережить

этот миг мне помогла моя семья и мои фанаты, оказавшиеся медиками и давшие мне советы. Мне очень жаль тех людей, которым не так повезло, и очень обидно за них.

Удивительно, как много времени иногда уходит на постановку диагноза (я это знаю, потому что люди мне пишут). Я не могу помочь, но мне порой кажется, что просто врачи не хотят ставить на пациента клеймо деменции, потому что лекарства всё равно нет.

Мне очень повезло с врачом. Думаю, она сама удивилась, обнаружив, что из двух специалистов в нашем районе один ничего не знает о ЗКА и поэтому не может мне помочь, а второй не будет со мной работать, потому что специализируется на пациентах старше шестидесяти пяти. В пятьдесят девять я был очевидно слишком юн для Альцгеймера.

Я помню, как думал в тот день гнева, что окажись у меня рак любого вида, передо мной хотя бы была протоптанная тропа.

Были бы специалисты, проверки, короче говоря, была бы какая-то система.

Я был не готов к ответу, который сводился примерно к «вали и возвращайся через шесть лет».

Жена сказала: «Слава богу, не опухоль мозга».

Я думал только о том, что знаю трех людей, которых вылечили от опухоли мозга, и ни одного, кого вылечили бы от болезни Альцгеймера.

Я понял, что диагноз верен, по своему почерку и попыткам печатать. Почерк совсем испортился. Остальные проблемы я сваливал на приближающийся шестидесятый день рождения.

Я думал, что никто не замечает мучений с ремнями безопасности и неспособность одеться с первого раза, но жена и мой помощник беспокоились. Порой случались дни станции Клэпхем, но теперь мы понимали, в чем дело.

За двадцать пять лет я написал сорок семь романов, но теперь мне приходилось проверять даже самые простые слова — они просто вдруг выпадали из памяти.

Я бы не осмелился написать всё это без проверки орфографии, которую раньше презирал — а вы бы не стали это читать, поверьте. С другой стороны — и это очень типично для ЗКА, — когда милая леди, которая порой проверяет мое состояние, попросила меня назвать как можно больше зверей, я начал с горного дамана, ближайшего живого родственника слонов, и тилацина, тасманийского сумчатого волка, возможно, вымершего.

Это дар — или проклятие — моей формы болез-

ни. Мы не всегда можем справиться с физическим миром, но вполне способны отговориться так, что вы ничего не заметите. Мы не всегда застегиваем рубашки правильно, но можем убедить вас, что так теперь модно.

Я чувствовал, что у меня остался только голос, и хотел, чтобы меня все услышали. Мне и в голову не приходило промолчать. Я вышел в интернет и рассказал всем. Я хотел бы сказать, что это был геройский поступок. Но нет. Само предположение кажется мне оскорбительным.

Что геройского в том, чтобы сказать, что ты подхватил болезнь, которая не имеет никакого отношения к разгульной юности, непокорству или хотя бы ужасным пищевым привычкам? Кто угодно может столкнуться с деменцией. Люди всё чаще с ней сталкиваются.

В какой-то момент у меня как будто было два диагноза. Болезнь Альцгеймера и знание о том, что я болен. Иногда я думал, что был бы гораздо счастливее, не знай я о ней. Я бы просто считал, что теряю клетки мозга, и надеялся когда-нибудь выздороветь.

Но всё же лучше знать и лучше рассказать всем. Люди начали говорить о болезни — вероятно, именно этого мне и хотелось.

Миллион долларов, который я пожертвовал Фонду исследования болезни Альцгеймера, заставил их говорить громче на какое-то время.

Когда ты раскрываешь свой секрет, жизнь становится страннее. Люди смущаются, понижают голос, путаются в словах. В отчете, который я сейчас продвигаю, говорится, что пятьдесят процентов британцев считают, что деменция стигматизирована. И только двадцать пять процентов полагают, что рак тоже стигматизирован.

Истории в этом отчете — истории людей, которые были слишком молоды и умны, чтобы страдать деменцией, истории о том, как их бросили друзья, — напоминают роман ужасов. Кажется, что больные раком храбро борются против своей болезни, а страдающие болезнью Альцгеймера — просто старые пердуны. Такими вас считают люди. Это неприятно.

Мне кажется, что в этой стране нет ни одной семьи, которую так или иначе не затронула бы болезнь. Но о ней не говорят, потому что это страшно. Клянусь, люди полагают, что произнося это слово, призывают дьявола. Раньше так обстояло дело с раком.

С другой стороны, журналисты — хорошо, что

другие больные реже с этим сталкиваются, — не могут говорить со мной ни о чем другом. Это основа любого интервью. Да, десять месяцев назад я заявил, что болен ЗКА. Да, я всё еще болен. Да, мне это не нравится. Нет, лекарства нет.

Мне нечего возразить, но всё же странно, что болезнь, привлекающая столько внимания, вызывающая столько ужаса и окруженная такими предрассудками, так мало исследуется и финансируется.

Мы не знаем, как она возникает. Единственный верный способ никогда ею не заболеть — умереть молодым.

Регулярные упражнения и правильное питание — тоже неплохая идея, но они ничего не гарантируют. Лекарства нет.

Исследователи говорят, что, возможно, сочетание разных процедур и режима поможет людям с деменцией жить активной нормальной жизнью, а болезнь будет сдерживаться примерно так же, как сейчас сдерживается СПИД.

Не столько лекарство, сколько — как мы надеемся — длительная отсрочка.

Хорошо бы это всё появилось пораньше и было бы доступно.

До тех пор мы будем надеяться на «Донепезил».

Это тоже не лекарство, а, скорее, мешки с песком, которыми мы пытаемся сдержать прилив неизвестности. Но бесплатно его выдают только больным со средней стадией болезни. Другие должны платить тысячу фунтов в год, как плачу я.

Право на получение лекарства определяется тестом оценки психического статуса. Пациенту со средней стадией болезни очень легко нарочно дать ответы, которые обеспечат ему лекарство. Снимаю шляпу перед людьми, которые для такого слишком горды или ответственны. Ну вот я и проболтался.

Национальный институт передового опыта в области здравоохранения утверждает, что на моей стадии болезни изменения минимальны. Моей семье так не кажется. Разница примерно как между пасмурным и солнечным днем.

Вся эта болезнь состоит из минимальных изменений. И, может быть, всё индивидуально для каждой индивидуальности.

Сейчас на это вся надежда.

В последний год жизни моего отца я говорил с ним о смерти. Я очень хорошо помню, с какой радостью он понял, что рак убьет его, но не лишит «шариков в голове». Деменция совсем не

похожа на рак.

Для папы рак поджелудочной железы был захватчиком. Но болезнь Альцгеймера — это я сам. Я разваливаюсь, перестаю доверять себе, шучу сам над собой, а в плохой день могу сам с собой сыграть в «отними туфлю» и проиграть.

С деменцией нельзя бороться, нельзя храбро держаться за жизнь. Она просто крадет тебя у тебя самого.

Мне шестьдесят. Сейчас это новые сорок. Беби-бумеры стареют и долго еще останутся пожилыми. Они попадут под прицел деменции. И как справится с этим общество?

Особенно общество, которое не может положиться на крепкие семейные отношения, которые традиционно отвечали за заботу. Нам нужна воля и решимость. Для начала нужно открыто говорить о деменции — всем известно (и зафиксировано в фольклоре), что если ты хочешь убить демона, сначала нужно назвать его по имени. Распознав демона, перестав его стыдиться и скрывать, мы сможем найти его слабое место.

К сожалению, один из лучших мечей для убийства таких демонов куется из золота — из куч золота.

В наши дни это называется финансированием.

Я верю, что день битвы против болезни Альцгеймера скоро наступит. Многое, что я слышу от экспертов — не всегда официально, — это подтверждает.

Это обычная болезнь, а не таинственное проклятье. Против нее должно существовать лечение. Нужно убивать демонов, пока они не выросли.

В мире налогов

Что делать автору, если каждое второе слово он пишет для министра финансов?

Письмо в *The Times*, 23 мая 2009 года

Сэр,

я однозначно плачу налоги по самой высокой ставке. В свое оправдание я могу сказать, что это произошло потому, что довольно долго писал совершенно безобидные сказки, а не, например, потому, что алчность заставила меня вырвать кровоточащее сердце финансовой системы.

Поэтому я в некотором роде раздражен тем, что чуть больше половины написанных мною слов предназначены для министра финансов, который наверняка потратит их на неработающие компьютеры и домики для уток.

Меня очень обрадовали заявления журналистов и прочих мудрецов о том, что «богатые не будут платить пятьдесят процентов подоходного налога, потому что их бухгалтеры найдут способ обойти закон». Когда я сообщил это своему собственному бухгалтеру, старшему партнеру надежной лондонской фирмы, он засмеялся и

сказал: «Если вы не хотите очень надолго уехать за границу, связаться с неприятными людьми или инвестировать в рискованные налоговые схемы, то для вас ничего сделать нельзя».

Полагаю, он знает свое дело, а налоговые учреждения знают свое — почему же тогда эта идея повторяется так часто?

Сэр Терри Пратчетт
Солсбери, Уилтшир

P. S. Обращаться в бухгалтерскую компанию с сомнительной репутацией я не собираюсь.

Отправьте меня на небо, когда придет конец

Mail on Sunday, 2 августа 2009 год

Я полностью поддерживаю эвтаназию. Разумеется, некоторые люди против, но они выдвигают неправильные аргументы вроде «Господу это не понравится». Лично я не думаю, что Господа это вообще волнует, но мне нравится думать, что бог разумнее относится к вопросу ненужных страданий. Кто знает…

Мы глупые. За последний век мы сильно преуспели в искусстве жить дольше и оставаться в живых и совсем забыли, как умирать. Слишком часто мы дорого платим за этот урок. Как только беби-бумеры достигнут пенсионного возраста, они заплатят еще дороже. По крайней мере, так я думал до прошлой недели.

Теперь у меня появилась надежда. Надежда на то, что пока болезнь еще не стерла мои мозги, я смогу сделать шаг вперед, не дожидаясь, пока меня толкнут. Я хочу утащить за собой свою злобную Немезиду, как Шерлок Холмс, сцепившийся

в схватке с Мориарти над водопадом.

В любом случае, такие мысли вселяют в меня ощущение силы. Враг может победить, но он не восторжествует.

На прошлой неделе опрос показал, что более трех четвертей британцев поддерживают эвтаназию для безнадежно больных.

В четверг лорды-судьи вынесли судьбоносное решение по делу страдающей рассеянным склерозом Дебби Перди, которая опасалась, что ее муж подвергнется судебному преследованию, если будет сопровождать ее в другую страну для эвтаназии.

Она хотела, чтобы закон об эвтаназии был пересмотрен, и лорды-судьи приказали генеральному прокурору написать разъяснение — какие поступки подлежат наказанию, а какие нет.

Кажется, заговорили беби-бумеры. Некоторые из них явно надеются умереть, не успев состариться — по крайней мере, состариться слишком сильно. Они явно видели, что случилось с их родителями и бабушками, и им это не понравилось. Каждый день я вспоминаю смерть своего отца. Сиделки были очень добры, но всё же в этом было что-то несправедливое и неправильное.

Результаты опроса появились почти одновре-

менно с заявлением Королевского колледжа медицинских сестер. Колледж отказался от порицания эвтаназии. Есть и другие знаки — врачи как минимум готовы вернуться к обсуждению этого вопроса.

Ненавижу термин «самоубийство при помощи врача». Когда я был журналистом, я видел результаты двух самоубийств и присутствовал при множестве коронерских расследований. Меня шокировало разнообразие способов, которыми отчаявшиеся люди сводят счеты с жизнью.

Самоубийство — это ужас, позор, отчаяние и горе. Это безумие.

Те храбрецы, которые отправляются за границу, чтобы умереть там, кажутся мне образцом здравомыслия. Они прекрасно осознают собственное будущее и не хотят принимать в нем участие.

Меня шокирует даже не то, что невиновные люди могут быть повершены как убийцы, хотя они всего лишь совершили акт милосердия. Меня удивляет, что людям приходится уезжать куда-то, чтобы умереть. Помощь должна быть доступна им прямо здесь.

Вовсе не обязательно изучать историю общества или вращаться в медицинских кругах, чтобы понять, что довольно долго врачи обязаны были

помогать своим пациентам умирать.

Викторианцы умирали у себя дома. При необходимости — с помощью врача.

В те времена не было никакого наркоконтроля и контроля за оборотом оружия. Лауданум и опиаты были широко распространены, любой мог ими воспользоваться. Тот же Шерлок Холмс, например.

Будучи молодым журналистом, я однажды в ужасе выслушал историю девяностолетней бывшей медсестры, которая помогла умирающему раковому больному отправиться в Великое Ничто, воспользовавшись подушкой. Учитывая отсутствие хороших лекарств, истерику жены больного и ужасные муки, которые он испытывал, смерть стала для них милосердным другом. Сама жизнь сошла с ума и убивала его.

— Мы называли это «отправить на небеса», — сказала она мне.

Несколько десятилетий спустя я рассказал об этом другой, молодой медсестре. Она взглянула на меня без выражения и сказала:

— А мы говорим «указать путь».

И быстро ушла, зная, что наговорила лишнего.

Мне говорят, что врачи не хотят беспокоить пациентов. Зачем им знать, что теоретически

терапевт способен их убить. Правда?

Я подозреваю, что даже мой стоматолог на это вполне способен. Это меня вообще не беспокоит. Зато я уверен, что, как и многие другие, буду счастлив, если медики помогут мне сделать последний шаг.

Я оставил на этот счет письменные распоряжения. Да и эта статья в «Мейл он сандей» наверняка послужит доказательством моей решимости. Я не пишу законов, но вы не представляете, как я хочу, чтобы ко мне прислушались те, кто их пишет.

За последние несколько лет я повстречал чудесных людей, призвание которых — заботиться о больных. У меня нет причин в этом сомневаться. Но неужели им сложно понять, что некоторые люди не хотят, чтобы о них заботились?

Многие люди верят, что доктора и медсестры, по крайней мере в больнице, могут «помочь» безнадежному пациенту.

Я очень надеюсь, что это правда, но, по-моему, пора разогнать туман вокруг этого вопроса. Пора принять идею того, что безнадежно больной человек имеет право сам выбрать время и даже место своей смерти.

Я пишу эти строки как человек, прославившийся, к сожалению, благодаря болезни Альцгеймера.

Хотя стремление прославиться — настоящий бич наших дней, без этой славы я бы с легкостью обошелся.

Я знаю достаточно, чтобы понимать, что не доживу до изобретения лекарства. Я знаю, что последние стадии моей болезни очень неприятны. Эта болезнь пугает людей старше шестидесяти пяти сильнее всего.

Естественно, я думаю о будущем. Раньше был такой термин, как «убийство из милосердия». Кажется, он никогда не был прописан в законе, но в общественном сознании он существует до сих пор. Кажется, общество понимает его правильно.

Можно ли пройти мимо человека, которого поедает чудовище? А что делать, если ты не можешь отогнать тварь? Очевидно, что дать ему быструю и безболезненную смерть гуманнее, чем оставить на съедение.

И уж конечно, мы не станем класть чудовище в кровать вместе с человеком, прикрывать одеяльцем, а уже потом пытаться что-то с ним сделать. А ведь именно так мы и поступаем со «старческой» болезнью (моя программа распознавания речи постоянно пишет «маразм» вместо «деменция». Я много раз слышал, как люди неосознанно делали то же самое. Будучи писателем, я решил, что без

угрожающих латинских корней болезнь кажется немного добрее).

Мой отец хорошо чувствовал общественные настроения. За день до постановки диагноза (рак поджелудочной железы) он сказал: «Если ты когда-нибудь увидишь меня на больничной койке, опутанного проводами и трубками, скажи врачам, чтобы меня отключили».

Годом позже я не смог этого сделать, хотя медицина оказалась бессильна, и его тело уже превратилось в поле боя между раком и морфином.

Не знаю, что тогда творилось в его голове, но почему мы должны через это проходить? Ему сказали, что у него есть год жизни. Год прошел. Он, человек практического склада ума, явно понимал, зачем его положили в хоспис.

Почему нам не дали окончить всё по-викториански? Может быть, на неделю-другую раньше, но мы бы успели сказать все слова любви, последние напутствия и поплакать до самого конца.

Это было разумно и по-человечески, а вместо этого вышло сюрреалистично. И это не вина врачей — они такие же заложники системы.

Но мой отец страдал от боли, а боль уже научились контролировать до самого конца.

Но я не знаю, что делать с чувством постепенной потери разума и рассудка, которое испытывают жертвы этой старческой болезни.

Мой отец был не из тех, кто любит привлекать к себе внимание. Я бы тоже не стал, если бы речь шла только о боли. Но дело не в ней.

Я наслаждаюсь жизнью на полную катушку и надеюсь заниматься этим еще довольно долго. Но когда на горизонте замаячит конец, я собираюсь умереть, сидя в кресле в своем саду, с бокалом бренди в руке и с Томасом Таллисом в айподе (потому что его музыка даже атеиста немного приближает к раю). Если у меня хватит времени, я возьму второй бокал бренди.

Ну и, поскольку мы в Англии, я добавлю, что в случае дождя устроюсь в библиотеке.

Кто скажет, что мой план плох? Что в нем не так?

Разумеется, во время дискуссий поднимаются важные вопросы. Кое-кто беспокоится, что жадные родственники будут «подталкивать» пожилых людей к эвтаназии. Если мы не найдем способа это предотвратить, я очень удивлюсь.

Вообще, судя по моему опыту, пожилого человека нельзя заставить сделать то, чего он не хочет. Старики знают свой разум как свои пять пальцев,

и не любят, когда в этом сомневаются.

В целях безопасности можно, наверное, создать некий деликатный трибунал, который гарантирует, что запрос на эвтаназию подан добровольно, а не в результате давления или убеждения со стороны.

С моей точки зрения, с этой задачей прекрасно справятся коронеры. Все коронеры, которых я встречал, были бывшими юристами с большим жизненным опытом и знанием человеческой природы, людьми мудрыми и немолодыми.

Не знаю, правда, захотят ли они взять на себя такие обязанности, но этого и не узнать, если не попробовать — дело-то совсем новое.

Когда я только начинал работать журналистом, коронеры расследовали смерти детей от талидомида и ужасные катастрофы, и делали это хладнокровно и милосердно. Если их нынешние последователи так же внимательны и осторожны, я думаю, их участие снимет многие возражения.

А еще я предлагаю держать подальше от этих вопросов Социальную службу. Думаю, от нее будет мало пользы.

Мы совсем потеряли веру в мудрость обычных людей, включая, например, моего отца. В

конечном итоге именно обычные люди должны принимать такие решения.

Кто-то наверняка скажет, что наша система здравоохранения не справится. Даже если предположить, что сейчас она со своими функциями справляется (большинство из нас принимает это на веру), через несколько десятилетий она всё равно рухнет, если в обществе не произойдут серьезные изменения.

Взгляните на цифры. За большинством стариков уже ухаживают люди, которые тоже достигли пенсионного возраста. Система здравоохранения скоро сойдет с ума, и NHS придется как-то решать этот вопрос.

Да, конечно, существуют дома престарелых, и их регулярно проверяют. Нам приходится верить, что инспектора работают добросовестно. Но знаете ли вы, как правильно выбрать себе дом престарелых? Какие вопросы надо задавать?

Если вы страдаете болезнью Альцгеймера или представляете интересы больного, спросили ли вы о «кормлении через трубку»?

Это способ насильственного кормления пациентов, которые отказываются от еды. Я сам только недавно услышал об этом и пережил несколько весьма красочных кошмаров. Речь идет о невин-

ных и к тому же умирающих людях. Неужели кто-то полагает, что их нужно подвергать такой унизительной и болезненной процедуре?

Общество болезни Альцгеймера дипломатично назвало кормление через трубку «не лучшей идеей». Люди, которым я доверяю, говорят мне, что основная проблема ухода за больными состоит не в недостатке заботы и доброй воли, а в отсутствии специалистов, которые разбираются в специфических нуждах умирающих больных.

Я уверен, что никто не проявляет жестокость намеренно, но к нашей заботе о стариках нужен философский подход.

Нашему обществу следует определиться, придерживаемся ли мы принципа «жизнь любой ценой». У нас уже есть такая штука, как официальный «Индекс качества жизни». Я даже не знаю, что меня больше пугает — то, что он у нас есть, или вероятность, что его бы не было.

В первой книге о Плоском мире, опубликованной более двадцати шести лет назад, я сделал Смерть одним из своих главных героев. Я не изобрел ничего нового — смерть регулярно появляется в искусстве и литературе со Средних веков, и за многие столетия фигура Мрачного жнеца обрела своеобразный шарм.

Но Смерть Плоского мира необычен. Он приобрел популярность, потому что он — не убийца, как он сам много раз терпеливо объяснял. Убивают пистолеты, ножи и голод. Смерть появляется потом, чтобы утешить растерянных новичков, начинающих свое путешествие.

Он добр. Он же ангел, в конце концов. А еще его восхищают люди, наша постоянная борьба и то, как страшно мы усложняем свои и без того коротенькие жизни. Я разделяю его восхищение.

Не прошло и пары лет, как я начал получать письма про Смерть. Мне писали люди из хосписов, их родственники, сироты, больные лейкемией дети и даже родители мальчишек, разбившихся на мотоциклах.

Помню одно письмо, автор которого рассказывал, как книги помогли его матери в хосписе. Часто потерявшие близких просили разрешения использовать отрывки книг о Плоском мире в поминальных службах.

Все они так или иначе хотели поблагодарить меня, но пока я не привык, каждое такое письмо на целый день заставляло меня отложить перо.

Самый храбрый человек, которого я встречал в своей жизни, — маленький мальчик, подвергавшийся интенсивной терапии в безнадежной

борьбе с очень редким, сложным, мерзким заболеванием. Последний раз я видел его на конвенте, посвященном Плоскому миру. В ролевой игре он выбрал роль наемного убийцы. Вскоре после этого он умер. Мне бы его храбрость и чувство стиля.

Мне хочется думать, что мой отказ отправиться в дом престарелых освободит ресурсы для таких, как этот мальчик.

Давайте поясним: я не верю в «обязанность умереть». Старики — это живое прошлое, мы должны беречь и уважать их.

Я знаю, что в прошлом сентябре баронесса Уорнок сказала (или будто бы сказала), что очень старые и больные люди якобы «обязаны умереть». Я видел людей, боящихся, что формализованный подход к эвтаназии может привести к тому, что эта идея станет частью национальной политики здравоохранения.

Я очень сомневаюсь, что это возможно. Мы демократическая страна, а ни одно демократическое правительство не станет поддерживать обязательную или хотя бы рекомендуемую эвтаназию. Если это случится, значит, у нас такие проблемы, что эвтаназия по сравнению с ними никого не волнует.

Но я не верю и в обязанность человека страдать от смертельной болезни и ее жутких проявлений.

Как писатель я был известен ограниченному — хотя и довольно обширному, должен признать, — кругу людей, которые читали мои книги. Я был не готов к тому, что началось, когда я в декабре две тысячи седьмого признался в наличии у меня болезни Альцгеймера и выступил по телевидению.

Люди начали подходить ко мне на улице и говорить, что их мать больна тем же, или отец, или оба родителя. Я смотрел им в глаза и видел страх.

Как-то в Лондоне меня схватил за руку какой-то толстяк, сказал:

— Спасибо вам за то, что вы делаете, моя мать умерла от этого.

И скрылся в толпе.

Конечно, я получаю множество бумажных и электронных писем. Со стыдом признаюсь, что не успею ответить на все.

Ну и конечно же, я получил массу писем и имейлов, на многие из которых, со стыдом признаюсь, я не ответил и вряд ли смогу ответить в будущем.

Люди боятся, и не потому, что кто-то разжигает этот страх. Просто они видели неприятную смерть в своей собственной семье.

Я выгляжу довольно дружелюбным, и порой у меня случаются странные разговоры. Людям кажется, что они меня знают, и при этом — это важно — я не имею никакого отношения к власти. Даже наоборот.

Я встречал страдающих болезнью Альцгеймера, которые надеются, что успеют умереть от какой-нибудь другой болезни. Маленькие старушки признавались мне:

— Я коплю таблетки, дорогуша, в конце пригодятся.

На самом деле они покупают ощущение чувства контроля. Я встречал медсестер на пенсии, которые делают такие же приготовления, просто более квалифицированные.

Мой личный опыт говорит мне, что данные недавнего опроса на самом деле отражают мнение жителей нашей страны. Они не боятся смерти. Они боятся того, что ей предшествует.

Создать жизнь дешево и легко. Но то, что мы сами к ней добавляем — гордость, самоуважение, человеческое достоинство, — нужно беречь. И это всё очень легко утратить, гонясь за «жизнью

любой ценой».

Я верю, что если ноша становится непосильной, тот, кто сам этого хочет, должен иметь возможность уйти.

Лично я надеюсь, что когда придет время, это случится в саду под английским небом. Или, в случае дождя, в библиотеке.

Лекция в память Ричарда Димблби: пожать руку смерти

Королевское медицинское общество, 1 февраля 2010 года, эфир на Би-би-си 1, с пометкой, что основной текст читает Тони Робинсон

Прежде всего я должен поблагодарить семью Димблби, которая попросила меня сегодня прочитать эту лекцию. Я ценю то, что стало причиной этого приглашения. Когда Ричард Димблби умер от рака в декабре шестьдесят пятого года, я был молодым журналистом, только начинающим свою карьеру. Нацию потрясли два факта: во-первых, Ричард умер. Во-вторых, его семья не скрывала, что он умер от рака. В те времена это название не произносилось вслух. Люди умирали «после долгой болезни». Мы, журналисты, соглашались с этими уклончивыми описаниями и потворствовали им. Все знали, что это значит, но никто не употреблял запретное слово. Но неожиданно об этом заговорили. Я понял, что война с раком началась всерьез. Чтобы убить чудовище, нужно сначала назвать его по имени.

Отдаленное эхо этого случая заставило меня

заявить два года назад, что я страдаю болезнью Альцгеймера. Я помню, что рак считался позорным и скрывался. Решение семьи Димблби не молчать о смерти Ричарда легло в основу моего собственного решения. Я сделал это, потому что не мог не сделать. Это даже не было решением. Скорее, расчетом и стремлением.

Меня зовут Терри Пратчетт. Я автор огромного количества необъяснимо популярных фэнтези-романов.

Вопреки распространенному мнению, фэнтези не имеет ничего общего с выдумкой. Мир полон всего. Придумать что-то новое почти невозможно. Роль фэнтези, в формулировке Г. К. Честертона, состоит в том, чтобы взять нормальное, повседневное и в силу этого невидимое, развернуть его и показать публике с новой стороны, чтобы она взглянула на него другими глазами.

Сегодня я собирался поговорить о болезни Альцгеймера, которая, к счастью, вышла из сумеречной зоны, а также о другой табуированной теме. О наших отношениях со смертью.

К сожалению, болезнь не позволит мне прочитать всю лекцию целиком. На случай, если я не справлюсь, мы пригласили моего друга Тони Робинсона, который создал очень трогательную

передачу о борьбе матери с деменцией. Он подменит меня и станет вашим Терри Пратчеттом на вечер. За мои грехи — хотел бы я их помнить — я превратился в «мистера Альцгеймера». Я дал на эту тему столько интервью, что уже их перезабыл. Но есть и другие, менее известные люди, которые страдают различными формами деменции и не скрывают этого. Они помогают Обществу больных Альцгеймером в его борьбе против этой омерзительной болезни. Дело не только во мне. Есть множество неизвестных героев, и я приветствую их.

Когда я был маленьким мальчиком и играл на полу в бабушкиной гостиной, однажды я посмотрел на телевизор и увидел, как Смерть говорит с Рыцарем. Тогда я ничего не знал о смерти. Это было нечто, что случалось с волнистыми попугайчиками и хомячками. Но тогда я увидел Смерть с косой, довольно дружелюбную. Тогда я, конечно, не думал, что это отрывок из «Седьмой печати» Бергмана, где Рыцарь ведет длительный диалог со Смертью и играет знаменитую партию в шахматы с Мрачным жнецом, который мне не показался таким уж мрачным.

Этот образ остался со мной навсегда. Смерть стал персонажем самого первого моего романа о

Плоском мире. Со временем он сделался одним из самых популярных героев — безжалостным, потому что такова его работа, но при этом сочувствующим расе созданий, эфемерных, как бабочки-однодневки, но всё же тратящих свои короткие жизни на установление законов вселенной и подсчет звезд. Он — добрая Смерть, которая прибирает беспорядок, оставленный этой жизнью, и открывает врата в следующую. Во многих религиях его бы сочли ангелом.

Мне писали о нем из монастырей, епископских дворцов, похоронных бюро и, не в последнюю очередь, из хосписов. Из-за некоторых писем я не мог писать целый день и вместо этого уходил на прогулку. Способность людей написать, прилагая большие усилия, шестистраничное письмо совершенно незнакомому автору трогательна и немного тревожна. Часто они включают в эти письма соображения, которыми вряд ли поделятся со своим врачом.

Я плохо помню смерть своих бабушек и дедушек, но отец моего отца умер в карете «Скорой помощи» по дороге в больницу, сразу после того как он приготовил себе ужин и съел его, в возрасте девяноста шести лет (когда мы нашли свидетельство о рождении, оказалось, что на

самом деле ему было девяносто четыре года, но он так гордился своим возрастом, что, я надеюсь, на небесах никто не станет его разубеждать).

Он почувствовал себя странно, попросил соседа позвонить врачу, аккуратно сел в машину и не менее аккуратно отправился в иной мир. Он умер по дороге в больницу — хорошая смерть, если она в принципе бывает хорошей. Судя по словам отца, он жаловался врачам, что не успел доесть сладкое. В этом я совершенно не уверен, потому что у моего отца было очень тонкое чувство юмора, которое он передал мне — вероятно, в компенсацию за слабый мочевой пузырь, маленький рост и раннюю лысину.

Отец умирал гораздо дольше. Его предупредили за год. Это был рак поджелудочной железы. Технологии позволили ему прожить этот год и провести его дома в относительном комфорте. Всё это время мы вели те беседы, которые обычно ведут с умирающими родителями. Вероятно, именно тогда мы их по-настоящему узнаем. Тогда, когда понимаем, что теперь мы идем вперед навстречу выстрелам и можно прислушаться ко всем советам и воспоминаниям, на которые раньше не хватало времени. Он снова рассказал все истории, которые я уже слышал, о службе в

Индии во время войны, и припомнил парочку новых. Как и многие мужчины его поколения, он редко забывал о военной службе. Однажды он вдруг посмотрел вверх и сказал: «Я ощущаю солнце Индии», и лицо его магическим образом осветилось и стало счастливее, чем бывало весь год. Если бы во вселенной существовала справедливость или хотя бы сюжетная точность, он бы умер в то мгновение, прикрывая глаза от солнца Карачи.

Но он не умер.

Узнав о своем диагнозе, отец сказал мне, цитирую: «Если ты когда-нибудь увидишь меня на больничной койке, опутанного проводами и трубками, скажи врачам, чтобы меня отключили».

Он умирал в хосписе почти две недели, став случайной жертвой в войне рака и морфина. Всё это время он уже не был собой, а был трупом, который, правда, иногда немного шевелился.

Я ничего не мог сделать. Медсестры в Валлийском хосписе были красивыми крупными девушками, так что, возможно, это к лучшему. Я благодарен им за то, что они позволяли гериатрической кошке бродить по палатам и составлять компанию нам с матерью, пока мы ожидали кон-

ца. Хотя она была злобная, довольно вонючая и громко рычала, всё же она помогала нам долгими ночами.

Возвращаясь домой после смерти отца, я поцарапал машину об каменную стену в Хей-он-Уае. Строго говоря, почти невозможно не поцарапать машину в этом Хей-он-Уае, даже если глаза твои не застилают слезы. Но — тогда я этого не знал, но теперь почти уверен — моя собственная болезнь тоже сыграла свою роль, намекнув на свое присутствие.

Болезнь Альцгеймера потихоньку подкрадывается к тебе довольно долго. Возможно, несколько десятилетий. Беби-бумеры вроде меня, которые не собираются умирать, всегда находят объяснения маленьким провалам. Говорят что-то вроде: «Ха, да у меня провал в памяти». Или: «Все теряют ключи от машины». Или: «Да, со мной тоже такое бывает. Поднимаюсь наверх и забываю, зачем». Или: «Иногда я во время разговора забываю имя собеседника». Мы поддерживаем друг друга, отказываясь признать, что мы смертны. Нам нравится думать, что если состарятся все, то не состарится никто.

Я печатал вслепую с тринадцати лет, но у меня перестало получаться. Я сменил очки. Я купил

клавиатуру получше — неплохая идея, учитывая количество кофе и волос из бороды, застрявших в старой. Но потом я прекратил обманывать себя и пошел к врачу. Она с извиняющимся видом протянула стандартный тест на болезнь Альцгеймера, включающий в себя невозможно сложные вопросы вроде «Какой сегодня день недели», а потом отправила на какое-то сканирование. Результат? У меня не было болезни Альцгеймера. Всё объяснялось обычным износом мозга из-за времени, который «случается со всеми». Старость, короче говоря. Я подумал, что мне еще никогда не было пятидесяти девяти лет. Выходит, здесь так.

Так что я, успокоенный, вернулся к своим делам. Поехал в автограф-тур по России, потом по США, где меня пригласили на завтрак в Белый дом (там была куча народу, не то чтобы я передавал мистеру Бушу хлопья или что-то такое), потом поехал в такой же тур в Италию, где жена нашего посла очень вежливо заметила, что я неправильно застегнул рубашку. Ну, пришлось очень рано встать, чтобы успеть на самолет, и я одевался в темноте, так что мы немного посмеялись, потом пообедали, и я надеюсь, что все, кроме меня, забыли об этом случае.

Вернувшись домой, я стал делать столько оши-

бок при печати, что проще оказалось диктовать тексты помощнику. Я снова пошел к врачу, и она отправила меня в больницу Адденбрука в Кембридж. Я никогда раньше не обсуждал с ней это, но удача или провидение привели меня к доктору Питеру Нестору, одному из немногих специалистов в нашей стране — или во всем мире, — способных распознать заднюю кортикальную атрофию, редкий вариант болезни. Когда он сообщил мне, что я болен нераспространенным вариантом болезни Альцгеймера, мне на мгновение показалось, что он пылает алым огнем. Мы немного поговорили, и поскольку больница уже закрывалась, я поехал домой, пройдя мимо другого врача, закреплявшего подтяжки на штанах — в конце концов, дело было в Кембридже. Я был в таком настроении, что этот врач тоже пылал алым огнем. Весь мир изменился.

В чем-то мне повезло. ЗКА отличается от «классической» болезни Альцгеймера. Люди, которые страдают ею, не любят, когда их имена связывают с этой болезнью, хотя сама патология и финал ничем не отличаются друг от друга. Разница в процессе. ЗКА проявляется в проблемах со зрением и сложностях в решении топологических задач, вроде застегивания рубашки. Я как буд-

то приобрел противоположность суперсилы. Иногда я просто не вижу что-то. Глаза мои видят чашку, но мозг отказывает передавать мне ее изображение. Очень по-дзенски. Во-первых, чашки нет. Во-вторых, поскольку я знаю, что она есть, она появится, когда я снова на нее посмотрю. Я придумал ряд обходных путей, чтобы справляться с такими ситуациями. Люди с ЗКА живут в мире обходных путей. Вращающаяся стеклянная дверь — потенциальное Ватерлоо, но я и для нее разработал обходной путь. Короче говоря, если вы не знаете, что со мной что-то не так, вы этого и не узнаете. Люди, проговорившие со мной около получаса, спрашивают, уверен ли я в своем диагнозе. Да, уверен. Но хитрость и всякие уловки мне помогают. И еще деньги. Первый черновик этой речи я надиктовал, используя устройство TalkingPoint. Оно несовершенно, но результат вышел значительно лучше всего, что я могу напечатать. Мне кажется, что меня постоянно преследует какой-то невидимый идиот, который всё переставляет, крадет разные мелочи, прячет вещи, которые я положил на видное место, а иногда заставляет меня орать от злости. Болезнь развивается медленно, но развивается. Представьте, что вы попали в очень сильно за-

медленную автокатастрофу. Кажется, что ничего не происходит. Так, время от времени какой-то стук, хруст, пара вылетевших винтов и полеты вокруг приборной панели — если мы вдруг на «Аполлоне-13». Но радио играет, обогреватель включен и вообще всё не так плохо, если не считать твердой уверенности, что рано или поздно вы врежетесь головой в ветровое стекло.

Когда я вернулся из Кембриджа, то прежде всего позвонил своему врачу. Мне хотелось знать, что будет дальше. Скоро стало ясно, что если мы что-то не предпримем, дальше не будет ничего. В округе не было ни одного специалиста, готового принять пациента с ранней формой ЗКА, и, следовательно, никого, кто мог бы на законных основаниях выписать мне рецепт на единственное паллиативное средство на рынке. Узнав это, я разозлился. Этот гнев никуда не делся, но я научился его обуздывать — из практических соображений. Мне стало одиноко. Больной раком, узнавший о своем диагнозе, по крайней мере знает, что его ждет в будущем. Я не собираюсь обесценивать ужас этой болезни, но есть специалисты, процедуры, исследования. Скорее всего, вам будут сочувствовать. Скорее всего, вы сможете надеяться.

А пациента с болезнью Альцгеймера просто отправят восвояси. Со мной общались люди, с которыми такое и произошло. Им даже не предложили, например, обратиться в Общество больных Альцгеймером. Кстати сказать, я не из тех, кто любит всякие группы, но гораздо позже я всё же попал на собрание больных ЗКА в Лондоне. Его проводил профессор Россер из Национальной неврологической и нейрохирургической больницы. Я помню, как улыбались люди, когда я начал говорить о своих симптомах. Помню, как приятно было находиться среди тех, кто понимал меня без дополнительных объяснений. Но подтяжки всё еще горели огнем. Я бы под покровом ночи разбил витрину аптеки кирпичом, чтобы добыть лекарство. Я думал об этом — получились бы отличные фотографии. Но мои друзья и знакомые, которым хотелось, чтобы я остался на свободе, помогли мне решить эту проблему тем способом, каким принято решать проблемы в дурацких и ограниченных бюрократических организациях. Мы переломили систему, хотя и несильно. И не то чтобы я что-то украл. Я платил за свои чёртовы лекарства.

Потом пришло время решать, кому я расскажу о своей болезни. По вышеуказанным причинам

я решил рассказать всем. После этого моя жизнь перестала быть моей. Я получаю столько писем, что не успею ответить на них до конца своих дней. Я не помню, сколько дал интервью. Скорее всего, трехзначное число. Мы сняли документальный фильм, получивший премию BAFTA. В фильме я демонстрирую миру, что не могу завязать галстук (как ни смешно, со шнурками я прекрасно справляюсь — наверное, потому, что это я умею гораздо дольше). Я написал еще две книги, которые стали бестселлерами, — мой ассистент настоял на том, чтобы я это сказал. Я построил каменный мостик над ручьем в саду, меня поцеловала Джоанна Ламли, а после того как меня неожиданно посвятили в рыцари, я, с помощью сведущих друзей, изготовил меч, причем самым сложным способом. Сначала я выкопал из земли железную руду и переплавил ее. Разумеется, я никогда не смогу выйти с ним на улицу, потому что разложение нашего общества достигло той стадии, что даже рыцарям запрещено носить мечи в общественных местах. Но чего еще мне оставалось хотеть? Ну, разве что еще одного поцелуя Джоанны Ламли.

Бóльшую часть последних двух лет я слушал. Я умею слушать, ведь я журналист. Удивительно,

сколько люди готовы вам рассказать, если вы слушаете их как следует. Роб, мой ассистент, говорит, что я слушаю, как пылесос. Берегитесь людей, которые по-настоящему умеют слушать.

Я слышал, что некоторые люди начинают избегать больных Альцгеймером. Со мной случилось обратное. Люди мечтают заговорить со мной — на улице, в театре, в самолете над Атлантикой, даже на лесной тропинке. Они хотят рассказать мне о своих матерях, мужьях и бабушках. Иногда я вижу, что им очень страшно. И всё чаще они хотят поговорить со мной о том, что я предпочитаю называть «эвтаназией», а другие люди — на мой взгляд, это неверно — «самоубийством при помощи врача».

Я сделаю небольшое отступление и поговорю о нагрузке, которую несут слова. Давайте начнем с «самоубийства». Будучи бледным и нервным юным журналистом, я много узнал о самоубийствах. Еще бы. Частью моей работы было посещение коронерских судов, где я выучил множество разнообразных способов, которые искалеченный человеческий мозг выбирает, чтобы умереть. Мосты и поезда были, наверное, наиболее травматичными инструментами для всех заинтересованных сторон, особенно для

тех людей, кому приходилось иметь дело с последствиями. В те времена газеты были добрее и мы не углублялись в детали, но мне всё равно приходилось их выслушивать. Коронеры никогда не использовали слово «сумасшествие». Они выбирали более гуманные вердикты, вроде того, что человек «лишил себя жизни, помутившись умом». В этой фразе была некая двойственность, предположение, что виноваты во всем удары судьбы и сложные обстоятельства. Не было нужды упоминать ужасные подробности, которые полицейский обязательно пересказывал мне после завершения дела.

В настоящий момент я пришел к выводу, что человек может решить умереть, будучи в здравом, трезвом, реалистичном и прагматичном уме. И именно поэтому мне не нравится слово «самоубийство» как обозначение продуманного процесса окончания жизни с использованием достижений медицины.

Люди, которые до сих пор совершали ужасные поездки в клинику «Дигнитас» в Швейцарии, чтобы умереть там, кажутся мне очень решительными и целеустремленными. Я усматриваю достаточные доказательства того, что они просто хотели умереть на своих собственных условиях.

Короче говоря, они были гораздо разумнее мира вокруг них.

Я снова вернусь к просьбе отца, которую не сумел исполнить. За прошедший год я вел дружеские беседы об эвтаназии с самыми разными людьми, потому что они сами поднимали эту тему. Многие из них боятся термина «эвтаназия» и очень боятся термина «самоубийство при помощи врача», но когда я упоминаю фразу отца о трубках и шлангах и нежелании жить с посторонней помощью, они светлеют лицом и говорят, что это-то они понимают. Нужно просто отказаться от стерильного термина в пользу слов реального человека, в котором каждый может увидеть себя.

Когда я начинал писать эту речь, так называемые дебаты об эвтаназии походили на игру в снежки в темноте. Теперь они занимают так много места в медиапространстве, что мне кажется, что время действительно пришло. Совсем недавно Мартин Эмис в своем интервью «Сандей таймс» крайне эмоционально призывал к установке будок для эвтаназии на каждом углу. Я твердо уверен, что это была ирония, и она сработала — в конце концов, он прозаик и говорил о новой книге. Привлекло ли это внимание об-

щественности? Разумеется. Эта идея не только безвкусна, но и непрактична, особенно если по соседству будут стоять фотобудки. Но его гнев и горе из-за смертей пожилых родственников, друзей и коллег искренни. И многие их разделяют. Послевоенное поколение увидело, что происходит с их родителями, и не хочет, чтобы то же самое случилось с ними.

Буквально только что опрос, проведенный Британским центром социологических исследований, показал, что 71 % религиозных людей и 92 % нерелигиозных поддерживают добровольную эвтаназию для неизлечимо больных.

Поскольку на эту тему есть разные мнения, основными сторонами дебатов стали организация «Достойная смерть», которая поддерживает эвтаназию в особых обстоятельствах, и объединенная организация «Забота вместо убийства», которая, коротко говоря, считает, что за больными надо ухаживать.

Я снова вспомню отца. Он не хотел жить странной жизнью живого мертвеца. Не такой он был человек. Он хотел попрощаться со мной и, наверное, пошутить. Если бы медсестры вставили в катетер нужный шприц, я бы нажал на поршень и чувствовал, что исполняю свой долг. Да, мы

бы, конечно, плакали. Это были бы уместные и неудержимые слезы.

Но этого, разумеется, не случилось, потому что меня, отца и медсестер ограничивал закон. Но всё же его ждала спокойная смерть в объятиях морфия, и я ему завидую.

Я включился в дебаты об эвтаназии случайно, после того как долго и вдумчиво оценивал свое будущее с болезнью Альцгеймера и написал статью о сделанных мной выводах. В результате этого выступления я познакомился с медиками со всего мира, и у меня нет причин предполагать, что лекарство скоро будет изобретено. Я думаю, полагаясь на их добрые советы, что в течение пары лет появятся новые интересные исследования, и не я один надеюсь на какой-нибудь «трамплин» — средство, которое позволит мне продержаться до изобретения действующего лекарства.

Ранее я уже говорил, что финальные стадии ЗКА неотличимы от финальных стадий болезни Альцгеймера, и что этой болезни старики боятся сильнее всего. Мне поставили диагноз, когда мне было пятьдесят девять лет, но она поражает и людей чуть за тридцать. Мне нравится жизнь, я собираюсь наслаждаться ею, пока остаюсь собой, понимаю, кто я, и узнаю своих близких.

Но я достаточно знаю о финале, чтобы бояться его, хотя, будучи богатым человеком, я могу защитить себя от худшего. Но даже богатые, что бы они ни делали, рано или поздно приходят на свое свидание в Самарре. Для слушателей помоложе я скажу, что притча о свидании в Самарре — одна из самых старых историй в мире, которая разыгрывалась множество раз. Смысл ее в том, что ты можешь бежать и скрываться, но всё равно встретишься со смертью. Впрочем, погуглите.

Когда я только начинал работать журналистом, мне сказали одну удивительную вещь: никто не обязан делать то, что говорит врач. Я узнал это, когда Джордж Топли, ведущий корреспондент, бросил мне мою статью и сказал: «Никогда не говори, что пациента “выпустили” из больницы, если речь не идет о принудительном психологическом лечении. Правильное слово — “выписали”. Да, врачи хотят, чтобы ты думал, что не можешь просто уйти, пока они не разрешат, но на самом деле, конечно, можешь. Хотя систему жизнеобеспечения с собой лучше не тащить». Джордж был великолепным журналистом, в бурной юности он убежал сражаться с фашистами в Испанию, но сел не на тот корабль и приплыл в Халл. Я запомнил, что сказал Джордж. Я поклялся,

что я не дам Альцгеймеру расправиться со мной, я сам расправлюсь с ним. Я проживу свою жизнь на полную и умру, пока болезнь не нанесла последний удар. Я умру в собственном доме, сидя в кресле на лужайке, с бокалом бренди, которым я запью современную версию бромптоновского коктейля (мощная смесь алкоголя и болеутоляющих). Коктейль предоставит мне какой-нибудь услужливый медик.

Включив Томаса Таллиса в айподе, я пожму руку Смерти.

Я заявил об этом публично. Мне кажется, что это логичное и разумное решение для человека, страдающего серьезной, неизлечимой и изнурительной болезнью. Почему бы ему не выбрать эвтаназию?

В наши дни нетравматическая смерть — не очень удачное слово, но вы поймете, что я имею в виду. Это, например, смерть, в которой не участвуют столкнувшиеся машины, грузовики и заледеневшие участки М4. Так вот, такие смерти обычно происходят в хосписах и больницах. Не так давно люди умирали в своей постели. Викторианцы умели умирать. Они часто видели смерть. Викторианский и эдвардианский Лондон был полон того, что мы сейчас называем

рекреационными наркотиками. Истинное благословение для всех. Отчалить по расписанию, воспользовавшись помощью врача, было самым обычным делом. Медики в те времена полагали, что указывать путь безнадежным пациентам — их долг.

Работает ли это до сих пор? Наверное, да. Боялись ли викторианцы смерти? Как говорит Смерть в одной из моих книг, большинство людей боится не смерти, они боятся того, что ей предшествует, — ножа, кораблекрушения, болезни, бомбы. Того, что случается за микросекунду до смерти, если тебе повезет, и за много лет, если не повезет.

И это снова поднимает вопрос ухода за больными.

Организация «Забота вместо убийства», как они себя называют, уверяет нас, что никто не будет думать о добровольной смерти, если за ним будут как следует ухаживать. Сложный вопрос. Медицина сохраняет жизнь всё большему количеству людей, которым требуется всё больше ухода. Болезнь Альцгеймера и другие формы деменции стали настоящим бичом общества, ношей, которая падает в первую очередь на близких родственников. А они тоже бывают пожилыми

и порой сами нуждаются в уходе. Число таких людей растет, потому что беби-бумеры стареют, растет и процент страдающих деменцией. Таким образом, возникает вопрос о качестве ухода — не только для деменции, но и для любых хронических состояний. Я не стану рассказывать жутких историй, сейчас для них не место. Возможно, я должен передать слово сэру Майклу Паркинсону, который, как представитель государства по вопросам человеческого достоинства, описывает случаи, которые — цитирую — «абсолютно безумны и невероятно жестоки», а дома престарелых называет «залами ожидания смерти».

Выходит, уход — это лотерея. Есть люди, которые не хотят получать уход, не хотят тратить время в залах ожидания, хотят воспользоваться своим правом не слушаться медсестру и врача. Правом, в моем случае, потребовать полномочия на распоряжение судьбой Терри Пратчетта, которым я в будущем стану. Люди часто задумываются, чего же хотят их родные и близкие. Мои родные точно это знают. И вы тоже.

Основное возражение противников эвтаназии сводится к тому, что пожилых людей будут заставлять «просить» об этом. Может быть, но «Журнал медицинской этики» в 2007 году опуб-

ликовал исследование об отсутствии признаков злоупотребления в адрес уязвимых пациентов в штате Орегон, где эвтаназия легальна. Не понимаю, почему здесь должно быть по-другому. Никто не относится к смерти легкомысленно. Не могу представить, что кто-то решит умереть только потому, что по соседству откроют гипотетическую точку «Универсальной смерти». Но зато мне очень легко вообразить, как человек, пожилой или не очень, придавленный медицинскими проблемами и понятным страхом перед будущим, испуганный тем, что оптимистично называется «уходом», предпочтет викторианскую смерть в собственной постели, при содействии врача, как более достойную.

В прошлом году правительство наконец-то опубликовало разъяснения по вопросам эвтаназии. Они никого не удовлетворили. Судя по всему, люди, которые хотят помочь умереть своему другу или родственнику, должны выполнить огромное количество требований, чтобы их не обвинили в убийстве. Мы должны радоваться уже тому, что у них есть шанс избежать наказания, но, судя по всему, лучше всего придерживаться правил и надеяться на лучшее.

Именно поэтому я — и не только я — предлагаю

учредить очень мягкий трибунал, который будет заниматься проверкой фактов перед эвтаназией. Некоторые люди, в том числе я, немного нервничают, потому что правительство сможет решать, жить тебе или умереть. Но правительство не может снять с себя ответственность, чтобы не лишать защиты уязвимые группы, и это неплохой аргумент. Меня печалит, что противники эвтаназии уверены, будто ее сторонники не обдумали вопрос в мельчайших деталях и не понимают его важности. На самом деле это и есть мой главный аргумент.

Трибунал будет работать ради общественного блага и блага заявителя — жуткое слово. Он проверит, находится ли заявитель в здравом уме, тверд ли он в своем решении, страдает ли он от смертельной и неизлечимой болезни, не находится ли под влиянием третьих лиц. Чтобы продумать систему таких трибуналов, понадобятся люди поумнее меня — впрочем, таких найти нетрудно. Я бы предложил включать в их состав юриста, хорошо разбирающегося в семейном праве и научившегося понимать, что́ люди на самом деле имеют в виду, а также определять давление извне. И врача, который привык работать с тяжелыми неизлечимыми болезнями.

Противники эвтаназии говорят, что нужно защищать уязвимых людей, как будто всем остальным это неочевидно. Вообще не существует доказательств — а их искали — того, что родственники уговаривали больных или стариков прибегнуть к эвтаназии в любой стране, где она легальна. Не понимаю, почему у нас должно быть по-другому. Врачи говорили мне, что родственники, наоборот, постоянно умоляют их сохранить бабуле жизнь, хотя бабуля по медицинским стандартам уже считается мертвой. К тому же трибунал будет бороться со злоупотреблениями, насколько это в человеческих силах.

Я бы также предложил набирать в трибунал людей старше сорока пяти лет — к этому возрасту они уже могут приобрести редкий дар мудрости. В делах трибунала мудрость и сострадание должны идти рука об руку с законом. Трибунал также будет проверять людей, ищущих смерти по причинам, которые другим могут показаться временными и нестрашными тревогами. Осмелюсь сказать, что довольно многие люди задумывались о смерти из-за невзгод, которые впоследствии показались им ерундой. Если уж нам придется жить в мире, где допустима социально одобряемая «безвременная смерть», она

должна быть тщательно обдумана.

Давайте рассмотрим для примера меня. Как я уже сказал, я бы хотел умереть мирно, слушая Томаса Таллиса в своем айподе, пока болезнь не одолела меня. Я надеюсь, что это случится не очень скоро, потому что знай я, что могу умереть когда мне угодно, каждый день немедленно стал бы для меня драгоценнее миллиона фунтов. Если бы я знал, что могу умереть, я бы жил. Моя жизнь, моя смерть, мой выбор.

Везде, где эвтаназия разрешена, она не приводит ни к каким «скользким дорожкам». Просто противники эвтаназии верят, что она откроет ворота злоупотреблениям и отбраковке больных и стариков. Но это всего лишь ночной кошмар. Этого не случится ни в одной демократической стране, если в ней не установится тирания куда более агрессивная, чем нынешняя тирания Комитета по вопросам здравоохранения и безопасности. Честно, этот аргумент — просто страшилка.

Говорят, что люди перестанут доверять врачам, зная, что врач может их убить. Это еще почему? Врач очень многое теряет, убив пациента. Как по мне, просить медика, который знает твое состояние, помочь тебе расстаться с жизнью — это

признак высочайшего доверия.

Фраза «Не убий, но и не стремись сохранить жизнь любой ценой» никогда не была официальным требованиям для медиков. Учитывая, что ее придумал мой коллега Артур Хью Клаф, это и неудивительно. Но с того дня, когда родилась медицина, ее понимали все врачи. Они боролись за жизнь. Ох, как они боролись. За последние два века продолжительность жизни сильно выросла, как и качество этой жизни. Теперь нам становится неуютно, если человек умирает в юном библейском возрасте семидесяти лет. Но грядет время, когда технология опередит разум, когда мигание осциллографа будут путать с жизнью, и человечество перейдет к существованию.

Наблюдения, разговоры и некоторое количество размышлений привели меня к выводу, что поддерживают право на эвтаназию те врачи, которые ежедневно работают с пациентами. Чем ближе к тем высотам, где медицина сливается с политикой, тем меньше остается сторонников эвтаназии. Интересно, сколько бы врачей раскрыли карты, если бы за ними не следило злобное око Британской медицинской ассоциации. Любой, у кого есть друзья, знакомые или деловые партнеры среди врачей, а также любой, изучав-

ший историю медицины, знает, что многие века доктора и сиделки считали своим долгом помогать безнадежным больным уходить с миром. Я помню метафоры, которые они использовали: «помочь сделать шаг», «указать путь», «подвести к двери», «отправить на небо». Но никогда — никогда — не «убить», потому что это не убийство, с их точки зрения. И они правы.

Мне не удалось найти никакой надежной информации о том, что разрешение эвтаназии оказывает разрушительное воздействие на общество. Разумеется, я не думаю и не жду, что любой врач общей практики будет этим заниматься, даже при наличии сокрушительного медицинского заключения.

Это их выбор. Выбор в этом вопросе важнее всего. Но кто-то из них — может, постарше, может, помудрее — поймет. Мне кажется, что врачи долгие века помогали нам жить дольше и лучше — к кому как не к ним приходить за мирной смертью среди родных, в собственной постели, без долгого сидения в зале ожидания бога.

И, наконец, останется вопрос бога. Кажется, в наше время он свелся к опасению — не пострадают ли невинные, если разрешить эвтаназию. Проблема этого аргумента в том, что он работает,

только если вы верите в бога, а точнее в Иегову. Я не верю. Спиноза, Дарвин и Карл Саган задели в моем воображении такие точки, какие бог не заметил. Я — гуманист. Я верю, что мы — не падшие ангелы, а поднявшиеся обезьяны. Тем не менее я готов рассмотреть мнение англиканской церкви и несогласных. Идеи, которые затрагивают саму основу человечества, всегда нужно обсуждать. Идеи и предложения надо проверять. Я полагаю, что очень сложно возразить против согласованной добровольной эвтаназии, особенно если вам свойственно сострадание. Но мы должны помнить, что мы люди и что человечность драгоценна.

Качество жизни — разрекламированный бренд.

То, как вы живете, то, что вы получаете от жизни, то, что вы в нее вкладываете, то, что оставляете после себя. Мы должны прожить хорошую и насыщенную жизнь, а потом, в собственном доме, в окружении тех, кто нас любит, умереть достойной смертью.

В разъяснениях по вопросу эвтаназии появилось слово «сострадание»

Новые разъяснения генерального прокурора хороши. Главными должны быть люди, а не болезни

The Times, 26 февраля 2010 года

Сцена как будто взята прямиком из «Поменяться местами». Мы все ждем отчета, хотя, возможно, так говорит мое воспаленное воображение — я мало спал сегодня.

Мы смотрим на часы, ожидая, что Кейр Стармер, глава Королевской прокурорской службы, формально представит нам новые разъяснения касательно эвтаназии. И вдруг наступает одиннадцать часов, и мы все оказываемся на набережной Миллбанк, где шагу ступить невозможно, не наткнувшись на двух журналистов. Или трех, если вам повезет.

Для Дебби Перди и меня гонка продолжается. Мы бесконечно сталкиваемся в лифтах и коридорах. Как будто идет высокотехнологичный рабский аукцион. Одно телевизионное интервью переходит в другое, и в результате ты ничего не

помнишь.

Мы говорим об эвтаназии. Я понимаю, что именно думаю, слушая, что же я говорю. Кажется, новые разъяснения настолько хороши, насколько это вообще возможно без внесения изменений в закон. Мне очень не понравились разъяснения, выпущенные в прошлом сентябре. Сплошная бюрократия и анкеты.

Но тут я замечаю слово «сострадание». Читая дальше, я понимаю, что эта весьма обтекаемая политика описывает в основном сердца и разум людей, а не практические препятствия. Я рискну поверить, что тот, кто из сострадания и любви помогает человеку, физически на это не способному, избавиться от невыносимой жизни, не должен бояться властей.

Тем не менее я полагаю, что трибунал, который предлагаю ввести не только я, должен появиться после изменения закона. Он будет проверять фактические обстоятельства дела задолго до эвтаназии. Кроме того, очень важно, чтобы ограниченная свобода, предусмотренная новым разъяснением, не использовалась для прикрытия злоупотреблений. Я верю, что ради безопасности всех участников все предполагаемые действия и их причины необходимо осторожно обсуждать на

трибунале, который может дать совет, предупреждение или, если у него возникнут подозрения, отказать.

Просвещенный штат Орегон — один из трех штатов, где сейчас разрешена эвтаназия. После консультации с двумя врачами смертельно больной пациент получает рецепт, который помогает ему уйти из жизни.

И вот что интересно: сорок процентов людей, получивших этот рецепт, его не используют. Они знают, что могут это сделать, и каждый день принимают решение. Они знают, что они контролируют собственную жизнь — а не их болезнь. Это власть. Это победа. Именно так должны умирать люди.

Эвтаназия: правительство должно дать нам право умирать

New Humanist, июль/август 2011 года

Недавно мне пришлось объяснять очень юному журналисту, что в моей молодости человек, пытавшийся покончить с собой и не справившийся с этим, подвергался уголовному обвинению и попадал в тюрьму — вероятно, чтобы осознать, как жизнь хороша и интересна.

Приятно думать, что в не столь отдаленном будущем кто-нибудь не поверит, услышав, что британский гражданин, страдающий от мучительной смертельной болезни, но при этом находящийся в здравом уме, должен был уезжать в другую страницу, чтобы умереть. Это потребует объяснений. Будь я проклят, если придумаю хоть одно. Три приличных, сдержанных и цивилизованных европейских государства уже разрешили самоубийство с помощью врача. Хотя всё ясно указывает, что британцы понимают эту идею и всячески поддерживают эвтаназию, если она правильно проведена, правительство продолжает против нее возражать. Год назад член

кабинета министров сказал мне, что в Британии этого никогда не будет. Я сказал, что это довольно странное заявление для демократической страны, и получил в награду злобный взгляд.

Сначала я думал, что проблема в ощетинившемся христианстве. Хотя в Библии никакого запрета нет, он появился в четырнадцатом веке, когда из-за религиозных войн и Черной смерти люди кончали с собой только потому, что этот мир казался им слишком неприятным и они хотели посмотреть, что будет в следующем. Власти думали по-другому и возражали. А кто будет доить коров и ходить на войну? Нельзя позволять людям так просто удирать. Нет уж, пусть остаются и терпят справедливое наказание за то, что родились.

Даже сейчас я замечаю некоторые следы этого образа мыслей. Горе считается наказанием за неизвестный проступок. Да на хрен всё это! Каждый раз, когда вопрос эвтаназии поднимается в этой стране, слышится хорошо срежиссированный вой с упоминанием нацизма и, разумеется, убийства бабушек из-за наследства. Виновники всегда остаются безнаказанными, потому что в Британии существует старая традиция издеваться над простыми людьми. «Народ глупый, так

что всё должны решать мы, мы же знаем, как правильно».

Нет, народ не глупый. Он может смотреть идиотские реалити-шоу и громко шуметь на футболе, а еще не понимать программу «Трайдент», но он отлично разбирается в крови, боли и страдании. Он всё знает о сочувствии и, как и моей отец, более чем практично ко всему этому относится. Отец был неизлечимо болен и не понимал, почему, если надежды всё равно нет, он не может отказаться от лишних страданий и прямо проследовать к выходу.

И все остальные это прекрасно понимают. Если у вас нет кучи денег, уход за больным в Великобритании станет серьезной проблемой. А правительство сидит, как древний папа римский, и надеется, что всё как-нибудь рассосется.

Смерть постучал, и мы его впустили

Sunday Times, 12 июня 2011 года
[Сам Терри назвал этот текст «Визит в Швейцарию»]

Перед Рождеством я видел человеческую смерть. Питер Смедли в сопровождении жены Кристины отправился в швейцарскую клинику «Дигнитас», потому что только там он мог найти то, в чем нуждался, — опрятную своевременную смерть. Я поехал с ним посмотреть. Разумеется, я колебался. Как-то я читал, что продолжительность путешествия нужно оценивать по тому, что ты узнал по пути. Если это правда, моя дорога в Швейцарию и обратно была марафоном.

В конце прошлого года телеканал Би-би-си, который транслировал мою лекцию в память Ричарда Димблби, посвященную вопросу эвтаназии, попросил меня выяснить, как обстоят дела с эвтаназией в Европе, и пообщаться с британцами, заключившими контракт с «Дигнитас», швейцарской организацией, которая станет последним отелем в вашей жизни, если вы живете в Европе, а в вашей стране эвтаназия запрещена.

Разумеется, я согласился. Три года назад мне диагностировали болезнь Альцгеймера. Я не стану пояснять причины, по которым я могу захотеть оборвать свою жизнь, пока болезнь меня не одолела, — я уже давно говорю об этом и давно изучаю деменцию. Я писатель. Богатое воображение — мое счастье и проклятье.

Но мог ли я подумать, что посмотреть на процесс своими глазами — хорошая идея?

В Великобритании эвтаназия нелегальна. Любой, кто рискнет помочь несчастному другу или родственнику в этом вопросе, предстанет перед судом. Возможно даже, по обвинению в убийстве. Правда, не всё так однозначно. Есть основания полагать, что тот, кто поможет человеку из сострадания и любви, может рассчитывать на некоторое снисхождение. Поэтому до сих пор судьи проявляли понимание. Короче говоря, в Британии любители могут помогать другим любителям умереть. Звучит бредово, но других вариантов у нас нет.

В Бельгии, Нидерландах и Швейцарии граждане, страдающие от тяжелой неизлечимой болезни, имеют право умереть от руки врача, который обладает соответствующими навыками и имеет полномочия. Это благожелательные

и пристойные демократические страны, не замеченные в излишней раздражительности и глупости. Церковь эта процедура немного тревожит, но в целом решение оставляют на усмотрение заинтересованного человека.

Я сопровождал в «Дигнитас» двух человека, Питера Смедли и Эндрю Колгана, двух совсем разных людей с разной биографией, разными болезнями и общей непреклонной решимостью не оставаться в челюстях зверя, а перейти прямиком к финалу.

Первый раз я увиделся с Питером Смедли и его женой Кристиной в их большом уютном доме. Смедли очень гостеприимны — по-английски — и очень хорошо ладят с людьми. Кристина предпочла бы, чтоб Питер остался дома и получал уход — они могли бы себе позволить всё самое лучшее. Но они достигли консенсуса в своем браке, и Кристина встала на сторону мужа, не думая, что же скажет закон.

Вынужден признать, что успел представить, как Кристину Смедли посадят в тюрьму за ужасное преступление, а именно за помощь мужу в поездке за границу, и решил, что она как следует встряхнет эту тюрьму и усядется пить чай с надзирателем. Они с Питером поехали в отпуск к

друзьям в Швейцарию, так сказать.

Позднее, когда уже началась суровая ранняя зима, я познакомился с сорокадвухлетним Эндрю Колганом, страдающим рассеянным склерозом. Как и Питер, он не хотел, чтобы за ним ухаживали. Должен заметить, что оба они не имели никаких претензий к системе ухода за тяжелобольными. Они вообще не хотели о ней разговаривать — и были твердо уверены, что не хотят ею пользоваться.

Эндрю, худой и мускулистый, выглядел моложе своего возраста. Поначалу я подумал, что с ним всё в порядке, а потом заметил напряжение на его лице. Он оказался любителем научной фантастики, и режиссер несколько раз прерывал нас, когда мы забывали о цели интервью и сбивались на очень важные темы вроде: «“Семерка Блейка” правда была такой хренью, как я помню?» Когда же мы вернулись к основному вопросу, я почувствовал, что злюсь. Эндрю собирался умереть в Швейцарии раньше, чем мог бы, потому что не хотел подставлять своих родных, которым пришлось бы помогать ему ехать. Честно говоря, я подумал, что его опасения могут быть беспочвенными. Учитывая, что наш генеральный прокурор — человек не злой и не мстительный, а судьи

обычно довольно разумно подходят к таким делам, я, возможно, был прав.

Но порой кровь ударяет власти в голову, и она наказывает заблудшую овцу вместо преследующего ее волка. Да и кто захочет, чтобы его мать предстала перед судом, пусть и самым доброжелательным? Так что он собирался ехать один, а я не понимал, почему врачи не могут помочь ему умереть в Англии.

Если бы он знал, что может умереть, когда захочет, возможно, он бы держался дольше. Судя по мировому опыту, это довольно часто случается.

Но сколько я ни говорил с ним, он был тверд, отметал мои осторожные контрпредложения и отсекал их на подлете, как русский радар сверхдальнего действия. Он всё продумал, не хотел, чтобы за ним ухаживали, и собирался, как Шерлок Холмс, забрать своего врага с собой.

В Швейцарии мы встретились с Эндрю за рюмочкой. По-моему, в этот момент у меня закружилась голова. Я бывал на поминках, но главный герой там никогда не поднимал бокал. Справиться с такой ситуацией можно только с помощью юмора, так что мы шутили и смеялись и на короткий промежуток времени чувствовали себя счастливыми. Я знаю это потому, что мне повезло

за несколько месяцев до смерти отца обсудить с ним всё, что положено обсуждать, и мы поняли, что юмор всегда помогает.

Однажды я слышал от противника эвтаназии в целом и «Дигнитас» в частности, что «людей убивают в промышленной зоне». Он явно воображал себе киберлюдей на марше. На самом деле эта промышленная зона оказалась маленьким голубым домиком с садом — правда, об этом саде можно было сказать в лучшем случае, что кто-то сильно старался. Клиника находится в промышленном районе, потому что разместить ее в жилом нельзя. С другой стороны узкой дороги росли тыквы, машин совсем не было, и из других зданий не доносилось ни звука, что было очень приятно. Вероятно, киберлюди уехали на каникулы.

Я знал, что Кристина Смедли собирается сидеть рядом с мужем, и сочтя, что от рыцарского звания должен быть какой-то толк, спросил, не будет ли она против присутствия другого британца. Она была очень благодарна. Питер хотел, чтобы его смерть засняли и включили в документальный фильм, потому что не хотел умирать напрасно. Я и раньше видел мертвые тела, в том числе одно совсем мертвое и жуткое, и я счел, что смерть

больного человека, который сам решил умереть, будет не такой тяжелой. Как оказалось, я был неправ, причем сильно.

Судя по моим часам, его смерть заняла около двадцати пяти минут. Пока его органы и конечности отказывали, временами я слышал звуки, очень похожие на те, что издавал мой отец, постепенно сдаваясь раку поджелудочной железы и морфину. Мама верила, что он пытается что-то сказать. Я не верил. Если не считать случаев серьезных травм, телу требуется какое-то время, чтобы умереть. Оно будет цепляться за жизнь, несмотря на желание мозга.

Жена Питера держала его за руку. Честно говоря, будучи свидетелем, я не заметил, когда именно он перешел в мир иной. Милая швейцарская леди по имени Эрика, одетая в обычную одежду, но всё равно очень официальная, опустилась рядом с ним на колени. За окном маленького домика, где мы все собрались, падал снег. Было очень тихо. На веранде муж Эрики, Хорст, похожий на вашего любимого дедушку, курил огромную изогнутую трубку, и дым ее смешивался с падающим снегом. Он вышел на улицу, потому что эвтаназия в Швейцарии легальна, а вот курить в доме строго запрещено. Неудивительно, что эта

сцена оставила сюрреалистичное впечатление.

А Кристина? Она спросила у меня, как я себя чувствую. От природы я не склонен к беспорядочным объятиям, но ее я обнял.

Вскоре прибыла полиция, которая должна была удостоверить законность произошедшего. Они были не слишком дружелюбны, но и не грубы — просто полицейские, которые делали свою работу. Пока мы ждали, один из них подошел к нам и спросил: «Би-би-си?» Он поверил нам на слово, хотя мы еле-еле пробормотали что-то. Это потому, что Би-би-си известен по всему миру как организация, которая никогда не участвует в сомнительных делах. В душе я помахал английским флагом.

Я уверен, что Би-би-си будут критиковать за демонстрацию смерти хорошего человека, каким был Питер Смедли. Он умер рядом со своей женой и внимательной сиделкой, пока за окном шел снег. После лекции в память Ричарда Димблби, во время которой я впервые поддержал эвтаназию, медицинское сообщество вынесло вотум недоверия Би-би-си, явно не понимая, что в демократической стране предлагать внести изменения в закон мирным путем — законно. Но Питеру и Эндрю пришлось уехать в Швейцарию,

чтобы умереть с достоинством. Они боялись, что в Британии это сделать не получится. С тех пор многие последовали их примеру. Чаще всего это было очень дорого.

Политики, которые боятся возмущения в ультрарелигиозных кругах, бормочут что-то вроде «любая жизнь священна», не поясняя, что имеют в виду и почему так думают. Они говорят, что всё очень сложно, хотя на самом деле всё очень просто. Мой отец это понимал, моя мать понимала. Думаю, бóльшая часть населения страны тоже всё понимает.

Некоторые штаты США и разумные страны Европы нашли способ разрешить эвтаназию для тех, кто ее хочет, не причиняя вреда обществу в целом. У нас есть пример — хотя, думаю, мы сможем сделать лучше.

Год назад один пожилой тори отделался от меня фразой: «Оставьте это врачам». Возможно, теперь он знает, что это оставлено врачам в Голландии, Бельгии, Швейцарии и некоторых штатах США. Во Франции и Италии нет официальной системы эвтаназии — возможно, из-за религии, а в Германии ее нет принципиально, из-за их истории. Но что мешает нам? Ответ должен быть сложнее, чем «Господу это неугодно» или «Это очень

сложно» или «А как вы будете защищать уязвимых?». Ответ таков: без труда, приложив немного здравого смысла и желания, а также учитывая «свободу личности», термин, с которым в Британии плохо. Противники выдвигают всё те же старые аргументы, не прислушиваясь к ответам. Боюсь, люди по-прежнему должны будут платить деньги, терпеть неудобства и ехать в Швейцарию, к неловкости швейцарцев и стыду британцев.

Буду ли я среди них? Надеюсь, что нет. Я полагаю, что я, как и Питер, и Эндрю, и все вы, просто хочу мирно умереть дома, в окружении любимых. Мне не кажется, что я требую слишком многого.

Неделя смерти Терри Пратчетта

Автор бестселлеров, страдающий болезнью Альцгеймера, вспоминает о днях после выхода противоречивого фильма о праве на смерть

The Independent, 18 июня 2011 года

Понедельник

Сегодня день D. На календаре в кабинете он отмечен как день документального фильма. Утро мы проводим, закопавшись в обычную работу, а потом наступает время смотреть фильм вместе с его режиссером Чарли Расселлом, его семьей и друзьями.

До начала фильма остается немного времени, можно выпить и перекусить. В комнате стоит абсолютная тишина, только кто-то приглушенно всхлипывает, глядя на историю Питера и Эндрю. Потом возникает дискуссия. Я этому рад, потому что обсудить есть что.

Короткий перерыв и «Вечер новостей» на Би-би-си, специальный выпуск с Джереми Паксманом, Давидом Аароновичем, Лиз Карр, королевским адвокатом Диной Роуз, Дебби Перди, преподобным Майклом Лэнгришем, епископом эксетерским (в

отличие от многих других епископов он открыт к диалогу), и, к моей радости, Эрикой Прайзиг, которая мне так понравилась в Швейцарии.

Я с удивлением услышал от Эрики, что священник Римской католической церкви приехал в «Дигнитас» и говорил с ней, согласился, что его время еще не пришло, сказал, что она делает доброе дело, вернулся позднее и всё же подвергся эвтаназии. Я восхищаюсь доктором Прайзиг. Она христианка, но понимает людей, просящих об эвтаназии. Она, как и я, столкнулась с неприятными последствиями «обычных» самоубийств.

Вторник

Мы сняли этот фильм не для того, чтобы кого-то поддержать, напугать или оправдать. Мы хотели, чтобы его увидели. Я надеялся, что он приведет к дискуссиям, и так и случилось.

Под чутким руководством Джереми Паксмана разные взгляды высказывались и обсуждались весьма цивилизованно. С облегчением вздохнув, мы с Робом бросились в город, чтобы немного отдохнуть. Мне удалось поспать всего час, прежде чем я оказался на диване в студии программы «Британский завтрак». Сидя рядом со мной в такси, Роб пытался отслеживать твиты и утверждал, что новый появляется каждую секунду и 99,9 %

из них одобрительные. Кто-то возразил против российской морской фуражки Роба, которую он сам считает очень элегантной, но на вкус и цвет товарищей нет. Другие мнения в интернете тоже положительные. Возражают в основном против устройства клиники «Дигнитас», а не против необходимости эвтаназии в Великобритании.

Я хочу подчеркнуть, что вовсе не собираюсь рекламировать «Дигнитас». Но, к сожалению, если британец хочет подвергнуться эвтаназии, «Дигнитас» — его единственный вариант. После съемки фильма уже пять наших соотечественников уехали туда.

После этого мы участвуем в еще паре интервью, а потом снова встречаемся с режиссером и узнаем, что зафиксировано 1219 жалоб на Би-би-си и 301 звонок с поддержкой. Это одна из десяти наиболее обсуждаемых передач года. Нам сообщают, что в жалобах видны признаки лоббирования. Я в этом совершенно уверен. Добрые люди из «Заботы вместо убийства» наверняка умеют пользоваться телефоном.

Потом мы возвращаемся домой, чтобы немного поспать, и обнаруживаем, что Майкл Назир-Али, бывший епископ рочестерский, хочет сообщить мне, что жизнь не похожа на научную

фантастику. Вообще-то похожа, сэр. Я живу в научно-фантастическом мире, как и он. Стенты в моем сердце — научная фантастика, как и таблеточки, которые помогают мне бороться с Альцгеймером.

Многие из вещей, которые мы принимаем как должное, когда-то считались научной фантастикой. Многие другие никогда не встречались в фантастике, потому что даже писатели не могли их вообразить. Епископу следует уважать научную фантастику, он в ней живет.

И он снова радостно задает вечный вопрос: если разрешить эвтаназию в Великобритании, как вы планируете оградить уязвимых? Этот аргумент обязательно выдают все противники эвтаназии, и они считают его убийственным.

Как сказано в фильме, в четырех странах Европы разрешена та или иная форма эвтаназии. Недавно в Швейцарии провели референдум за сохранение этой практики. Они даже проголосовали за то, чтобы разрешить так называемый «смертельный туризм» несчастным (например, британцам), которые вынуждены ездить в «Дигнитас».

Это мало похоже на мир, где невинных людей убивают против их воли, по-моему.

Среда

Мы начали разбираться в нескончаемом количестве писем, которые пришли, пока мы спали, и обнаружили, что многих зрителей тронуло и впечатлило свидетельство Верле Клаус Де Вит, муж которой, Хьюго, был умерщвлен сочувствующими и заботливыми врачами. Он страдал той же болезнью, что и я. Конечно, я принял это близко к сердцу.

Некоторые люди никогда не примут концепцию эвтаназии, но всё же, сидя перед экраном и смотря на бесконечные письма, я думаю, что эта страна — пусть и не ее правительство — способна на конструктивные мысли. В газетах, разумеется, печатают всякие язвительные замечания. Есть и весьма разумные колонки, но я вынужден заметить, что напечатанные в «Таймс» бесцеремонные насмешки Алекса Харди над Кристиной Смедли, женщиной, храбро представшей пред лицом смерти своего мужа, отвратительны. Я такого не ожидал даже от «Дейли мейл».

Четверг

Прямо сейчас мы сидим в капелле, засыпанной книгами, которые нужно подписать и немедленно отправить в Новый Орлеан, а письма продолжают поступать. Кроме того, нам пишут из

разных стран с предложением обсудить фильм.

Что-то я в этом не уверен.

Я бы хотел, чтобы в Великобритании появилась контролируемая эвтаназия. Именно поэтому я помог финансировать комиссию сильных мира сего, которые непредвзято относятся к вопросу и знают, как работает эта страна и чего она хочет. Я хотел посмотреть, можно ли придумать какие-то разумные варианты, которые будут приняты населением, чтобы больные люди, которые не хотят быть узниками своей болезни, смогли бы, через какое-то время по крайней мере, достойно умереть в своей стране.

Но раз британское правительство не реагирует, обычные граждане должны стараться изменить ситуацию. Пока мы собираемся написать книгу. Не о смерти.

Пятница

Вчерашняя передача «Время вопросов» на Би-би-си снималась в Шотландии. Разумеется, был затронут и вопрос эвтаназии. Не так давно там же снималась другая передача, где подняли этот вопрос. Тогда с идеей расправились очень быстро.

На этот раз участники, хотя они вовсе не были единодушны, говорили очень вежливо и продуманно с благодарной аудиторией, которая,

кажется, готова была по крайней мере рассуждать на эту тему. Мир меняется, но медленно.

И наконец...

Разрозненные заметки Терри Пратчетта о жизни

Текст для благотворительного журнала Space (at the) Bar. Составлено обществом «Октарин» (юмористическое общество почитателей научной фантастики и фэнтези), 1 июля 1990 года (Халл)

АНТИПАСТА *(по мотивам строчки в итальянском меню)*

Самая грандиозная и, разумеется, самая дорогая еда во вселенной. Чтобы приготовить тарелку антипасты, понадобится огромный ускоритель элементарных частиц и энергия, которой хватило бы на освещение Большого Лондона. Антипаста, как и любая антиматерия, *движется назад во времени*. Нормальную пасту готовят за несколько часов до еды, антипасту — через несколько часов после того, как вы ее съели. Если всё сделать правильно, обе пасты встретятся на вашей вилке, а вы испытаете невероятный взрыв вкуса. Строго говоря, бóльшая часть расходов на приготовление антипасты приходится на оттирание стен от томатного соуса.

СЭР ТОМАС СОРТИР

Всем известно, что сэр Томас Сортир изобрел первый практичный и эффективный унитаз с системой смыва, блиставший на Всемирной выставке 1851 года. Он дал имя своему изобретению, а впоследствии и всему явлению. Как ни странно, это знание неверно. Слово это впервые возникает еще в шестнадцатом веке (в частности, порой уборную именовали «сортирной крепостью»). Выходит, что если Томас Сортир существовал, в школе ему приходилось несладко. Видимо, тогда он понял, что у него нет другого выхода, кроме как заняться гидравликой и создать эффективный сортир. Странно, но чистая правда.

ЛОВУШКА ДЛЯ ЩЕГОЛЕЙ ***(Сленговое выражение начала девятнадцатого века. Вероятно, возникло в Бате)***

Наконец-то это совершенно необходимое слово появилось в языке. В наши тэтчеристские дни практически на каждой мощеной улице есть камень, который настолько расшатался, что под него затекает дождевая вода. Если наступить на него, он переворачивается и заливает ваши брюки по колено. Это и есть ловушка для щеголей.

ЧТО НАДО ЗАКАЗЫВАТЬ В РЕСТОРАНАХ КАК

МОЖНО ГРОМЧЕ

1) Печенку с толстыми трубочками.
2) Селедку с дополнительными глазами.
3) Шведский стол с дополнениями.

БАРРИ НОРМАЛЬ О СТРАННЫХ ПРОФЕССИЯХ ГОЛЛИВУДА

№ 1. Человек, который переворачивает грузовик на соседних улицах в сценах погони (ну, герой его обычно объезжает, а злодеям сносит башню, когда их машина в него врезается).

До 1988 года было неизвестно, что это не только один и тот же грузовик, но и один и тот же водитель на одной и той же смене.

«Это не моя вина, — заявил сорокасемилетний Хирам Капутник, — порой мне приходится возить грузы в такие места, где совершенно невозможно развернуться в три приема. У меня есть благодарность за аккуратное вождение. Но если я выезжаю задом, а по улице мчатся со скоростью девяносто миль в час две машины, что мне остается делать? Если бы мне пришлось один раз ремонтировать днище… так ведь нет, раз пятьдесят».

Как ни странно, отец и дядя мистера Капутника в двадцатые годы работали в Голливуде. Им никак не удавалось доставить по адресу кусок

стекла. А почему нет?

Об авторе

Терри Пратчетт — знаменитый создатель книг о Плоском мире. Первая из них, «Цвет волшебства», была опубликована в 1983 году.

Его книги часто ставят на сцене и экранизируют, он получил множество премий, включая медаль Карнеги, и был посвящен в рыцари за заслуги перед литературой.

Подробную информацию о Терри Пратчетте и его книгах можно найти на сайте www.terrypratchett.com